

Веймарская Республика

ИСТОРИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИОГРАФИЯ

9(43) 1549129
B-264 Веймарская
республика
1987

Q-665

1p 5012

no. 304. 2.5.2001

23/11-857.

0549

17/11/03

C-603

22.08 *[Signature]*

A-75. 3.01.09. *[Signature]*

[Signature]

Министерство высшего
и среднего специального образования РСФСР

Ивановский государственный университет
имени первого в России Ивано-Вознесенского
общегородского Совета рабочих депутатов

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА:

история, источниковедение, историография

Межвузовский сборник научных трудов

Иваново 1987

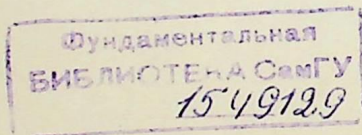
9(43)
В-264.

В статьях сборника исследованы малозученные парламентские и дипломатические документы, пресса, художественная литература и другие источники по истории Германии 1918—1933 гг., а также отдельные вопросы историографии и истории этого периода.

Издание подготовлено кафедрой новой и новейшей истории Ивановского государственного университета.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **И. Я. Биск** (ответственный редактор);
кандидаты исторических наук: **В. Г. Баев**, **М. Е. Ерин**.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научные и политические итоги четырнадцати лет Веймарской республики, возникшей в огне Ноябрьской революции 1918 г. и уничтоженной гитлеровцами в 1933 г., сложны и поучительны. Это единодушно признают ее исследователи. Сохраняют и в наши дни актуальность замечания западно-германского историка К. Д. Брахера: «Участь и опыт Веймарской республики в очень значительной мере определяют облик, структуру и тенденции немецкой послевоенной политики... едва ли существуют хоть одно мероприятие, одна дискуссия, одно важное решение в области современной политики, которые были бы приняты без ссылки на «пример» Веймарской республики или без сравнения с ее «уроками»¹. Другое дело, что эти уроки по-разному понимаются буржуазными и марксистскими историками.

Хотя литература о веймарской Германии обширна, дальнейшее создание полноценных трудов по этому важному периоду германской истории тормозится слабой разработанностью его источниковой базы: она почти не изучена в ФРГ и ГДР и недостаточно исследована в СССР. Значительная часть сделанного советскими историками-германистами за последние годы включена в настоящей сборник. Более четырех пятых его объема занимают источниковедческие работы, посвященные анализу отдельных типов источников или источников по отдельным темам истории веймарской Германии.

В статье В. Г. Баева выясняется источникная ценность стенографических отчетов и других документов веймарского

---

¹ Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. 2. Auflage. Stuttgart; Düsseldorf, 1957. S. XX. См. также: Erdmann K. D. Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. H. 1. S. 5; Mattias E. Zur Geschichte der Weimarer Republik// Die neue Gesellschaft, 1956. H. 4. S. 312; и. а.

рейхстага. Существенным дополнением к ним являются изданные в ФРГ в 1969—1981 гг. два тома протоколов заседаний парламентской фракции партии Центра, анализ которых предпринят М. Е. Ериным. В. А. Цветков критически анализирует материалы новейшей публикации дипломатических документов Германии, осуществленной в 1966—1984 гг. западными странами и содержащей, в частности, обильные сведения по истории взаимоотношений Германии со странами Восточной и Юго-Восточной Европы в 1925—1932 гг. Источниковедческому анализу наиболее известных и часто используемых германистами радикально-демократических журналов веймарского времени посвящена статья А. Н. Андреева и автора этих строк. Комплексный анализ опубликованных документов, прессы, мемуаров, произведений современников по истории комсомола веймарской Германии предпринят Н. В. Исаевой, выяснившей их источниковую ценность. Н. М. Нарыкова рассматривает источниковое значение некоторых русскоязычных источников по истории крестьянского движения в Веймарской республике.

Признавая в принципе источниковое значение художественной литературы, наши исследователи более чем редко используют ее в качестве источника. Исходя из того, что художественная литература является существенным источником по истории культуры, быта и нравов, общественной мысли, И. Н. Палий и В. Ю. Федотова показывают значение произведений классика немецкой литературы Э. М. Ремарка, а также реакционного профашистского автора Г. Гримма для понимания разных сторон жизни населения Веймарской республики.

Научно-практическое значение публикуемых в сборнике источниковедческих статей заключается прежде всего в помощи исследователям конкретных проблем истории веймарской Германии.

В историографической статье Л. И. Гинцберга подвергнуто критике объяснение причин крушения Веймарской республики историками ФРГ, работы которых опубликованы в конце 70-х — начале 80-х гг. в связи с 50-летием установления в Германии фашистской диктатуры.

Две статьи сборника носят конкретно-исторический характер. Л. Б. Соколовская освещает теоретическую и практическую деятельность КПП по организации движения солидарности с национально-освободительной борьбой народов Востока в 1918—1933 гг. В статье И. Г. Асадулиной выяснено

развитие пангерманцами в интересах германского империализма идеи интегрированной Европы до конца веймарского времени.

Проф. И. Я. Биск

Л. И. ГИНЦБЕРГ
(Институт международного рабочего движения АН СССР)

ИСТОРИКИ ФРГ О ПРИХОДЕ ФАШИСТОВ К ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ

(конец 70-х — начало 80-х годов)

Веймарская республика, особенно же ее крушение, принадлежит к ключевым темам западногерманской историографии. К тому же на годы, когда были изданы рассматриваемые в настоящем обзоре работы, приходится круглая дата — 50-летие передачи фашистам власти, вызвавшая немало откликов. И тем не менее продукция буржуазных ученых, посвященная проблемам краха Веймарской республики, в научном отношении не прибавляет ничего ценного к тому, что уже известно. Материалы, приуроченные к 50-летию установления фашистской диктатуры, свелись в основном к статьям в журналах и сборниках или публикациям протоколов различных заседаний и симпозиумов¹. Монографических исследований ни к этому «юбилею», ни в течение ряда лет до и после него почти не появилось. Это, конечно, не значит, что буржуазная историография прекратила пропаганду своей концепции указанного события, его причин и виновников; она ведется в общих работах, тематических сборниках, комментариях к документальным публикациям и т. п. Эти издания и послужат в основном объектом нашего внимания в данной статье.

Предметом постоянной и острой идейной борьбы по вопросу о социальных силах, несущих историческую ответственность за установление гитлеровской диктатуры, является роль германского крупного капитала в этом событии. Решающая роль монополистов в предоставлении власти Гитлеру

---

¹ См.: Гинцберг Л. И. Современная буржуазная историография об установлении фашистской диктатуры в Германии // Вопросы истории. 1986. № 1.

и мотивы, которыми те руководствовались,—ликвидация организованного рабочего движения и подготовка (а затем развязывание) новой мировой войны — вполне ясны теперь не только историкам-марксистам, но и ряду честных буржуазных ученых, которые не привыкли игнорировать очевидные факты. О том, насколько справедлива точка зрения, что фашизм привели к власти Тиссен, Кирдорфы, Феглеры и другие магнаты капитала, с максимальной убедительностью свидетельствуют опубликованные за последние 10—15 лет документы, извлеченные из архивов некоторых монополий; соответствующие издания вышли и в ГДР, где сделано особенно много для выяснения причин и обстоятельств установления нацистской диктатуры и ее последующей истории, и в ФРГ, где в течение указанного периода значительно укрепилось прогрессивное течение историографии, выходит все больше марксистских работ. Перед лицом этих публикаций апологеты реакции вынуждены маневрировать, хотя они отнюдь не собираются отказываться от своих антиисторических схем.

А. Пример этого — монография Р. Неебе «Крупная промышленность, государство и НСДАП в 1930—1933 гг.», по существу единственная для конца 70-х — начала 80-х годов². Она имеет подзаголовок «Пауль Зильверберг и Союз германской промышленности в период кризиса Веймарской республики». Зильверберг, находящийся в центре исследования, был одним из воротил тяжелой индустрии Рура, оказывавших заметное влияние на деятельность важнейшей предпринимательской организации Германии. Когда читаешь книгу, то подчас создается впечатление, что ее автор не оспаривает заинтересованность ряда крупных промышленников в возвышении нацистской партии и привлечении ее к управлению страной. Так, он признает большое значение выступления Гитлера 26 января 1932 г. в Дюссельдорфском промышленном клубе, когда «фюрер» снискал аплодисменты виднейших представителей крупного бизнеса, и последовавшей за этим встречи фашистских главарей с Тиссеном, Феглером и Пен-

² Можно назвать еще книгу Х. Хене «Взятие власти. Путь Германии к гитлеровской диктатуре», но считать ее сколько-нибудь серьезным исследованием нельзя: она составлена из очерков, публиковавшихся автором, сотрудником журнала «Шпигель», в этом журнале, предназначенном для массового западногерманского читателя (Höhne H. Die Machtergreifung: Der Weg Deutschlands in die Hitlerdiktatur. Reinbeck bei Hamburg, 1983).

сгенном. Неебе отмечает также эволюцию в пользу предоставления власти Гитлеру влиятельного промышленника Рейша, приводит письмо с аналогичным предложением, отправленное в марте 1932 г. Шпринггорумом, занимавшим ключевые посты в предпринимательских организациях Рура, Вильмовскому (зятю Круппа); о значении, которое Шпринггорум придавал своему письму, свидетельствует тот факт, что копии он адресовал Круппу, Феглеру, Рейшу и Зильвербергу³.

Казалось бы, Неебе идет по правильному пути. Но такой вывод был бы слишком поспешным. Для автора приведенные признания — только уловка, призванная продемонстрировать его мнимую «объективность». Далее изложение делает крен, и Неебе тщится доказать, что в последующем крупные промышленники едва ли не «разочаровались» в НСДАП и в период до 30 января 1933 г. не поддерживали и не продвигали ее. Гораздо больше им импонировали якобы фон Папен и возглавляемый им «кабинет баронов». Касаясь деятельности Шахта, игравшего огромную роль в пропаганде нацизма среди крупных промышленников и банкиров, аналогичных усилий Кеплера и его «кружка», в который входили представители монополий, а также еще одного нацистского эмиссара — Функа, Неебе стремится лишь к одному: представить все старания указанных лиц как неэффективные, не встречавшие будто бы отклика у тех, кого гитлеровцы намеревались склонить на свою сторону. То же характерно для оценки автором известного обращения воротил крупной промышленности и землевладения к президенту Гинденбургу от 19 ноября 1932 г. с требованием предоставить власть Гитлеру⁴. Неебе настаивает на том, что приход фашистов к управлению страной тяжелая промышленность встретила расколотой.

Нет особой нужды подробно опровергать фальшивые тезисы Неебе — это уже делалось по другим поводам. Отметим, однако, что на деле переход большей части заправил крупной промышленности к поддержке нацизма, достаточно

³ Neebe R. Grossindustrie und NSDAP. 1930—1933. Paul Silverberg und der Reichsverband der Deutschen Industrie in der Weimarer Republik. Göttingen, 1981. S. 119—122. Письмо Шпринггорума было незадолго до появления книги Неебе напечатано во втором томе документального издания: Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930—1932. Düsseldorf, 1980. S. 1354. В этой публикации, насчитывающей около 1600 страниц, данный документ, пожалуй, единственный, затрагивающий интересующую нас тему.

⁴ Neebe R. Op. cit. S. 122—125, 131 ff., 137—138.

тчетливо обозначившийся уже весной 1932 г., неуклонно продолжался и в дальнейшем; говорить всерьез о приверженности этих кругов к Папену нельзя, ибо он практически не мел за собой сил, которые в сложившейся ситуации могли оставить социальную опору господства капитала. Даже буржуазному историку не следовало бы полностью игнорировать многочисленные свидетельства энергичной и успешной деятельности Шахта, Кеплера, Функа и других по привлечению все новых магнатов крупного бизнеса и их организаций, а в январе 1933 г. — по обеспечению передачи власти Гитлеру (в этом роль Папена, как лица, близкого к Гинденбургу, была действительно существенной). Обращение от 19 ноября было важным и эффективным, но далеко не единственным свидетельством заинтересованности крупных промышленников и банкиров в предоставлении власти гитлеровцам⁵.

Конечно, в этой среде и по данному поводу не было полного единогласия. Известно, что марксистское определение фашизма как системы власти исходит из того, что господство находится в руках наиболее империалистических, наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов монополистического капитала. В январе 1933 г. консенсус, хотя он и не был полным, объединил тем не менее решающие силы господствующего класса. Некоторое «охлаждение» в последние месяцы 1932 г. по отношению к нацистам вызывалось лишь непониманием главариами НСДАП необходимости вступить (хотя бы временно) в коалицию с представителями других правых группировок, что было важно для Гинденбурга и помогло бы придать видимость «законности» установлению фашистского господства. После встречи Папена с Гитлером 4 января 1933 г., когда была достигнута договоренность на этот счет, приостановленное было финансирование НСДАП крупной промышленностью и банками возобновилось в полной мере⁶.

Вопрос о финансировании — частный по отношению к тому, о чем шла речь выше, тоже служит предметом всяческих упреждений буржуазных авторов, пишущих о конце Веймарра. Отрицать субсидирование нацистов из касс монополий

⁵ Из публикаций последнего времени на эту тему см.: Petzold J. Grossbürgerliche Initiativen für die Berufung Hitlers zum Reichskanzler// Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1983. № 1.

⁶ Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию: Германский фашизм рвется к власти. М., 1972.

нельзя (хотя прямые свидетельства этого, естественно, не очень многочисленны), но можно преуменьшить его размеры и значение, приводить данные одновременного финансирования крупным капиталом других политических организаций буржуазии. Этому посвящены две статьи в обобщающем коллективном труде о фашистской диктатуре, вышедшем в 1983 г.: в одной из них (ее написал Т. Трумп) рассматривается период до января 1933 г., во второй (ее автор — уже известный нам Р. Неебе) — после этого. Обе преследуют уже названные выше цели. В статье Трумпа фигурируют знакомые нам тезисы. Папен представлен в качестве «личности, наиболее желанной для германской крупной промышленности». Трумп утверждает даже следующее: «Если бы деньги правили миром, т. е. если бы с их помощью можно было приобретать политическую власть, то за веймарской либеральной демократией последовала бы не тоталитарная «третья империя» Гитлера, а авторитарное «новое государство» фон Папена»⁷. По уверению Трумпа, НСДАП получала средства из фондов индустрии лишь спорадически; к тому же речь шла якобы об относительно небольших суммах, резко уступавших по размерам самофинансированию и поступлениям из-за рубежа⁸.

Конечно, были и приношения от зарубежных покровителей, например, от известного нефтяного магната из Англии Детердинга и «автомобильного короля» Г. Форда, от некоторых других. Но предоставляемые ими средства были каплей в море, как и те, которые могли быть результатом самофинансирования, т. е. членских взносов. Начало 30-х годов — период жесточайшего в истории капитализма экономического кризиса; значительная часть членов НСДАП, принадлежавших к средним слоям, несла под его ударами сильнейший урон, в рядах нацистской партии насчитывалось, кроме того, определенное количество безработных, которые вообще не могли платить членские взносы. Наоборот, многие из них, входившие в штурмовые отряды НСДАП, находились на казарменном положении, и их приходилось содержать за ее счет. Огромных расходов требовала пропагандистская кампания, которую вела гитлеровская партия (особенно это от-

---

⁷ Trumpp T. Zur Finanzierung der NSDAP durch die deutsche Grossbourgeoisie. Versuch einer Bilanz//Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945: Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983. S. 145.

⁸ Ibid. S. 149.

носится к 1932 г., когда 5 раз проводились выборы — дважды в рейхстаг, в ландтаги и президентские в два тура). Необходимые для этого сотни миллионов марок могли поступать только от тех, кто ими располагал, т. е. от промышленных магнатов, а также от крупных землевладельцев и титулованной знати. Соответствующие факты давно стали достоянием науки, хотя, конечно, известно далеко не все, ибо такая помощь отнюдь не афишировалась (лишь в период фашистского господства некоторые монополисты похвалялись своими «заслугами» в деле продвижения гитлеровцев к власти, а Ф. Тиссен, бежавший из Германии, выпустил книгу под характерным заглавием «Я платил Гитлеру»).

Финансирование являлось, однако, лишь одной стороной указанной поддержки, не менее важна была политическая ее сторона, без которой нацистская партия никогда бы не вышла из безвестности, где она находилась долгое время, а позднее, во второй половине 1932 г., пришла бы в полный упадок, ибо в ходе классовой борьбы в стране наметился перелом, и фашисты начали стремительно терять приверженцев. Чтобы закончить с Трумпом, отметим, что после всяческих уловок, призывных, как и у Неебе, доказать, что во второй половине 1932 г. тяжелая промышленность якобы решительно отвернулась от НСДАП, он констатирует: «Тем не менее большинство крупных промышленников заняли по отношению к правительству, возглавляемому Гитлером, доброжелательную позицию»⁹. Мотивировка этого, правда, смехотворна — они были-де насмерть напуганы планами Шлейхера, в котором видели «социалиста в военной форме», — но сам вывод довольно близок к истине, хотя эпитет «доброжелательный» здесь слишком слаб.

«Кто поддерживал нацистов?» — так озаглавлена статья К. Мегерле и И. Бергмана, опубликованная в сборнике, вышедшем в 1983 г. под редакцией первого из соавторов. В перечне поддерживающих НСДАП сил промышленники стоят здесь на последнем месте — после мелкой буржуазии и ...рабочих. И в данной статье фигурирует тезис о том, будто монополисты предпочитали нацистам Папена. О финансировании крупными капиталистами фашистской партии говорится со скептицизмом — достоверных данных на сей счет якобы нет, да и решающего значения эти средства-де не имели. Авторы лавируют, признавая за магнатами капитала определен-

⁹ Ibid.

ную ответственность за установление гитлеровского режима но и тут следует существенная оговорка — она якобы меньше, чем та, которую несут крупные аграрии¹⁰. Подобная же точка зрения встречается и в работах других буржуазных историков. Тяжелая историческая вина безусловно лежит на землевладельческой элите, наиболее тесно связанной с Гинденбургом и способствовавшей тому, чтобы склонить его на предоставление власти Гитлеру. Но не эта элита господствовала в Веймарской республике, не ее интересами определялось прежде всего коренное изменение политического строя, происшедшее 30 января 1933 г. То были интересы наиболее реакционной части монополистического капитала.

За последние годы к числу уже известных буржуазных специалистов по истории Веймарской республики — таких, как К. Брахер, Р. Морсей и др., прибавились новые имена. Одним из самых плодовитых среди более молодых буржуазных историков является Х. Шульце, выпустивший за сравнительно короткий срок три книги, в том числе объемистый общий обзор истории Германии веймарского периода. В своих книгах, в выступлениях на научных конференциях и симпозиумах Шульце не только повторяет воспринятые от предшественников и противоречащие исторической истине положения, но и существенно заостряет их.

Во вступительном докладе на состоявшемся в 1979 г. в Кельне коллоквиуме, созванном фондом Ф. Тиссена (!) и посвященном выяснению причин падения Веймарской республики, Шульце высказал ряд тезисов, ревизирующих выводы, к которым буржуазная историография пришла под давлением фактов и с учетом достижений марксистско-ленинской науки в рассматриваемой области. Так, Шульце заявил, что Гинденбург «всегда, в том числе — и даже именно — 30 января 1933 г., был бы рад назначить опирающееся на парламентское большинство правительство, в котором НСДАП не была бы представлена». Но политические партии не предоставляли ему такой возможности — в этом, по-видимому, и заключается причина краха демократии в Германии начала 30-х годов. Здесь все поставлено с ног на голову, как и в следующем тезисе: «Столь муссируемую роль тяжелой промышленности и финансового капитала в подъеме национал-социализма следует, в свете новейших исследований на эту тему,

---

¹⁰ Warum gerade die Nationalsozialisten? (West) Berlin, 1983. S. 184, 193.

рассматривать как незначительную»¹¹. Характерна фальшивая ссылка на некие «новейшие исследования», якобы опровергающие тяжелую историческую ответственность крупного капитала: наоборот, изыскания, осуществленные в 60—70-х годах в ГДР и ФРГ (например, работы Д. Штегмана, основанные на важных архивных источниках), весьма убедительно подтверждают эту ответственность.

В своей книге по истории Веймарской республики Шульце повторяет сказанное им на коллоквиуме, а некоторые тезисы «развивает», доводя их до абсурда. Свидание Папена с Гитлером 4 января 1933 г. было устроено кельнским банкиром Шредером, якобы не во исполнение воли крупного капитала, а просто потому, что он был знаком и с Папеном, и с Кеплером. По мнению Шульце, не следовало делать это событие достоянием гласности, ибо именно вследствие этого промышленники прониклись симпатиями к Гитлеру — союзнику Папена (!)¹². Автор касается также роли государственного аппарата республики, армии, органов юстиции, как известно, насквозь пропитанных лицами, придерживавшимися реакционных взглядов и благоволившими фашистам; признавая засилье подобных элементов, Шульце отрицает однако, что это в существенной мере способствовало гибели Веймарской республики. А общую позицию восходящей звезды западногерманской буржуазной историографии характеризует следующее высказывание, подводящее итог всей книги: «Важнейшие причины (падения республики. — Л. Г.) лежат в области сознания, представлений и мышления»¹³. Причины прихода к власти фашистов следует, таким образом, искать не в материальной сфере, не в конкретных интересах господствующего класса и составлявших его социальных групп, а в самодовлеющих духовных категориях. Шульце и в этом не слишком оригинален, ибо нечто подобное еще в 60-х годах проповедовал Э. Нольте; но преемник сумел превзойти учителя в бессмыслице.

Тезисы Шульце пришлись по душе некоторым его коллегам. Об этом свидетельствуют, в частности, выступления на большой конференции историков в Западном Берлине (январь 1983 г.). Так, К. Борхард объявил здесь «легендой» точ-

¹¹ Weimar. Selbstpreisgabe einer Demokratie: Eine Bilanz heute. Düsseldorf, 1980. S. 32, 35.

¹² Schulze H. Weimar. Deutschland, 1917—1933. (West) Berlin, 1982. S. 401—402.

¹³ Ibid. S. 425.

ку зрения о главенствующей роли промышленников и банкиров в предоставлении власти нацистам. При этом он почти дословно повторил тезис Шульце: «Новейшие исследования показывают это, практически не оставляя на сей счет никаких сомнений»¹⁴. Отличие заключается в этом «отсутствии сомнений». Столь безапелляционно попирают достоверные факты представители буржуазной исторической науки не отживались уже давно.

Подобная же эволюция произошла и в трактовке частного, но существенного события предыстории установления фашистской диктатуры. Речь идет о государственном перевороте в Пруссии, совершенном правительством Папена 20 июля 1932 г. В истории классово-борьбы начала 30-х годов в Германии это был один из узловых моментов. Во многих своих работах буржуазные и даже социал-реформистские историки исходили из того, что серьезное поражение приверженцев демократии 20 июля 1932 г. отнюдь не было неизбежным, а явилось результатом бездействия руководства СДПГ и профсоюзов; вместе с тем исход ожесточенной борьбы и тогда еще не был решен окончательно, хотя позиции противников фашизма стали после 20 июля слабее. По инициативе Х. Шульце и в этом вопросе осуществляется грубое насилие над фактами, игнорируются документы, отразившие всеобщее желание трудящихся дать отпор реакции, немалые возможности, имевшиеся для этого, усилия Коммунистической партии добиться объявления всеобщей забастовки, которая, как то было в 1920 г., заставила бы черные силы отступить. В противовес этому Шульце утверждает, будто отпор государственному перевороту в Пруссии был «совершенно бесперспективен»¹⁵.

Другой представитель ревизионистского направления, В. Хенчель, утверждает: «В Германии более не было социально-политических сил, которыми не могли бы манипулировать по своей воле те, кто управлял президентом и командовал рейхсвером»¹⁶. Подобную точку зрения, не оставляющую места для какой-либо альтернативы, подхватили и другие авторы, в том числе даже те, которые ранее придерживались мнения, что сопротивление прусской авантюре Папена имело

¹⁴ Deutschlands Weg in die Diktatur. (West) Berlin, 1983. S. 125.

¹⁵ Schulze H. Op. cit. S. 380—381.

¹⁶ Hentschel V. So kam Hitler. Schicksalsjahre, 1932—1933. Düsseldorf, 1980. S. 60, 62.

немалые шансы на успех (так поступила, например, Х. Гребинг)¹⁷.

В то время как в буржуазной историографии наметилось движение вспять в освещении важных вопросов предьстории фашистского господства, прогрессивные ученые ФРГ в разработке этих проблем добиваются объективного отражения исторической истины. Примером может служить статья Г. Юдика, опубликованная в журнале «Марксистische блеттер» в связи с 50-летием событий 20 июля 1932 г. Обоснованно звучит итоговый вывод автора: «Если когда-либо имелись шансы посредством народной акции преградить путь фашизму, то это было в июле 1932 г.»¹⁸ Деятельность правительства Папена в целом посвящена содержательная книга У. Херстер-Филипс. Она показывает роль «кабинета баронов» в деле фашизации Германии, исследует расстановку сил в лагере монополистического капитала и постепенную переориентацию большинства его представителей от поддержки Папена на сторону НСДАП. В этой связи рассматривается активность Кеплера и возглавлявшегося им кружка, усилиями которого осенью 1932 г. была осуществлена разработка экономической программы нацистской партии, отвечавшая наиболее существенным интересам монополий. Подводя итоги своему исследованию, Херстер-Филипс подчеркивает: «Почти вся тяжелая промышленность, большая часть новых индустриальных отраслей, крупное землевладение и широкие слои банковского и торгового капитала связывали с отставкой Папена требование передачи власти Гитлеру»¹⁹.

У. Херстер-Филипс выполнила и другую важную задачу: она издала сборник документов о связях монополий и нацизма на протяжении всего периода существования последнего²⁰. Большое место в этой книге занимают материалы (почерпнутые из некоторых прежних публикаций, а также из архивных фондов), отражающие участие различных групп господствующего класса в возвышении нацизма и предостав-

---

¹⁷ Гинцберг Л. И. Современная буржуазная историография... С. 154.

¹⁸ Marxistische Blätter. 1982. № 4. S. 96.

¹⁹ Hörster-Philipps U. Konservative Politik in der Endphase der Weimarer Republik. Die Regierung Franz von Papen. Köln, 1982. S. 360.

²⁰ Wer war Hitler wirklich? Grosskapital und Faschismus, 1918—1945. Köln, 1978.

лении фашистам власти. Значение подобного издания в условиях ФРГ велико.

Освещая события начала 30-х годов (да и более поздние), прогрессивные историки исследуют не только и не столько деятельность тех или иных личностей, и прежде всего Гитлера (чем неизменно и упорно занимается буржуазная историография), а в первую очередь замыслы и действия социальных сил, участвовавших в острой борьбе, которая развернулась тогда в Германии. Как отметил известный прогрессивный ученый В. Абендрот, касаясь литературы, посвященной 50-летию прихода фашистов к власти, из нее практически нельзя узнать, какую роль в этом роковом событии играли монополистическая буржуазия, крупные банкиры и землевладельцы, военщина и верхушка государственного аппарата. Но без этого, указывает В. Абендрот, невозможна «скрупулезная историческая и социальная проверка происшедшего тогда, необходимая, чтобы приверженцы гуманизма и демократии могли извлечь выводы из того, что привело к 30 января 1933 г.»²¹

Обстановка в ФРГ в условиях правления консервативно-либеральной коалиции, неуклонное усиление реваншистских тенденций, активизация неонацистских организаций и другие аналогичные факты делают подлинно научное, объективное изучение предыстории установления фашистской диктатуры в 1933 г. настоятельной потребностью.

В. Г. БАЕВ

(Тамбовский педагогический институт)

ДОКУМЕНТЫ РЕЙХСТАГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Парламентские документы включают стенограммы прений в пленарных заседаниях, отражающие «самую сокровенную суть парламентской деятельности»¹, а также законопроекты, материалы работы комитетов, обращения глав государств и правительств, интерpellации депутатов, сведения о депута-

²¹ Abendroth W. Nach fünfzig Jahren//Blätter für deutsche und internationale Politik. 1983. № 1. S. 6.

¹ Парламенты: Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира/Пер. с англ. М., 1967. С. 155—156.

тах и др. Источниковое значение этих документов заключается в том, что они помогают понять становление законов, принятие которых вместе с контролем над деятельностью правительств составляет сущность парламентаризма, но, кроме того (и это не менее важно), речи депутатов зачастую содержат обильные сведения о разных сторонах жизни страны.

Предметом исследования в настоящей статье являются документы рейхстага Веймарской республики.

Документы германского рейхстага выходили при сквозной нумерации с 1871 по 1943 г. под общим названием «Verhandlungen des Reichstags». На веймарские 1919—1933 г. приходится 130 крупноформатных книг-фолиантов — тома 326—456. Из них 18 — тома 326—343 — охватывают документы Национального собрания, а 112 — тома 344—456 — документы рейхстагов. Из этих 112 томов 41 приходится на стенографические отчеты о прениях и 64 тома на приложения, из которых 7 томов составляют предметные указатели (каждый первый том приложений является для данного созыва предметным указателем). 41 том стенографических отчетов представляют для историка повышенный интерес: поскольку первостепенной задачей парламента являлось обсуждение бюджета, в хитросплетениях которого разбираться было трудно, депутаты переносили центр тяжести обсуждения в сферу практической политики отдельных министерств и правительства в целом, благодаря чему стенограммы и являются для историка источником многоплановой и обильной информации.

По 7 созывам тома располагаются следующим образом:

Таблица 1

Созывы с датой выборов	Вид документов	Томы	Кол-во томов
1-й, 6 июня 1920 г.	Стенографич. отчеты	344—361	18
	Приложения	362—380	19
2-й, 4 мая 1924 г.	Стенографич. отчеты	381	1
	Приложения	382—383	2
3-й, 7 декабря 1924 г.	Стенографич. отчеты	384—395	12
	Приложения	396—422	27
4-й, 20 мая 1928 г.	Стенографич. отчеты	423—428	6
	Приложения	429—443	15

Созывы с датой выборов	Вид документов	Томы	Кол-во томов
5-й, 14 сентября 1930 г.	Стенографич. отчеты	444—446	3
	Приложения	447—453	7
6-й, 31 июля 1932 г.	Стенографич. отчеты	454	1
	Приложения	—	—
7-й, 6 ноября 1932 г.	Стенографич. отчеты и приложения (в одном томе)	455—456	1

Литература о веймарском парламентаризме и рейхстаге обширна². Она публикуется преимущественно в ФРГ при общей тенденции объяснить гибель веймарской парламентской системы ее чрезмерной демократичностью и тем обосновать необходимость «сильной власти» в стране. Но эта литература, как и общие труды по истории Германии 1919—1933 годов, содержит лишь спорадические упоминания об использованных парламентских документах либо небогатые сведения, облегчающие анализ происхождения этих документов другими лицами³.

Специальные источниковедческие труды о документах рейхстага отсутствуют, что затрудняет их использование историками-конкретниками. Объем этих документов весьма велик — стенографические отчеты о прениях на пленарных заседаниях составляют напечатанную готическим шрифтом «книгу» в 38 тыс. страниц. Поиски в них необходимого материала очень трудоемки и не всегда результативны. Это су-

² См. об этом: Баев В. Г. Изучение истории парламентаризма и политических партий в ФРГ // Вопросы истории. 1984. № 5; см. также аннотированный перечень трудов, изданных под эгидой Комиссии по истории парламентаризма и политических партий: *Annotierte Bibliographie 1952—1982: (Kommission für Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien)*. 2. verbesserte Auflage. Bonn, 1983.

³ *Das deutsche Parlament*/Hrsg. von P. Siebert. Frankfurt a. M., 1962; *Der Reichstag: Aufsätze, Protokolle und Darstellungen zur Geschichte der parlamentarischen Vertretung des deutschen Volkes, 1871—1933*/Hrsg. E. Deuerlein. Frankfurt a. M., 1963; *Schmädeke J. Der deutsche Reichstag. Das Gebäude in Geschichte und Gegenwart*. Berlin, S. a.; *Schwarz M. Biographisches Handbuch des Reichstags*. Hannover, 1965; *Tormin W. Geschichte des deutschen Parlamentarismus*. Hannover, 1966; *Vogel B. Wahlen in Deutschland*. Berlin, 1971; и. а.

шественная причина того, что документы рейхстага еще не заняли подобающего места в источниковой базе наших германистов.

В настоящей статье предпринят — по необходимости краткий — источниковедческий анализ документов рейхстага с выявлением их положительных сторон, недостатков и общей ценности как источника по истории Веймарской республики. Статья призвана облегчить труд историка-исследователя и показать ему, что интересного и важного этот источник содержит.

Для решения поставленной задачи документы рейхстага сопоставлялись друг с другом («перекрестный допрос» был особенно полезен при трактовке проблемы депутатами из разных партийных лагерей), а также со статистическими материалами⁴, дипломатическими документами⁵, часто — с мемуарами веймарских парламентариев⁶, реже — с произведениями современников⁷, в отдельных случаях — с художественными произведениями живших в веймарское время писателей⁸.

Анализ происхождения документов рейхстага

Важной предпосылкой успешного использования документов парламента как исторических источников является предварительное выяснение его истории, места в жизни страны, порядка избрания, состава, регламента и других данных.

⁴ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Berlin, 1920—1933.

⁵ Советско-германские отношения, 1922—1925: Документы и материалы: В 2 ч. М., 1971; Локарнская конференция 1925 г.: Документы. М., 1959.

⁶ Из многочисленных мемуаристов подробнее других характеризуют особенности, стиль работы рейхстага, парламентские нравы, закулисные детали веймарского парламентаризма: многолетний председатель рейхстага и один из правых лидеров СДПГ П. Лёбе (Löbe P. Erinnerungen eines Reichstagspräsidenten. Berlin, 1949); депутат с 1920 г., крупный чиновник и дипломат при Г. Штреземане В. Рейнбабен (Reinbaben W. von. Viermal Deutschland: Aus dem Leben eines Seemanns, Diplomaten, Politikers, 1895—1933. Berlin, 1954); лидер фракции Демократической партии в рейхстаге О. Мейер (Meier O. Von Bismark zu Hitler, N. J., 1944) и др.

⁷ Например, книги противников веймарского парламентаризма В. Ламбаха и К. Вестарпа (Lambach W. Die Herrschaft der Fünfhundert. Hamburg, 1926; Westarp K. Am Grabe der Parteiherrschaft. Berlin, 1932).

⁸ В частности, с романами начинавших в веймарское время свой творческий путь Э. М. Ремарка, Г. Фаллады, Л. Фейхтвангера.

Обращенное порталом к Королевской площади, четко выделявшееся на фоне соседних правительственных учреждений и иностранных дипломатических представительств, массивное пятиэтажное здание рейхстага с его 11,2 тыс. м² полезной площади по-прежнему являлось символом германской государственности. Однако, хотя рейхстаг Веймарской республики оставался в том же здании, работал в основном по старому регламенту⁹, значение его существенно возросло по сравнению с кайзеровской эпохой, когда он преимущественно маскировал парламентскими формами гогенцоллерновский деспотизм¹⁰. Согласно Веймарской конституции рейхстаг монопольно законодательствовал и контролировал деятельность правительства, которое при потере доверия большинства депутатов уходило в отставку. Рейхстаг работал в условиях гласности, и депутаты не могли не прислушиваться к общественному мнению. Коммунисты и другие прогрессивные депутаты использовали его трибуну для защиты интересов трудящихся¹¹. За исключением кризисного 1932 г., он в среднем заседал около 3 мес. в году¹² (для сравнения: бундестаг ФРГ — приблизительно 1,5 мес.). Однако результат голосования фактически предreshался на заседаниях фракций, аргументы ораторов в пленарных заседаниях редко что-либо меняли, поэтому заседания рейхстага зачастую проходили в полупустом зале¹³. С превращением в начале 30-х годов нацистской фракции в сильнейшую рейхстаг стал недееспособен, и страна управлялась издававшимися на базе § 48 конституции чрезвычайными декретами, перед которыми все бо-

---

⁹ В первые годы Веймарской республики рейхстаг работал по временному регламенту, принятому Национальным собранием 6 февраля 1919 г. (*Verhandlungen der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung*, Bd. 356. S. 4. Далее: VVDN). Окончательный вариант регламента, мало чем отличавшийся от прежнего, был выработан позже и вступил в силу 1 января 1923 г.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 28. Исследователи единодушно признают, что уровень развития парламентских учреждений в веймарское время был гораздо выше, чем в кайзеровское (см., например: *Stüttgen M. Koalition und Opposition in der Weimarer Republik, 1924—1928*. Düsseldorf, 1967. S. 15).

¹¹ Баев В. Г. Деятельность КПГ в рейхстаге Веймарской республики // Вопросы истории. 1980. № 4.

¹² В 1920 г. — 51 день, 1921 — 102, 1922 — 131, 1923 — 112, 1924 — 31, 1925 — 139, 1926 — 115, 1927 — 107, 1928 — 84, 1929 — 91, 1930 — 94, 1931 — 56, 1932 — 11.

¹³ Rheinbaben W. von. *Op. cit.* S. 162.

лее отступало сокращавшееся парламентское законодательство¹⁴.

Как известно, выборы в веймарский рейхстаг были всеобщими, прямыми, равными при тайном голосовании. Снижение возрастного ценза до 20 лет и предоставление избирательных прав женщинам привело к росту корпуса избирателей в 2,5 раза по сравнению с кайзеровским временем, причем более половины избирателей оказались женщинами, которые чаще всего отдавали голоса консервативным партиям¹⁵. Избирательная система Веймарской республики была пропорциональной, т. е. предусматривала процентное соответствие между количеством поданных за данную партию голосов и полученных ею в рейхстаге мандатов. В соответствии с законом было создано 35 избирательных округов по 60 тыс. избирателей, от каждого округа в рейхстаг направлялся 1 депутат. При этом избиратель голосовал не за конкретного кандидата в депутаты, а за общий список кандидатов, выставленных данной партией, т. е. ее руководством¹⁶. Один депутат мог одновременно фигурировать в нескольких избирательных округах, что повышало его шансы на выборах. Поданные в округе за данную партию голоса в количестве менее 60 тыс. (т. н. «остаточные голоса») суммировались в общегосударственном масштабе; общегосударственный «остаточный список» мог дать партии несколько дополнительных голосов, а небольшой или малопопулярной партии — обеспечить представительство в рейхстаге. Одним из следствий пропорциональной системы была многофракционность рейхстага.

Численность фракций в Национальном собрании и в рейхстагах всех семи созывов вместе с количеством поданных голосов избирателей отражены в таблице 2.

---

¹⁴ По подсчетам статс-секретаря рейхсканцелярии О. Мейснера, соотношение чрезвычайных декретов и обычных законов было: в декабре 1930 г. — марте 1931 г. — 2:19, в апреле-декабре 1931 г. — 40:1, в 1932 г. — 59:5 (Meißner O. Staatssekretär unter Ebert-Hindenburg-Hitler. Düsseldorf, 1950. S. 210).

¹⁵ Из каждых ста впервые голосовавших в 1920 г. женщин отдали свои голоса: партии Центра — 59, Национальной партии — 56, Народной — 51, Демократической — 47, СДПГ — 43, КППГ — 37 (Bremme G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen, 1956. S. 76).

¹⁶ Kaisenberg G., Welser H. Reichswahlgesetz und Gesetz über die Wahl des Reichspräsidenten. Berlin, 1920. S. 9.

Выборы в рейхстаг Веймарской республики (голоса — в тыс.)

Партии	Национальное собрание 19 янв. 1919 г.		I легис-латива Рейхстаг 5 июня 1920 г.		II легис-латива Рейхстаг 4 мая 1924 г.		III легис-латива Рейхстаг 7 декабря 1924 г.		IV легис-латива Рейхстаг 20 мая 1928 г.		V легис-латива Рейхстаг 14 сентября 1930 г.		VI легис-латива Рейхстаг 31 июля 1932 г.		VII легис-латива Рейхстаг 6 ноября 1932 г.	
	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.	Голосов	Деп.
КПГ	—	—	589,5	4	3693,3	62	2709,1	45	3264,8	54	4592,1	77	5282,6	89	5980,2	100
СДПГ	11509,1	163	6104,4	102	6008,9	100	7881,0	131	9153,0	153	8577,7	143	7959,7	133	7248,0	121
Демократ. партия	5641,8	75	2333,7	39	1655,1	28	1919,8	32	1505,7	25	1322,4	20	371,8	4	336,5	2
Центр	5980,2	91	3845,0	64	3914,4	65	4118,9	69	4712,2	62	4127,9	68	4589,3	75	4230,6	70
Бав. н. п.	—	—	1238,6	21	946,7	16	1134,0	19	945,6	16	1059,1	19	1192,7	22	1094,6	20
Нар. п.	1345,6	19	3916,4	65	2694,4	45	3049,1	51	2679,7	45	1578,2	30	436,0	7	661,8	11
Нар. л.	3121,5	44	4249,1	71	5696,5	95	6205,8	103	4381,6	73	2458,3	41	2177,4	37	2959,0	52
НСДАП	—	—	—	—	1918,3	32	907,3	14	810,1	12	6409,6	107	13745,8	230	11737,0	196

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, Berlin, 1933. S. 539.

В находившемся на 2-м этаже зале пленарных заседаний — сердце рейхстага — фракции располагались амфитеатром слева направо от председателя в следующем порядке: КППГ, СДПГ, Демократической партии, партии Центра и близкой к ней Баварской народной партии, Народной партии, Национальной партии, НСДАП¹⁷.

Фракция КППГ, будучи принципиальной противницей буржуазного государства, отстаивала в рейхстаге интересы народа и боролась против монархической и фашистской реакции. Ее отношение к веймарскому парламентаризму депутат К. Цеткин охарактеризовала так: «Буржуазная республика — творение пролетариата, хотя и не исполнение ее надежд. Но рабочие готовы защищать республику от врага как несомненный политический прогресс»¹⁸. С течением времени из неопытных парламентариев выросли квалифицированные специалисты и видные ораторы КППГ: по экономическим вопросам выступал А. Ядаш, по социальным — М. Аредзее и З. Редель, по военным — Э. Шеллер, по внешнеполитическим — Т. Нейбауэр. Председатель фракции КППГ В. Штёкер, председатель партии и депутат Э. Тельман выступали по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Становым хребтом веймарской парламентарной демократии были фракции СДПГ, Демократической партии и партии Центра.

Фракция СДПГ располагала опытными профессиональными парламентариями и до 31 июля 1932 г. была сильнейшей в рейхстаге. Правый социал-демократический депутат П. Лёбе часто избирался председателем рейхстага, умело и ловко руководя самыми бурными дебатами. Лидерами фракции по очереди становились Г. Мюллер, Р. Брейтшейд, В. Дитман, полностью солидаризовавшиеся с правым курсом партийного руководства. Ораторы партии специализировались по вопросам: экономика и финансы — Р. Гильфердинг, налоги — П. Герц, профсоюзы — Р. Виссель, внешняя политика — Р. Брейтшейд.

В связи с неуклонным падением влияния Демократической (с 1930 г. — Государственной) партии численность ее фракции резко сокращалась — с 75 депутатов в 1920 г. до

¹⁷ О буржуазных политических партиях см.: *Die bürgerlichen Parteien in Deutschland*. Bd. 1—2. Leipzig, 1968.

¹⁸ *Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 351. S. 4699. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках с указанием тома и страницы.

2 в 1932 г. Хотя решающее влияние в ней имели промышленники, в частности хозяева электротехнической промышленности, левое крыло фракции боролось за демократизацию веймарского строя. Председателем фракции в 1920—1921 гг. был Е. Шиффер, в 1921—1924 гг. — К. Петерсен, затем по очереди Э. Кох-Везер, Л. Хаас, О. Мейер, А. Вебер.

В отличие от демократов численность фракции Центра менялась незначительно. С примыкавшей к ней по многим вопросам фракцией Баварской народной партии она составляла солидную группировку в 78—97 чел. Несмотря на разнородный социальный состав и определенные внутренние разногласия, фракция в рейхстаге была спаяна конфессиональной дисциплиной. Возглавляли ее деятели правого крыла¹⁹.

В деятельности фракции «либерально»-империалистической Народной партии участвовал ряд крупных промышленников. Большим весом в ней обладал директор многих промышленных объединений О. Гуго, влиятельными были также члены наблюдательных советов нескольких акционерных обществ Ю. Курциус и П. Мольденхауэр. Официальным руководителем фракции в 1923—1930 гг. являлся представитель высшей министерской бюрократии Э. Шольц, в последние годы республики — махровый реакционер и пособник нацистов Э. Дингельдей. Значительным был во фракции авторитет бессменного министра иностранных дел в 1923—1929 гг. Г. Штреземана. По вопросам внешней политики часто выступал сотрудник Штреземана В. фон Рейнбабен. Реакционный профессор В. Каль слыл специалистом в области международного права.

Фракция помещичье-кулацкой, монархической и архиреакционной Немецкой национальной партии была представительной в 20-е годы — 71—103 депутата, в начале 30-х гг. сократилась до 37—52 депутатов в связи с переходом части избирателей к нацистам. Обычно находясь в оппозиции, депутаты-националисты не уставали поносить веймарский строй. Характерны заявления О. Хергта: «Для нас рейхстаг — умирающая система» (361; 12512) и Э. Берндта: «Мы решительно отвергаем республиканскую форму правления и будем добиваться замены ее методами, разрешенными конституцией» (389; 6142). В 1928—1933 гг. главой партии и ее депутатом в рейхстаге был А. Гугенберг, руководитель круп-

---

¹⁹ См. об этой фракции также статью М. Е. Ернца в настоящей сборнике. (Примеч. ред.).

нейшего в Германии концерна прессы, антиреспубликанская пропаганда которого «методами, разрешенными конституцией», подготовила установление нацистской диктатуры²⁰.

Фашистские враги веймарской парламентарной системы пришли в рейхстаг лишь затем, чтобы разрушить его изнутри²¹. Быстрый рост нацистского движения и увеличение фракции НСДАП до 107 депутатов в 1930 г. и до 230 в 1932 г. позволили фашистам с помощью обструкции парализовать работу рейхстага.

Согласно регламенту рейхстаг нового созыва открывал старейший депутат, а затем заседания вел избранный председатель (как правило, представитель сильнейшей фракции), имевший трех избранных заместителей.

Законопроект рассматривался в трех чтениях. В первом решался вопрос о целесообразности его передачи для предварительного обсуждения в соответствующий по профилю и включавший специалистов комитет (в рейхстагах всех созывов комитетов было 15, основные — бюджетный и внешнеполитический, вовсе не было военного). Второе чтение являлось основным: рейхстаг мог принять рекомендации комитета без изменений или в результате дискуссии внести такие. В третьем чтении законопроект принимался или отвергался в целом путем голосования. Голосовали путем вставания («за»), а если результат не был очевидным, подсчет производился так: депутаты входили в зал через одну из двух дверей, из которых одна была «за», вторая «против».

Анализ содержания документов рейхстага

Основные направления экономической политики рассматривались в рейхстаге главным образом в ходе прений по бюджетам министерств труда и хозяйства. Рейхстаг 1-го созыва интенсивно обсуждал экономические вопросы. С улучшением хозяйственной конъюнктуры во второй половине двадцатых годов внимание к ним падает. И лишь на фоне начинавшегося мирового экономического кризиса они вновь активно дебатировались в рейхстаге 5-го созыва.

²⁰ Биск И. Я. Пресса Веймарской республики и финансовый капитал // Ежегодник германской истории, 1974. М., 1975. С. 93.

²¹ Г. Штрассер цитировал в рейхстаге Гитлера: «Мандаты являются для нас средством для достижения немецкой свободы. Мы — парламентская партия по принуждению» (Verhandlungen des Reichstags. Bd. 444; S. 71).

Деятельность рейхстага I-го созыва в основном совпадает с тяжелым для Германии периодом послевоенной инфляции. Количественная ее сторона отражена в сухих статистических материалах, народные бедствия ярко описаны в художественной литературе. Прения в рейхстаге, изобилуя конкретными фактами, одновременно помогают понять причины бедственного положения страны в оценке разных классовых и политических сил.

Приводя достоверные данные о падении реальной заработной платы, националист К. Гельферих обвинял в обнищании населения буржуазно-демократический строй как таковой (358; 9514); коммунисты искали причины в политике правительства, выделявшего огромные суммы на рейхсвер вместо помощи двум миллионам больных туберкулезом детей (346; 1375); министр финансов А. Гермес объяснял развал финансов исключительно французской агрессией (361; 11756). Прогрессивные депутаты доказывали, что из народной беды германские монополисты извлекали барыши, поддерживая связи с французскими собратьями (особенно часто в этом упрекали Г. Стиннеса). Депутаты от КПГ утверждали, что захват Рура франко-бельгийскими войсками был выгоден господствующим классам, так как, с точки зрения последних, уменьшал революционную опасность (357; 9431).

Парламентские документы свидетельствуют, что монополисты обогащались не только при падении курса денег, но и используя так называемый процесс санирования. Последнее осуществлялось с помощью крупных правительственных субсидий предпринимателям. Расследование, проведенное парламентариями-коммунистами, проливает определенный свет на махинации владельцев. По данным В. Кёнена, они использовали государственные дотации прежде всего для личного обогащения (425; 2068). Депутат Флорин доказывал, что они стремились к субсидиям даже при росте прибылей (только за первое полугодие 1930 г. прибыль рурских шахтовладельцев с каждой тонны угля поднялась на 40%) (428; 6288).

Дебаты позволяют выяснить точки зрения разных политических сил на налоговую проблему. Правительство в зависимости от ситуации обосновывало повышение налогов разными причинами: в послевоенные годы — финансовым хаосом, в 1924—1928 гг. — выплатами по плану Дауэса (385; 1490). Коммунисты указывали на несправедливую раскладку налогов в буржуазном государстве: правительство снижало налоги на крупную собственность за счет повышения косвен-

ных налогов на предметы потребления, падавших в основном на трудящихся (349; 3712). Депутаты правых фракций оказывали давление на правительство, грозя развалом промышленности в случае увеличения налогообложения предпринимателей (353; 6332).

Аграрная политика правительства обсуждалась в прениях по бюджету министерства продовольствия, изредка аграрные вопросы поднимались в дебатах по общему экономическому положению. Повышенный источниковый интерес при изучении аграрной политики представляют прения по законопроекту о так называемой «восточной помощи». Непосредственное осуществление последней прослеживается в парламентских документах 1928—1930 гг. Она характеризовалась не только выдачей пособий за счет бюджетных средств, но и снижением налогов, а также удешевлением транспортных тарифов на перевозку сельскохозяйственных грузов из восточных районов.

Позиции коммунистов определялись не отрицанием помощи вообще, а точным указанием, кому она пойдет. Они справедливо опасались, что помещики и кулаки сумеют заполучить львиную долю денег во вред трудящимся (424; 1971). Последующие факты показали, что опасения коммунистов не были беспочвенны. После тщательного изучения материалов один из депутатов-коммунистов пришел к выводу, что 78,2% средств, направленных в Восточную Пруссию, осели в карманах крупных помещиков и использовались для удовлетворения их личных потребностей. Некий Вейс фон Плауэн получил 317 тыс. марок, но все пустил на оплату долгов и путешествий в Италию (445; 1956).

Документы парламента являются ценным источником сведений о государственном аппарате Веймарской республики. Материалы Национального собрания отражают процесс конституирования буржуазно-демократического строя. Они показывают, что конституция Веймара не представляла собой принципиально нового образования: некоторые органы она скопировала с институтов кайзеровской Германии²², а президента наделяла подчас большими полномочиями, чем те, которые имел кайзер²³.

По своему характеру парламентские документы являются наиболее полным источником о борьбе вокруг реформы кон-

²² VVDN. Bd. 226. S. 14.

²³ Ibid. S. 374.

ституции и избирательного права. Особый интерес заслуживают данные, помогающие понять генезис и применение пресловутого параграфа 48 конституции, который давал право отменять буржуазно-демократические свободы.

Наиболее обширные сведения о вооруженных силах и военной политике историк найдет в прениях по военному бюджету, а также при обсуждении законопроектов, имевших отношение к военному делу (например, закона о рейхсвере от 3 февраля 1921 г.).

Уже беглый обзор документов Национального собрания позволяет установить, что временный рейхсвер создавался в первую очередь для подавления рабочих волнений и борьбы против солдатских Советов и спартаковцев. С этой целью специальным постановлением был разрешен переход реакционного офицерства в новую армию.

С апологией военной политики правительства с трибуны рейхстага часто выступал военный министр О. Геслер. В прошлом он изучал юриспруденцию, являлся юрибергским обербурггомистром, участвовал в подавлении Баварской Советской республики. Его принадлежность к Демократической партии генералитет использовал в качестве удобной ширмы для прикрытия реакционной военной политики. Ссылаясь на мнимую ликвидацию монархической угрозы, Геслер продолжал комплектовать офицерский корпус из монархистов, в командный состав флота привлекал капповских мятежников, в парламенте защищал офицеров-монархистов (347; 2223). Позднее в воспоминаниях Геслер цинично бравировал тем, что покрывал антиреспубликанские действия офицеров, не давая хода возбужденным против них судебным делам²⁴.

Стенографические отчеты не содержат подробных сведений о нелегальных военных формированиях. Вместе с тем историк найдет в них материалы о попытках правительства не допустить разоружений последних. При обсуждении в рейхстаге 3 июля 1920 г. законопроекта о разоружении военных союзов выявились разные точки зрения. Депутат от НСДПГ Й. Эрнст выразил опасение, что в ходе проведения закона в жизнь будут разоружаться преимущественно те организации,

---

²⁴ Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart 1958. S. 278; см. также Баев В. Г. Парламентские документы как источник по истории борьбы демократических сил Германии против милитаризации Веймарской республики // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. VII. Вологда, 1979.

которые способны дать отпор монархической контрреволюции, в частности рейхсбаннер (344; 473).

Из стенографических отчетов видно, что, идя на нарушение военных положений Версальского договора, правящие круги Германии спекулировали прежде всего «коммунистической угрозой». В речи 30 июня 1920 г. Г. Штрэземан предупреждал страны-победительницы об опасности возникновения в стране «хаоса» ввиду отсутствия достаточно большой кадровой армии (344; 58). 2 февраля 1921 г. эту же мысль повторил представитель правого крыла демократической фракции Е. Шиффер: «Ослабляя нас, союзники увеличивают угрозу большевизма» (347; 2310). Подобную аргументацию В. И. Ленин предвидел еще в 1918 г.: «Германские генералы и капиталисты обращаются к союзникам и говорят им: вы хоть и победили нас, но не очень увлекайтесь в ваших экспериментах над нами, ибо и вам и нам грозит мировой большевизм, в борьбе с которым мы можем вам пригодиться»²⁵.

Документы парламента подтверждают реакционность веймарской юстиции. Связанные с ней вопросы чаще всего затрагивались при обсуждении интерpellаций левых депутатов, реже — в прениях по бюджету министерства юстиции. Меньшую ценность при изучении деятельности веймарской юстиции представляют стенограммы прений по бюджету министерства внутренних дел.

Принципиальный вопрос об отношении к старым юридическим кадрам бурно дебатировался еще в Национальном собрании. Как вытекает из материалов прений, лидеры СДПГ приложили максимум усилий для сохранения оставшегося в наследство от кайзеровской империи судейского аппарата. Министр юстиции О. Ландберг (СДПГ) пригрозил, что ни минуты не останется в должности, если будет нарушен принцип несменяемости судей²⁶. «В результате,—отмечал коммунист И. Герцфельд,—сложилось положение, когда на местах государственных секретарей и тайных советников сидели те же люди, которые до революции давали клятву кайзеру» (350; 4103). Об этом же говорят и мемуарные источники, например, по свидетельству О. Мейера, «обновление почти не коснулось юридического ведомства, где прежние вильгельмовские судьи продолжали вершить суд и распра-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 133.

²⁶ VVDN. Bd. 327. S. 226.

ву»²⁷. Трагедией для республики стала явная реакционность всех без исключения министров юстиции. Они отказывались, в частности, санкционировать амнистию левых элементов под предлогом чрезвычайного характера амнистии (349; 3759), а также из-за нежелания подрывать авторитет судейства (392; 8962).

Из стенографических отчетов вытекает, что левые силы в течение всего существования Веймарской республики не прекращали борьбу за демократизацию юстиции. С трибуны рейхстага неоднократно указывалось на разное наказание левых и правых за однотипное деяние. Как говорил П. Зауэрбрей (НСДПГ), германское правосудие действовало по принципу: если два человека делают одно и то же, то это не то же самое (347; 2140). Подобные мысли нашли отражение и в художественных произведениях современников²⁸.

Безнаказанность наемников реакции способствовала созданию обстановки, в которой стало возможным убийство министра иностранных дел В. Ратенау. В связи с этим на обсуждение рейхстага 24 июня 1922 г. был внесен Законопроект о защите республики. В процессе его обсуждения выявились полярные точки зрения. Если КПП, НСДПГ, СДПГ потребовали усилить демократическую направленность закона, то правые составили шумную оппозицию, играя на противоречиях между «нейтральной формой конституции» и законопроектом, «нацеленным против одной части населения» (356; 8042, 8049—8050, 8065). Наряду с жалобами на притеснение «национально мыслящих» элементов депутаты от правых партий старались выдвинуть на передний план «опасность» коммунистического путча, спекулируя на существовании так называемых «пролетарских сотен» (360; 11060). В итоге, как отметил коммунист В. Кёнен, почти все требования левого крыла были отклонены, и законопроект принял враждебный рабочему классу характер (356; 8714). Аналогичная судьба постигла Закон об охране чести республиканского знамени и об охране собраний. Так, на основании последнего демократические манифестации разгонялись, но предоставлялась свобода действий крайне правым прупировкам.

Одним из наиболее важных социальных вопросов, дебатировавшимся преимущественно в связи с обсуждением бюд-

²⁷ Meyer O. Op. cit. S. 220—221.

²⁸ Ремарк Э. М. Черный обелиск. М., 1961. С. 141.

жета министерства внутренних дел, а также при рассмотрении некоторых проектов законов, был спор о безвозмездном отчуждении бывших княжеских владений в пользу трудящихся. Дебаты позволяют проследить аргументацию отдельных фракций за или против него. Вместе с националистами его отвергли и нацисты, которые рекламировали себя врагами частной собственности, но проявили к ней неожиданное уважение (388; 4754—4755). Депутат от Народной партии В. Каль расценил требование коммунистической фракции, как воровство (388; 4748, 4757). Партия Центра уклонилась от голосования под тем предлогом, что одобрение подобных законопроектов выходит за рамки партийных традиций (390; 6919). Демократы объявили, что не желают «обирать» князей. Депутат от СДПГ упрекнул князей в том, что они ставят личные интересы выше государственных (390; 6938). Как известно, референдум под лозунгом «Ни одного пфеннига князьям!» был проведен по инициативе КППГ. На заявления депутатов буржуазных фракций о связанном с голосованием кризисе демократии коммунист Т. Нейбауэр возразил: «Если проведение референдума — кризис демократии, то для чего тогда конституция, предусматривающая референдум?» (390; 6938).

Выработка основных направлений **внешнеполитической деятельности** Веймарской республики проходила при активном участии рейхстага. Удельный вес материалов, посвященных внешней политике, значителен и составляет приблизительно треть всего объема парламентских документов.

Главным содержанием политики проигравшей войну Германии в отношении западных стран стал вопрос о репарациях²⁹, а изоляция толкала ее правящие круги к установлению нормальных отношений с Советской Россией. Тяжелое экономическое положение Германии побудило даже крупных монополистов искать контакты с нашей страной. Так, один из депутатов от Народной партии заявил: «В то время как нас постигло несчастье, мы одиноки и испытываем нужду, нельзя больше медлить и дать зачахнуть идее восстановления отношений с Россией» (347; 2048).

Документы рейхстага знакомят с политической атмосферой в Германии накануне Рапалло, позволяют заглянуть за кулисы Рапалльской конференции. Из них видно, что пово-

²⁹ См.: Баев В. Г. Вопросы репарационной политики Веймарской республики: (По материалам рейхстага) // Вопросы истории. 1977. № 9.

рот к «восточной политике» был обусловлен неудачами Германии на репарационных переговорах, а также возростающей ролью России в международных делах (347; 2061). Документы показывают, что участие коммунистов в создании «духа Рапалло» было значительным. В декларации фракции КПГ говорилось: «Германия играет роль разменной монеты в борьбе Англии и Франции за гегемонию в Европе. И она вынуждена играть эту роль, поскольку отказалась от активной самостоятельной политики по отношению к Востоку. Политика, основанная на безусловном признании России, заставила бы Антанту считаться с Германией и смягчить репарации» (354; 6702).

Значительное место в стенографических отчетах занимают страницы, посвященные результатам Генуэзской конференции и откликам на нее в Германии. Даже буржуазные депутаты отмечали, что «с подписанием Рапалльского договора Германия вновь стала великой державой» (355; 7722). Несмотря на разные мнения о путях сотрудничества, Рапалльский договор 4 июля 1922 г. был утвержден рейхстагом единогласно, что явилось беспрецедентным случаем в германской парламентской практике.

Значительную источниковую ценность имеют материалы рейхстага о Локарнских соглашениях. Они показывают, что одобрение Локарно означало фактический отказ правящих кругов Германии от «восточной ориентации». 24 ноября 1925 г. председатель СДПГ О. Вельс без обиняков заявил: «Германия теперь не нуждается в союзе с Россией. Действие Рапалльского договора кончается там, где начинается Локарнский» (388; 4487). Вместе с тем документы рейхстага свидетельствуют, что трезвые суждения о Локарнских соглашениях, в частности об их восточном аспекте, высказывали даже депутаты правых партий вплоть до националистов. Министр иностранных дел Г. Штреземан считал всякую мысль о крестовом походе против СССР бессмысленной и глупой³⁰, а националист О. Гётч высказался против втягивания Германии в антисоветский фронт и заявил: «Было бы безумием пойти на авантюру, тяжесть которой легла бы на наши спины, от которой мы бы ничего не получили и которая бы закончилась полным поражением в России» (428; 5866).

Таким образом, критически проанализированные материа-

³⁰ Ср.: Никонова С. В. Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. М., 1977. С. 214.

ды рейхстага имеют для историка-германиста большую ценность. Они полнее ряда других источников отражают конституирование Веймарской республики и борьбу по вопросам реформы конституции, дают хорошее представление об армии и юстиции как звеньях государственного аппарата. Уникальное значение они имеют для понимания всего веймарского законодательства. Документы дают обстоятельное представление о том, как на практике рейхстаг контролировал деятельность веймарских правительств до конца 20-х годов.

Источниковая ценность документов рейхстага заключается не столько в констатации определенных фактов и явлений (они зафиксированы и в других источниках), сколько в возможности выяснить происхождение этих фактов и явлений, отношение к ним разных фракций и правительственных инстанций. При этом борьба общественного мнения вокруг законопроектов легче прослеживается по парламентским документам, где воедино собраны выступления депутатов разных фракций.

Документы рейхстага не дают последовательного и систематического освещения всех вопросов истории Веймарской республики. Так, проблемы экономического развития, репараций, армии, юстиции наиболее полно дебатировались в парламенте, в то время как рабочее движение, фашизм, просвещение, советско-германские отношения отражены гораздо слабее. Одной из причин подобной диспропорции является то, что рейхстаг, работая в среднем около трех месяцев в году, чаще всего обсуждал текущие, злободневные вопросы, возникавшие в ходе парламентской сессии. Многие же события давностью в несколько месяцев или даже недель оказывались «неактуальными» и затрагивались в рейхстаге мельком. Очевидно, что вследствие прогрессирующего после катастрофических для республики выборов в рейхстаг в сентябре 1930 г. паралича парламента количество документов и их источниковое значение сокращаются.

Документы рейхстага — источник объемистый. При их использовании историк должен главное внимание обращать на прения по ежегодному бюджету различных министерств, содержащие богатую информацию по многим вопросам внутренней и международной политики. Целесообразно воспользоваться советом: по выходящим в Веймарской республике историческим календарям³¹ «вначале установить, когда имен-

³¹ Schulthess' Europäischer Geschichtskalender; Deutscher Geschichtskalender. —

но обсуждался в парламенте интересующий историка вопрос, а затем уже искать соответствующие выступления в парламентских дебатах»³².

М. Е. ЕРИН
(Ярославский университет)

ПРОТОКОЛЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФРАКЦИИ ПАРТИИ ЦЕНТРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Центр являлся партией крупной буржуазии и помещиков, имел широкий и сравнительно стабильный базис, был тесно связан с католической церковью и Ватиканом. Партия Центра занимала важное положение в веймарской парламентской системе, была неизменной участницей коалиционных правительств республики, из ее рядов вышло больше всего канцлеров.

Существенной предпосылкой углубления наших знаний об истории партии Центра является исследование ее источниковой базы, в частности парламентских документов. Два тома протоколов заседаний фракции Центра в рейхстаге Веймарской республики, опубликованные в ФРГ в 1969—1981 гг.¹, не подвергались источниковедческому анализу и в известной мере поэтому почти не использовались в трудах советских историков². Попытка такого анализа предпринимается в настоящей статье.

При анализе содержания протоколов они сопоставлялись с другими источниками, что позволило выяснить их достоверность, новизну и ценность, а также уточнить и дополнить

---

³² Бяск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971. С. 66.

¹ Die Protokolle der Reichstagsfraktion und des Fraktionvorstands der Deutschen Zentrumspartei, 1926—1933/Bearb. von R. Morséy. Mainz, 1969; Die Protokolle der Reichstagsfraktion der Deutschen Zentrumspartei, 1920—1925/Bearb. von R. Morséy und K. Ruppert. Mainz, 1981. Далее ссылки на эти издания даются в тексте и обозначаются: Die Protokolle... 1920—1925—I; Die Protokolle... 1926—1922—II, с последующим указанием страницы.

² Немногие исключения: Гинцберг Л. И. Йозеф Вирт: путь к борьбе за мир и сотрудничество между народами // Новая и новейшая история. 1981, № 2; Ерин М. Е. Партия Центра и установление фашистской диктатуры // Ежегодник германской истории, 1981, М., 1983.

многие исторические факты. Особенно полезным оказалось сравнение с мемуарами видных деятелей партии Центра Г. Брюнинга, В. Маркса, Г. Кёлера, Ф. Папена³ и с «Завещанием» крупнейшего политического деятеля республики Г. Штреземана⁴. Привлекались также периодическая печать, официальные публикации документов рейхсканцелярии, серия материалов Комиссии по истории парламентаризма и политических партий о политике правящих кругов Германии в годы канцлерства Брюнинга⁵.

Анализ происхождения протоколов

В рейхстагах Веймарской республики фракция Центра насчитывала 62—69 мест и была одной из сильнейших. Во фракции заседали представители крупной буржуазии, помещиков, крестьян, чиновников, рабочих, примерно 20% составляли профсоюзные секретари. Фракцией руководило правление, избиравшееся из ее членов и насчитывавшее с 1920 г. 16, в 1926—1933 гг. — 10 депутатов. Правление состояло из председателя, двух его заместителей и членов. Председателями фракции последовательно являлись К. Тримборн, В. Маркс, К. Ференбах, Т. Герард, А. Штегервальд, Перлтиус, Г. Брюнинг, Т. Эссер. Частая смена председателей объяснялась их уходом на посты канцлера (Маркс и Брюнинг) и министров (Штегервальд и Герард). Как правило, фракция заседала в здании рейхстага, где, как и другие фракции, имела свою комнату. Ритм заседаний фракции и ее правления следовал ритму парламентской жизни. Во время перерывов заседаний рейхстага фракция не собиралась и лишь в отдельных случаях заседало ее правление.

---

³ Brüning H. Memoiren, 1918—1931. Stuttgart, 1970; Der Nachlaß des Reichskanzlers Wilhelm Marx. Bd. 1—4. Köln, 1968; Köhler H. Erinnerungen des Politikers und Staatsmannes, 1878—1949. Stuttgart, 1964; Papen F. Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952; I d e m. Vom Scheitern einer Demokratie, 1930—1933. Mainz, 1968.

⁴ Stresemann G. Vermächtnis. Bd. 1—3. Berlin, 1932—1933.

⁵ Staat und NSDAP, 1930—1932. Quellen zur Ära Brüning. Düsseldorf, 1977; Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930—1932. Quellen zur Ära Brüning. Bd. 1—2. Düsseldorf, 1980.

Публикация протоколов началась в 1969 г. Комиссией по изучению истории парламентаризма и политических партий. Первая книга объемом 690 страниц охватывает период с января 1926 г. по конец марта 1933 г. и содержит материал 752 заседаний фракции и ее правления (II). Из этого числа заседаний 620 приходится на время с 1926 по июль 1930 г. и только 132 — на период с октября 1930 по март 1933 г. Неравномерность объясняется частыми роспусками и длительными отсрочками заседаний рейхстага. Этот том протоколов издан под редакцией западногерманского либерального историка Р. Морсея. Ему принадлежат основные работы по истории партии Центра периода Веймарской республики. При активном участии Р. Морсея были опубликованы и другие важные материалы по данной теме, он считается одним из крупных исследователей проблем политического католицизма и рассматривает их достаточно критически.

Протоколы фракции и ее правления, включенные в первый том, с весны 1933 г. находились вне Берлина. Со времени роспуска партии Центра 5 июля 1933 г. они хранились у последнего управляющего делами фракции рейхстага министерского советника А. Вегмана, который, опасаясь обыска гестапо, прятал черновики протоколов на чердаке дома своих родителей в Динклагге (Ольденбург). После долгих и сложных перипетий документы в 1962 г. были переданы во вновь созданную Комиссию по истории при католической академии в Баварии. На их публикации стали настаивать бывшие деятели Центра, в частности Й. Йоос и другие. В результате Комиссия по истории и Комиссия по истории парламентаризма и политических партий достигли соглашения о совместном издании протоколов.

Протоколы заседаний фракции и ее правления в целом достаточно полно воспроизводят ход обсуждения вопросов, общий тон выступлений, степень их остроты. Многие протоколы, в особенности заседаний правления фракции, носят характер решений. Часть из них изложена весьма кратко и сухо, с указанием лишь повестки дня и имен ораторов. Обсуждение некоторых пунктов повестки дня объявлялось «доверительным» и не протоколировалось. Многие важнейшие политические события и решения в протоколах не нашли отра-

---

⁶ О деятельности этой Комиссии см.: Баев В. Г. Изучение истории парламентаризма и политических партий в ФРГ // Вопросы истории. 1984 № 3.

жения, что объясняется прежде всего присутствием на заседаниях гостей и представителей печати. Запись заседаний фракции и ее правления имеет подпись составителя протокола. Только 5 раз фракция заседала вне здания рейхстага и в других городах: в Магдебурге, 7 сентября 1928 г. в связи с проведением Католического дня, во Фрейбурге, 31 августа 1929 г., в Кобленце, 14 сентября 1929 г., в Хильдесгейме, 14 июня 1931 г. в Штуттгарте, 25 августа 1931 г.

Составители протоколов заседаний правления фракции менялись чаще, чем составители протоколов заседаний фракции. На заседаниях правления в 1926 г. Йосс, например, вел запись 11 из 28 заседаний, в 1927 г. — 22 из 61 заседания. Прелат К. Улицка соответственно в 1926 г. — 6, в 1927 г. — 16; Й. Белль в 1926 г. — 6, в 1927 г. — 9 заседаний. Депутат О. Гериг за период с марта 1926 по март 1933 г. протоколировал 136 из 350 заседаний правления фракции. Запись остальных 27 заседаний принадлежит 9 различным депутатам. Иначе составлялись отчеты о заседаниях фракции рейхстага. Здесь делопроизводителем и протоколистом с 1920 по 1933 г. был Шварц, который с января 1926 по март 1933 г. вел запись 356 из 402 заседаний; остальные 46 заседаний протоколировали 12 различных депутатов. Заместителем Шварца был депутат Аллькоте. Не установлены личности лишь немногих секретарей заседаний. Протоколы фракции и ее правления различаются по объему и содержанию. Кроме того, в протоколах правления сообщаются имена присутствовавших, в протоколах фракции таких сведений нет. Результат голосования фиксировался лишь в нескольких случаях.

Внутри фракции имелись собственные комиссии для обсуждения некоторых специальных вопросов. В протоколах упоминаются комиссии: иностранных дел, финансовой и налоговой политики, экономической и социальной политики, сельского хозяйства, культуры, образования и прессы. В заседаниях фракции рейхстага в качестве гостей регулярно участвовали члены правления фракции Центра прусского ландтага, представители Центра в рейхсрате и государственные министры — члены партии, представители прессы партии Центра, редактор пресс-службы. Правление фракции иногда заседало совместно с правлением фракции Центра прусского ландтага и с фракцией Баварской народной партии. В заседании фракции 20 мая 1931 г. участвовал епископ Г. Шрейбер.

Вторая книга протоколов объемом 714 страниц вышла свет в 1981 г. под редакцией Р. Морсея и К. Рупперта (1). В нее включены протоколы 338 заседаний фракции и только 7 заседаний правления фракции, абсолютное большинство протоколов публикуется впервые. Датировка материалов июнь 1920—1925 г. Том издан Комиссией по изучению истории парламентаризма и политических партий. В 1932 г. эти протоколы оказались у писателя-антифашиста и педагога Лео Вейсмантиеля, обнаружившего их в наследии многолетнего председателя парламентской фракции и общепризнанного лидера Центра К. Ференбаха. После смерти Вейсмантиеля (сентябрь 1964 г.) при посредничестве западногерманского историка профессора Э. Маттиаса они были переданы в Федеральный архив в Кобленце. Впервые эти материалы использовались (еще до их опубликования) историком из ГДР Г. Виртом, который трижды посетил Вейсмантиеля в июне 1964 г., когда писал очерк о партии Центра⁷.

Первоначально протоколы были написаны чернилами. Наибольшая их часть составлена Шварцем. Запись вели также депутаты Рейнлендер, Алькоте и многие другие, в отдельных случаях имя составителя документа не установлено. Поскольку в написании одного протокола иногда участвовали несколько депутатов, то подпись принадлежит тем, кто фиксировал его заключительную часть. Сохранилась повестка дня только 56 заседаний. Почти во всех протоколах имеется отдельный список присутствующих с собственноручными автографами.

В обеих книгах текст протоколов воспроизводится полностью. Все произведенные дополнения или поправки помещены в квадратные скобки. Орфография и пунктуация при подготовке к печати были нормализованы. Весьма важно, что в сносках протоколы дополняются или уточняются дневниковыми записями, мемуарами многих современников, принад-

---

⁷ Wirth G. Bericht über das Archiv von Professor Dr. Leo Weismantel//Jenaer Beiträge zur Parteiengeschichte (Mitteilungsblatt. Nr. 9/10). Sammelband 1—13/14. Jena, 1966. S. 104—105; I d e m. Zum Verhältnis der Deutschen Zentrumspartei zu Sowjetrußland in den zwanziger und dreissiger Jahren//Jenaer Beiträge zur Parteiengeschichte. 1967. Nr. 20; Gottwald H., Wirth G. Zentrum, 1870—1933//Die bürgerlichen Parteien in Deutschland: Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945, Bd. 2. Leipzig, 1970.

лежавших к различным политическим партиям и течениям, ссылками на другие, ранее опубликованные источники, в частности прессу. Подборка материала осуществлена в строго хронологической последовательности. Это дает возможность проследить ход событий, выявить определенную тенденцию политического развития и облегчает анализ фактов и явлений. В каждом томе имеется специально составленная обширная библиография по истории политического католицизма с указанием источников и литературы.

Анализ содержания протоколов

Протоколы отражают драматический ход борьбы вокруг образования и падения всех правительств страны, начиная с кабинета К. Ференбаха и кончая кабинетом К. Шлейхера. Они передают атмосферу взаимоотношений между буржуазными партиями, между ними и СДПГ. Проблема сотрудничества буржуазных партий с социал-демократами занимала существенное место. Особенно обстоятельны в протоколах сведения о позиции Центра. Уже при формировании правительства Ференбаха после выборов в рейхстаг 6 июня 1920 г. мнения во фракции Центра разделились. Одна часть ее настаивала на союзе с СДПГ, вторая была против, третья выступала за сотрудничество с реакционной Национальной партией (ННП) (1, 3).

Протоколы проливают дополнительный свет на так называемое «дело Эрцбергера» — одного из влиятельных лидеров реформистского крыла партии Центра, бывшего министра финансов и сторонника буржуазной республики⁸. В рядах собственной партии и во фракции против него велась интрига и организованная травля (I, 50—53, 107). Противники М. Эрцбергера, в частности крупный промышленник и депутат Центра Р. Хомпель, требовали исключить его из правления фракции и вообще добивались ухода с политической арены. Лишь незначительная часть депутатов, среди которых был и И. Вирт, встала на защиту Эрцбергера. По утверждению Эрцбергера, все необоснованные обвинения против него имели одну цель — уничтожение демократии (I, 58). После убийства Эрцбергера 26 августа 1921 г. некоторые депутаты

⁸ Об Эрцбергере см.: Ходорковский Л. Д. Католицизм и рабочий класс в Германии (1871—1933), М., 1978. С. 174—177; Ruge W. Matthias Erzberger: Eine politische Biographie. Berlin, 1976.

Центра справедливо отмечали, что фракция недостаточно защищала его и что эта пассивность, с одной стороны, и пострекательство в собственных рядах партии, с другой, содействовали тому, что Эрцбергер был убит (I, 237).

Протоколы проливают дополнительный свет на создание деятельности и падение правительства Й. Вирта, ставшего преемником Эрцбергера в качестве лидера республиканского крыла партии Центра, и на возникновение Рапалльского договора, заключение которого связано с его именем. Они убедительно показывают, насколько внутренние проблемы Германии тех лет тесно переплетались с вопросами внешней политики, в частности с репарационным, наглядно отражая острую борьбу между приверженцами «политики катастрофы» и «политики выполнения». Острый конфликт в апреле—мае 1921 г. возник в связи с Лондонским ультиматумом, согласно которому Германия должна была признать репарационный долг в сумме 132 млрд марок и выплачивать соответствующие взносы в строго указанные сроки. Правительство Ференбаха пало. Относительно кандидатуры нового канцлера высказывались различные мнения: одни депутаты рекомендовали А. Штегервальда, другие — лидера Народной партии (ННП) Г. Штреземана. Сам Штегервальд заявлял, что только обер-бургомистр Кёльна К. Аденауэр, а не Вирт сможет создать широкий базис для принятия ультиматума (I, 197, 199). Правление фракции выдвигало две кандидатуры на пост канцлера — Аденауэра и Вирта, причем представители крупного капитала и правого крыла Центра выступали за Аденауэра (I, 200). Кандидатуру Вирта отклоняла Народная партия. Партия Центра высказалась за принятие ультиматума, а канцлером 10 мая 1921 г. стал Вирт. Центр поддерживал кабинет Вирта (I, 241—243, 245). Хотя, как свидетельствуют протоколы, по вопросам правительственной политики между представителями левого и правого крыла Центра обнаружались серьезные разногласия. Левыми деятелям было справедливо замечено, что после убийства Эрцбергера началась борьба против Вирта (I, 255). Протоколы доносят до нас ценную информацию по вопросу об отношении Центра к Рапалльскому договору, заключенному 16 апреля 1922 г. между Советской Россией и Германией. Центр одобрил его, а лидер партии В. Марке высоко его оценил, заявив, что Рапалльский договор есть договор мира в Европе, и сметив выгоду его для Германии (I, 345—346).

Большой интерес для исследователя представляют материалы, содержащие не известные до сих пор детали борьбы за Верхнюю Силезию, связанной с решением Антанты о разделе верхнесилезских земель между Германией и Польшей (I, 275—277), а также данные об отпоре сепаратизму в Рейнланде и Пфальце (I, 456—459), об организации «пассивного сопротивления» французской оккупации Рура в январе 1923 г. и об обстоятельствах возникновения кабинета В. Маркса в ноябре 1923 г. Показательно, что большинство в партии Центра и в Немецкой демократической партии (НДП) было против участия в нем антиреспубликанской Национальной партии, хотя в этих организациях имелись силы, выступавшие за включение националистов в правительство (I, 502—503). В частности, правый деятель Центра — лидер католических профсоюзов Штегервальд предпринял попытку переговоров по поводу коалиции с Национальной партией. Они провалились из-за чрезмерных требований националистов⁹. При этом Штегервальд сам метил в канцлерское кресло.

Протоколы достаточно полно отражают деятельность всех четырех правительств В. Маркса, его тактику политических компромиссов. Последняя выражала линию партии Центра, которая всегда пыталась быть у власти и играть ведущую роль во всех политических комбинациях. Для политики Центра были характерны подвижность и способность маневрировать. Вместе с тем следует отметить, что партия Центра в годы относительной стабилизации капитализма явно эволюционировала вправо. Во время мирового экономического кризиса и обострения классовой борьбы она отбросила роль «посредника», отказалась от позиции «третьей силы» и вполне определенно выступила на стороне правых.

О том, как нелегко было внутри фракции Центра переубедить правое крыло в необходимости республиканского курса, свидетельствуют разногласия вокруг кандидатуры Маркса в рейхспрезиденты в 1925 г. (I, 568). Итоги президентских выборов были крупным политическим и моральным поражением для партии Центра. Они усилили в ней и во фракции споры между различными направлениями, так что Маркс даже выдвинул тезис о конфессиональном расколе и осудил позицию Папена и его заявление от 15 апреля (I,

⁹ Der Nachlaß des Reichskanzlers Wilhelm Marx, Bd. 1, Köln, 1968. S. 317; Germania. 1923. 28—29. Nov.

587). Из протоколов следует, что сотрудничество Центра СДПГ во время президентских выборов, существование веймарской коалиции в Пруссии привели к сильной активизации католических правых сил, которые с помощью католического епископата и Ватикана пытались добиться окончательного отделения Центра от социал-демократии (I, 614)¹⁰.

Анализ протоколов подтверждает, что наиболее крупный конфликт в партии Центра связан с политикой четвертого кабинета Маркса (январь 1927—июнь 1928 г.), когда партия оказалась на грани раскола (II, 80—82, 84—86, 88—90)¹¹. Позиция Центра при создании кабинета играла решающую роль. В партии обнаружилась сильная борьба между левыми и правыми по вопросу о сотрудничестве с националистами. Правые выступали за союз с ними. Левые деятели, особенно Вирт, решительно протестовали против участия Центра в правобуржуазном правительстве. «На карту,— говорил он,— поставлена судьба партии» (II, 90). Когда правительство Маркса с участием НННП было все же создано, внутрипартийная борьба крайне обострилась. Вирт и другие левые деятели в Центре резко осудили сотрудничество партии с националистами (II, 100—102)¹².

Общая политика правительства Маркса, согласно протоколам, вызывала растущее недовольство католических рабочих и резкую критику со стороны левых сил партии. Они решительно выступили против реакционного проекта закона о школе, представленного 13 июля 1927 г. в кабинет министром внутренних дел националистом Кейделем (II, 143). Этот проект привел к расколу правительственного блока, т. к. Народная партия не одобрила его, а затем к оставке кабинета. 15 февраля 1928 г. законопроект о школе был провален, последовало объявление о роспуске правительственной коалиции (II, 187—188)¹³. Фракция Центра всю ответственность за провал проекта, а также за развал правительства возложила на Народную партию. Так Центр и НННП в вопросе политики школьной реформы потерпели фиаско.

Наглядным отражением кризисного состояния в Центре явилась борьба вокруг правительственного законопроекта о повышении жалования чиновникам. Это привело к обостре-

¹⁰ Der Nachlaß des Reichskanzlers Wilhelm Marx. Bd. 3. S. 375—379.

¹¹ Stresemann G. Op. cit. Bd. 3. S. 94, 101—103.

¹² Deutsche Republik. 1926/27. H. 16. S. 1—7.

¹³ Germania. 1928. 16. Febr.

нию отношений между руководством партии и католическими профсоюзами (II, 142, 145—147)¹⁴. Рьяными сторонниками этой реформы были канцлер Маркс и министр финансов, правый деятель Центра Г. Кёлер. Функционеры партии и католических профсоюзов Штегервальд, Имбуш, Брюнинг выступили с резкой критикой проекта. При голосовании в рейхстаге 15 декабря 1927 г. фракция Центра фактически раскололась. Законопроект Кёлера все же был принят рейхстагом, но борьба в партии на этом не закончилась, а еще более обострилась. Насколько затяжным оказался этот конфликт, показали события при выдвижении кандидатуры Штегервальда в председатели партии в конце 1928 г.

Протоколы проливают дополнительный свет на острую борьбу политических партий и организаций вокруг плана Дауэса (1924 г.), Локарнского пакта (1925 г.) и плана Юнга (1929—1930 гг.). Центр безоговорочно выступил за соглашения с западными державами, вступление Германии в Лигу Наций, за поддержку внешней политики Штреземана (I, 620—621). В отличие от Национальной партии Центр видел в гибкой и завуалированной тактике министра иностранных дел Штреземана единственный успешный путь восстановления потерянных позиций германского империализма. Реакционные силы внутри Центра восторженно приветствовали антисоветскую направленность Локарнских соглашений.

Одна из главных целей правящих кругов Германии в борьбе за ревизию Версальского договора заключалась в полном освобождении от репараций. Наглядное представление об этом дают протоколы, связанные с пересмотром плана Дауэса и принятием плана Юнга в 1929 г. Центр, как показывают протоколы, поддержал правительство Г. Мюллера (июнь 1928 — март 1930 г.) в принятии этого плана, но связал свое согласие с требованием немедленного освобождения Рейнской зоны, урегулирования Саарского вопроса, проведения имперским правительством развернутой финансовой программы, оздоровления финансов и др. (II, 324—325, 375—376)¹⁵. Вместе с тем план Юнга рассматривался Центром не как окончательное решение репарационного вопроса, а только как этап на пути к нему.

---

¹⁴ Köhler H. Op. cit. S. 259; Der Nachlass des Reichskanzlers Wilhelm Marx. Bd. 3. S. 341, 344—345.

¹⁵ Politik und Wirtschaft in der Krise... Bd. 1. S. 39.

Политика правительства Г. Мюллера, отношение к не- буржуазных партий, и особенно Центра, занимают в про- колах большое место. Документы хорошо передают атмосф- ру интриг и грызни между партиями за министерские пост- личные симпатии и антипатии политических деятелей, остр- ту споров при обсуждении вопросов, связанных с преобраз- ванием «большой коалиции». При этом весьма отчетли- прослеживаются тактика буржуазных партий в правительс- ве Г. Мюллера, взаимоотношения между Центром, социал-де- мократами, Немецкой народной и Демократической партиям- по вопросам социальной, финансовой, налоговой и аграрно- политики, а также противоречия в буржуазном лагере. По- добные разногласия в правительстве не раз приводили каб- нет в состояние кризиса. В начале 1929 г. Центр, на приме- развернул энергичную деятельность по реорганизации каб- нета Мюллера с целью усилить в нем свои позиции (II, 256—260, 263, 266—268). Ему удалось в апреле 1929 г. ввести правительство Мюллера трех своих представителей: Й. Вир- та (министр по делам оккупированных областей), А. Ште- гервальда (министр труда) и Герарда (министр транспорта (II, 284—287)¹⁶. Благодаря им католическая партия получи- ла возможность влиять на политику в области социальны- отношений и труда, а также добиваться «освобождения за- нятых Францией территорий», т. е. Рейнской зоны, и пере- смотра системы репарационных платежей. Усиление парти- Центра в правительстве Мюллера давало ей одновременно возможность более успешно маневрировать между двумя ан- тагонистами — Народной партией и СДПГ.

Наконец, материалы проливают свет на роль Центра, осо- бенно Брюнинга, и Народной партии в свержении кабинета Мюллера в начале 1930 г. и предысторию возникновения правительства Брюнинга (II, 393, 420)¹⁷. Главный вопро- состоял в том, на кого следует возложить дополнительное бремя экономического кризиса, который все сильнее давал- о себе знать. Особенно обострились противоречия между ННП и СДПГ. В этой ситуации многое зависело от тактики Центра. Протоколы показывают, что правые лидеры парти- желали, наконец, освободиться от функции посредника меж- ду конфликтующими партнерами и взять в свои руки руко-

¹⁶ Kölnische Volkszeitung. 1929. 11. Apr.

¹⁷ Brüning H. Op. cit. S. 146, 148—149, 150.

водство правительством. Тактика Центра состояла тогда из нескольких элементов. В своей аргументации, предназначенной для широкого общественного мнения, лидеры партии подчеркивали, что в условиях международной ситуации Центр не желает «поспешного свержения правительства». Мнимые поиски компромисса между СДПГ и ННП представляли второй элемент этой тактики (II, 422).

«Компромиссное предложение» по страхованию от безработицы, внесенное Брюнингом 27 марта 1930 г., было отклонено, как и правительственный проект. После этого правительство Мюллера ушло в отставку. Вечером того же дня Брюнинг так прокомментировал отставку правительства: «Центр не виновен в крушении кабинета» (II, 427). Однако материалы публикации убеждают, что политика Центра ускорила свержение правительства Мюллера. Классовые интересы правого крыла Центра определили позицию партии, выступившей в период кризиса в марте 1930 г. на стороне крупной буржуазии и юнкерства. «Компромиссное предложение» Брюнинга было сформулировано так, что его приняла Народная партия. Непосредственно после отставки Мюллера президент Гинденбург поручил Брюнингу возглавить новое правительство. Правление фракции единодушно высказалось за поддержку Брюнинга и призвало его немедленно согласиться с предложением президента (II, 428).

Несомненный интерес для исследователя представляют протоколы при изучении политики буржуазных правительств, находившихся у власти в годы мирового экономического кризиса. Они дают ключ к пониманию смысла событий, происходивших в Германии в годы, когда закладывались предпосылки установления фашистской диктатуры. Материалы позволяют обстоятельно проследить взгляды и деятельность канцлера Брюнинга, многих других политических и партийных деятелей. Они охватывают весьма широкий спектр политической, партийной и социальной жизни в эпоху его правления помогают осмыслить суть аграрной политики, финансовых, экономических мероприятий правительства Брюнинга и его внешнеполитические цели. Анализ материалов раскрывает взаимопонимание между кабинетом Брюнинга и СДПГ, между Центром, ННП и НННП, динамику развития отношений между Центром и НСДАП, а также кризисные моменты в правительственной политике Брюнинга.

Достаточно рельефно отражается в протоколах политика самой партии Центра, ставшей надежной опорой правитель-

ства Брюнинга. В годы его канцлерства партия играла особенно большую роль в политической жизни Германии. Когда Брюнинг стал канцлером (30 марта 1930 г.), Центр выразил ему полное доверие (II, 431, 438)¹⁸. В середине июля 1930 Брюнинг перешел к политике чрезвычайных декретов, был распущен рейхстаг. Тем не менее фракция рейхстага от имени всей партии выразила Брюнингу благодарность за его работу «на благо народа и отечества». Она заявила, что постоянно поддерживала и оказывала доверие канцлеру, будучи готова оказывать его и в будущем (II, 474—475).

Фракция Центра одобрила первые контакты канцлера в октябре 1930 г. с Гитлером и НСДАП (II, 479—480)¹⁹. Правда, тогда она заявила о нежелательности пока коалиции с фашистской партией. При этом Брюнинг не отклонял принципиального сотрудничества с НСДАП. В конце 1930 г. по настоянию канцлера кабинет постоянно откладывал решение о запрете нацистской партии. Брюнинг и Центр довольно часто и открытым образом недооценивали фашизм. Канцлеру, например, казалось, что с национал-социалистами будет быстро покончено, как только они войдут в правительство. Он боялся лишь, что в правительстве нацисты могут утратить антикоммунистическую направленность (II, 500).

Приводимые в публикации материалы показывают также усиление антидемократизма в партии Центра в последние годы Веймарской республики, ее неприкрытый антикоммунизм. Они освещают переговоры между Центром и НСДАП по вопросу создания в Пруссии коалиционного правительства вместо существовавшего социал-демократического. На заседании правления фракции 9 мая 1932 г. подчеркивалось, что среди национал-социалистов нет единства. Гитлер и ряд деятелей выступают якобы за коалицию с Центром, но другая группа склонна проводить выборы за выборами. Отмечалось, что нацисты не хотят предлагать своего кандидата на пост прусского премьер-министра, а рекомендуют Г. фон Люнинга, крупного помещика, благожелательно относившегося к фашизму (II, 567). Переговоры о коалиции в Пруссии закончились безрезультатно. Когда в середине мая обе партии казалось, приблизились к соглашению, генерал Шлейхер постарался сорвать переговоры. Да и само руководство

¹⁸ Germania. 1930. 7. Apr.

¹⁹ Brüning H. Op. cit. S. 193—194.

НСДАП, надеясь на быстрое падение Брюнинга, прервало контакты с Центром.

Судя по протоколам, свержение Брюнинга 30 мая 1932 г. нанесло тяжелый удар по амбициям партии Центра. Возмущение ее деятелей не имело границ. Из рядов Центра посыпались упреки в неблагодарности в адрес президента Гинденбурга, нанесшего удар в спину Брюнингу (II, 573—575)²⁰. Партия Центра перешла в оппозицию и перестала быть опорой президиальной системы.

Реакция лидеров Центра на назначение Папена была резкой и негативной. Правительство «предателя» Папена встретили в штыки. Беспощадная борьба против него велась вплоть до отставки 17 ноября 1932 г. Полугодовое правление канцлера Папена рассматривалось Центром как самый мрачный период в 14-летней истории республики.

С другой стороны, стремясь вернуть позиции в руководстве страной, расширить влияние среди избирателей, восстановить доверие и поддержку финансовых кругов, Центр под лозунгом «тотального решения» стал настаивать на коалиции с нацистами и на допуске их к власти²¹. В этом плане безусловный интерес представляют беседы ведущих деятелей партии Центра Иооса и Больца 11 и 13 августа 1932 г. с Папеном. Представители Центра заявили тогда: НСДАП должна быть привлечена к коллективной ответственности; правительство должно опираться на парламентское большинство; Центр не поддержит президиальный кабинет; Центр примет в расчет только конституционный путь развития (II, 583). Эти требования означали отставку Папена и создание нового кабинета под влиянием НСДАП. Добиваясь включения фашистской партии в правительство, руководители Центра надеялись «укротить» нацистов. 29 августа Иоос заявил, что включение национал-социалистов в кабинет не встретит сопротивления со стороны партии Центра (II, 581). Фракция подчеркивала, что конституционными методами можно создать парламентское большинство из Центра, НСДАП и Баварской народной партии, а намеченный канцлером и президентом новый роспуск рейхстага был бы противоправным актом (II, 584). Фракция одобрила ход переговоров между

²⁰ Germania. 1932. 1. Juni.

²¹ Hubatsch W. Hindenburg und der Staat: Aus den Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsidenten von 1878 bis 1934. Göttingen, 1966. S. 321.

Центром и НСДАП, которые затем были отложены ввиду роспуска рейхстага 12 сентября. Фракция Центра сложила на себя всякую ответственность за «роковые последствия» этого акта, взвалив ее на Папена (II, 591) Роспуск рейхстага и речеркнул на данном этапе все шансы создания клерикально-фашистского кабинета, но политика партии Центра в отношении Гитлера и НСДАП не изменилась. И после выборов 6 ноября 1932 г. лидеры Центра выступили за коалицию между Центром и НСДАП, причем был выдвинут лозунг создания «коалиции национальной концентрации», ставшей центральной в политике партии (II, 595—596)²². Центр даже соглашался уступить место канцлера Гитлеру.

Иной, согласно протоколам, была позиция Центра в отношении канцлера Шлейхера (2 декабря 1932 г. — 28 января 1933 г.). Сначала партия и ее руководство положительно отнеслись к новому кабинету, рассматривая его как приемлемое решение (II, 603—604)²³. В Центре полагали, что канцлер будет соблюдать конституцию. Уже в январе партия выступила против намерения Шлейхера распустить рейхстаг и против вынужденной отсрочки открытия сессии рейхстага на длительное время (II, 606—608). В самой фракции по этому вопросу выявились существенные разногласия. 20 января Шлейхер встретился с представителями Центра. В ходе переговоров обсуждались три возможных варианта разрешения кризиса: 1) образование кабинета «Гарцбургского фронта», т. е. из НСДАП и Национальной партии, при этом Центр займет выжидательную позицию, если кабинет меньшинства получит согласие рейхспрезидента; 2) образование правительства большинства, включая Центр, канцлером которого стал бы Гитлер; 3) отсрочка сессии рейхстага. При этом предполагалось, что если ни одно из этих соображений не будет реализовано, то канцлер вынужден будет принять решение и распустить парламент перед лицом ожидаемого вотума недоверия (II, 607). Партия Центра осудила также планы Шлейхера ввести «чрезвычайное положение» в стране (II, 609). Если отношение партии к Шлейхеру менялось от терпимого до решительной оппозиции, то добиться сотрудничества с Гитлером она пыталась до 30 января 1933 г. (II, 608). 27 января правление фракции констатировало, что «Шлейхер конченный человек» (II, 610), при этом даже в

²² Germania. 1932. 12. Nov.; Papen F. Op. cit. S. 239.

²³ Brüning H. Op. cit. S. 637.

сказывалась мысль о возврате Папена в рейхсканцелярию. Центр, который противостоял всем намерениям Шлейхера обойти или исключить конституцию, был все же удивлен назначением Гитлера на пост канцлера. Так политика Центра, направленная на сотрудничество с НСДАП, способствовала установлению фашистской диктатуры.

Для исследования анализируемые протоколы ценны еще и тем, что они дают представление об образовании правительства Гитлера, о начале его канцлерства, об отношении фашистского главаря и его партии к политическому католицизму, о позиции, занятой партией Центра в отношении нацистской диктатуры, и о роли Центра в консолидации гитлеровского режима в первые месяцы его существования. Партия Центра протестовала не против нового канцлера Гитлера, а против того, что ее не включили в правительственную коалицию. Вместо борьбы с фашизмом лидеры Центра повели переговоры с вождями НСДАП об участии в кабинете Гитлера (II, 611—613)²⁴. Но Гитлер лишь из тактических соображений заигрывал с Центром, в действительности фашисты уже не нуждались в его лидерах и рассматривали их как нежелательных конкурентов. Во время избирательной кампании в феврале-марте 1933 г. Центр намеревался встать на место националистов в качестве коалиционного партнера. Поэтому огонь критики был направлен прежде всего против Национальной партии.

Особый интерес представляют материалы, связанные с принятием законопроекта о предоставлении правительству Гитлера чрезвычайных полномочий (II, 622—623). Во время переговоров 20—22 марта 1933 г. между лидерами Центра и НСДАП по этому вопросу Гитлер старался посредством обещаний и угроз склонить Центр к повиновению, умело играя на антикоммунистических предрассудках его лидеров, пугая их якобы существующей коммунистической опасностью. В то же время в самой партии Центра разгорелись острые споры. Ряд видных политиков партии, в том числе Брюнинг, Больц, Вирт, Иоос, выражали открытый скептицизм в отношении чрезвычайных полномочий, а председатель партии Л. Каас, представители католических профсоюзов И. Эрсинг, А. Штегервальд рьяно выступали за их одобрение (II, 631). И все же 23 марта 1933 г. в рейхстаге фрак-

²⁴ Akten der Reichskanzlei. Regierung Hitler. 1933—1938. Teil 1: 1933/34. Bd. 1. Boppard am Rhein, 1983. S. 1—4.

ция единогласно высказалась в поддержку законопроекта. Как показали ближайшие события, такое решение было чрезвычайно политическому самоубийству, легализации фашистской диктатуры.

Таким образом, протоколы заседаний фракции Центра рейхстаге имеют высокую источниковую ценность прежде всего при изучении истории самой партии Центра (особенно в связи с пропажей архива партии во время войны). Но эти протоколы как источники не исчерпываются. Они отражают деятельность, оттенки мнений и позиций целого ряда партийно-политических и государственных деятелей. Важны при изучении истории парламентаризма и политических партий, политического и социально-экономического развития Веймарской республики, помогают разоблачению сил, которые способствовали ее гибели.

В. А. ЦВЕТКОВ

(Ивановский университет)

ПУБЛИКАЦИЯ «AKTEN ZUR DEUTSCHEN
AUSWÄRTIGEN POLITIK, 1918—1945»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ В 1925—1932 ГОДАХ

Единственная в СССР обобщающая книга о внешней политике Веймарской республики, написанная В. Б. Ушаковым, вышла в свет почти 30 лет назад и базировалась на известном тогда ограниченном круге источников¹. Гораздо больше в последние годы появилось работ о взаимоотношениях Веймарской Германии с ее восточными соседями, но многие вопросы этой темы требуют дальнейшей и более детальной работы при расширении круга использованных источников. Самая значительная из посвященных теме книг — монография Д. С. Климовского почти целиком написана на польских материалах, немецкие же являются исключением, хотя в ней трактуются взаимоотношения Германии и Польши в 1920—1930-х гг.²

¹ Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958.

² Климовский Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений: Из истории зарождения второй мировой войны. Минск, 1975.

Недостатки литературы о внешней политике Германии в 1918—1932 гг. объясняются, в частности, неразработанностью источниковой базы: мы не знаем работ, в которых специально анализировались бы немецкие дипломатические документы.

Критический анализ источниковой базы буржуазной историографии и по другой причине является одной из актуальных задач марксистской исторической науки; советские ученые отмечают: «Полемика с буржуазными историками все более и более переходит, во-первых, в область концептуальных основ, в область методологии, во-вторых, в сферу источниковой базы»³.

В этой связи большой интерес представляют новейшие западные публикации дипломатических документов. Не последнее место среди них занимает сериал «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945» («Документы германской внешней политики, 1918—1945») ⁴, издаваемый в ФРГ западногерманскими, американскими, английскими и французскими историками.

Несколько слов о происхождении этой, пока еще не завершенной, публикации.

Во время второй мировой войны армии стран антигитлеровской коалиции захватили значительную часть немецкого дипломатического архива. В основном у США, меньше у Великобритании и Франции, оказалось свыше 485 тонн дипломатических документов Германии 1867—1945 гг. Нарушая договоренность с СССР, западные страны в сепаратном порядке стали издавать эти трофейные документы на английском языке («Dokuments of German Foreign Policy, 1918—1945». London, 1957—). Замикрофильмировав важнейшие документы, они в 1956 г. весь архив передали ФРГ. Министерство иностранных дел ФРГ возложило осуществление уже начатого историками трех стран издания на немецких, американских, британских и французских ученых. В декабре 1960 г. на их совместной конференции были выработаны основы и направления для осуществления публикации, заложенные в «Общий (рабочий) план осуществления публика-

³ Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977. С. 10.

⁴ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amtes. Serie B: 1925—1933. Bd. I—XVI. Göttingen, 1966—1980. Далее в ссылках : ADAP.

ции документов германской внешней политики 1918—1945 дов».

Конференция постановила публиковать документы в 11 сериях. Из них три должны были освещать внешнюю политику фашистской Германии: серия С (1933—1937), серия D (1937—1941), серия E (1941—1945), а две — интересующий нас веймарский период: серия A (1918—1925) и серия B (1925—1933).

Вначале были опубликованы серии C, D, E, затем — серия B. Издание серии A началось лишь в 1984 г., пока не выпущен один том, в библиотеки СССР еще не поступивший («Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Serie A: 1918—1925. Bd. II. Göttingen, 1984»).

В настоящей статье впервые предпринят анализ указанной публикации как источника по истории взаимоотношений Веймарской республики со странами Восточной и Юго-Восточной Европы в 1925—1932 гг.: предметом исследования являются документы серии B, опубликованные в 1966—1980 гг. в ее первых 16 томах (поскольку некоторые тома содержат по две книги, это в совокупности 18 книг, объем каждой книги — в среднем 600 страниц).

Настороженное отношение советских исследователей к новым западногерманским публикациям не в последнюю очередь объясняется впечатлением от первых, тенденциозно подобранных и носивших откровенно антисоветский и антикоммунистический характер изданий трофейных немецких документов, осуществленных на Западе в 40—50-х годах. Однако в 70-х годах ведущие позиции в западногерманской буржуазной историографии заняли не консервативные историки, а так называемые неолиберальные. Последние во многих своих конкретно-исторических исследованиях вынуждены считаться с пробивающей себе дорогу исторической правдой.

Из более чем 800 документов, опубликованных в указанных 16 томах «Документов германской внешней политики» (далее в тексте статьи: ДГВП) и касающихся взаимоотношений веймарской Германии со странами Восточной и Юго-Восточной Европы 1925—1932 годов, около 350 посвящены германо-польским отношениям. 90 из них, то есть одна четвертая часть, освещают эти отношения за период с декабря 1925 по декабрь 1926 года. По мнению германского посла в Варшаве Раушера, это был очень трудный период истории Польши: Локарнские соглашения поколебали ее ме-

дународное положение, имели место внутривластные неурядицы⁵.

Пристальное внимание историков СССР, ГДР и ПНР к политике Веймарской республики по отношению к Польше и убедительно доказанный ее ревизионистский характер заставили редакторов ДГВП отказаться от открытой апологии внешнеполитического курса Германии 20-х годов. Документы публикации вскрывают многие дискредитирующие германскую дипломатию страницы истории рассматриваемого периода. Прежде всего данное замечание относится к относительно хорошо освещенным устремлениям Германии путем использования экономических и финансовых затруднений своего ближайшего восточного соседа добиться с помощью Англии и США ревизии германо-польской границы.

Своеобразной программной идеей немецкой внешней политики того времени стала мысль Штреземана, высказанная им на приеме лидеров «Союза немецких восточных обществ» 28 декабря 1925 года: «Поскольку военное вмешательство по отношению к Польше не может стоять в повестке дня, то остается только возможность склонить мир к мысли, что Польша в ее теперешней форме, и в особенности в части ее неправильных границ на немецком Востоке, составляет угрозу европейскому миру»⁶.

Документы публикации убедительно свидетельствуют о том, что к концу 1925 года руководители внешней политики Германии пришли к твердому убеждению: вопрос о германо-польской границе можно решить в самое ближайшее время. Даже наиболее реалистичный дипломат ведомства иностранных дел (далее: МИД) Раушер писал в отчете за 1925 год, что задачей немецкой политики в 1926 году является правильный выбор момента для осуществления достижимых политических целей. Это время, по его мнению, должно было наступить после соответствующей подготовки. Только в этом случае будут осуществлены «насуточные требования»⁷.

Правящие круги Германии понимали, что добиться осуществления своих планов они смогут лишь в согласии со странами Запада. Поэтому перед немецкой дипломатией была поставлена задача: попытаться увязать выдвинутый англичанами план экономической и финансовой помощи Польше

⁵ Ibid. Bd. II, 1. S. 77—79.

⁶ Ibid. S. 64.

⁷ Ibid. S. 79.

с так называемой «политической санацией», которую в Германии трактовали как корректировку границы.

Пожалуй, нельзя целиком согласиться с одним из рецензентов II тома ДГВП, историком из ГДР В. Руге, который пишет, что в опубликованных документах нет достаточной ясности в вопросе о ревизии германо-польской границы⁸. На наш взгляд, материалы II тома довольно подробно освещают замыслы руководства МИД по осуществлению поставленной перед ним задачи. Среди документов имеется инструкция МИД, направленная немецкому посольству в Лондоне 14 декабря 1925 года⁹. В ней говорилось о необходимости прозондировать точку зрения английского МИД на предмет увязки политических и финансовых вопросов, касающихся Польши. Документы ДГВП свидетельствуют о склонности английской дипломатии пойти на уступки Германии.

5 января 1926 года, как видно из записки заведующего Восточным отделом МИД Г. Дирксена, в Берлине обсуждался вопрос об участии Германии в финансировании Польши. В совещании участвовал директор рейхсбанка Х. Шахт. Результат обсуждения Дирксен выразил формулой: «Финансовая санация без политической — не санация», Германия не будет участвовать в ней без уступок в вопросе о границах¹⁰.

Из ряда опубликованных документов следует, что в феврале-марте 1926 года немецкая дипломатия активизировала свою антипольскую деятельность в Англии. 1 марта состоялась встреча немецкого посла в Лондоне Ф. Штамера с директором Английского банка М. Норманом. В ходе ее Штамер заявил, что необходимо «рассматривать вопрос финансового оздоровления Польши не только как чисто финансово-экономический, но и как вопрос высокой политики». А вслед за этим прямо спросил, не считает ли Норман, что вопрос о предоставлении займа Польше необходимо поставить в зависимость от урегулирования немецко-польской границы. Рейхсбанк, заверил германский посол, в этом случае готов участвовать в санации Польши¹¹. Хотя Норман уклонился от прямого ответа, однако выразил готовность встретиться с Шахтом и обсудить все интересующие немцев вопросы¹².

⁸ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1969. H. 6. S. 786.

⁹ ADAP. Bd. II, 1. S. 26—28.

¹⁰ Ibid. S. 89.

¹¹ Ibid. S. 195.

¹² Ibid. S. 244.

В. Руге прав, считая, что опубликованные документы не дают представления о конкретных планах германского правительства по осуществлению ревизии границ. Изучение других публикаций и мемуарной литературы также не дает сведений о каком-либо подробно разработанном и утвержденном правительственными инстанциями конкретном проекте отторжения западных польских земель. По всей видимости, в германском МИД такого проекта просто не было. С этой точки зрения представляется любопытным опубликованный в ДГВП подготовительный материал, составленный Дирксеном в начале марта 1926 года для беседы министра иностранных дел Германии Штреземана с английским министром Чемберленом. Дирксен писал: «Цель — добиться отделения от Польши Коридора и Верхней Силезии — является для Германии вначале важнее формы, в которой эти области снова войдут в состав рейха»¹³.

Данная записка Дирксена ярко свидетельствует о серьезных намерениях немецкой дипломатии достичь договоренности с Англией по «польскому вопросу». В ней рекомендовалось довести до сведения Чемберлена, что этот вопрос «стоит на первом месте не только в немецкой внешней политике, но и является главным в европейской политике вообще. Пока не будет урегулирован спор о немецко-польской границе, не будет спокойствия в Восточной Европе, и прежде всего в Германии». «Пробным камнем, который должна выбирать Германия при оценке своих отношений с третьими странами,—писал Дирксен,—является их отношение к немецко-польским вопросам»¹⁴.

В ДГВП отсутствуют документы, освещающие контакты немцев с официальными английскими инстанциями, но из ряда косвенных свидетельств видно, что таковые имели место. Налицо, таким образом, стремление редакторов серии скрыть наиболее неприглядные стороны попыток сговора Германии с Англией в отношении Польши.

Ближе к лету 1926 г. настроения в германском МИД изменились. Статс-секретарь министерства К. Шуберт писал: «Нет сомнения в том, что увязка политического оздоровления с финансовым в отношении Польши приведет к успеху только в том случае, если Польша будет находиться в состо-

¹³ Ibid. S. 201.

¹⁴ Ibid. S. 200.

янии, граничащем с беззащитностью»¹⁵. Сам министр в одном из писем заметил, что мирная ревизия границы может быть осуществлена лишь при максимальных экономических и финансовых трудностях Польши¹⁶.

Однако, как видно из документов, определенные надежды еще возлагались на поездку Шахта в мае в Англию. В ДГВП опубликована его записка, в которой он повествует о своих переговорах с Норманом. Эти переговоры закончились безрезультатно для Германии: Англия, опасаясь усиления левых сил в Польше, к лету 1926 года окончательно решила при любых условиях поддержать нового правителя Польши Пилсудского и предоставить ему заем без строгих условий.

Подбирая документы о германо-польских отношениях 1925—1926 годов, редакторы публикации необоснованно «персонифицировали» внешнюю политику Веймарской республики: детально осветили вопрос о различиях во мнениях внутри МИД по вопросу о времени, способах, формах ревизии германской восточной границы. Разногласия такого рода действительно имели место. Одни предлагали проявить гибкость и согласиться на любой компромиссный вариант, ибо важен сам факт прецедента, другие исходили из принципа: все или ничего. Как это видно из опубликованных документов, немецкие дипломаты расходились только в частности в принципиальных же вопросах они были едины.

Не освещены в публикации попытки Германии использовать в вопросе об «отторгнутых» землях антисоветскую карту. Имеется лишь один документ, в котором упоминается о подобных планах германского руководства. На одном из заседаний кабинета министры, обсуждавшие отношение Германии к развитию англо-советских отношений, пришли к выводу, что ужесточение позиции по отношению к СССР не выгодно, ибо «...пока еще не было случая, чтобы в каком-либо английском ведомстве в качестве компенсации Германии предлагались польские области, которые нас очень интересуют»¹⁷.

Отсутствуют в ДГВП и некоторые красноречивые документы, указывающие на связь локальной политики с немецкими реваншистскими устремлениями в отношении Польши

¹⁵ Ibid. S. 359.

¹⁶ Ibid. S. 363.

¹⁷ Ibid. Bd. V. S. 419.

в частности нет инструкции Штреземана Штамеру от 19 апреля 1926 года¹⁸, записок о совещании в МИД с немецкими промышленниками, опубликованных лишь в виде выдержек в примечаниях¹⁹.

Торгово-экономические отношения Германии и Польши, временами принимавшие характер торговой войны, освещены в ДГВП довольно подробно, особенно за период 1925—1926 годов. Редакция издания в предисловиях к первым темам публикации обозначила комплекс вопросов, связанных с переговорами о торговом соглашении с Польшей, как один из центральных в двусторонних отношениях²⁰.

Как свидетельствуют документы, в конце 1925 года переговоры между Германией и Польшей практически зашли в тупик. Резкие разногласия по многим вопросам выявились в ходе беседы статс-секретаря Шуберта с польским премьер-министром Скршиньским после подписания Локарнских соглашений. Шуберт потребовал урегулирования вопроса о правах поселений немцев в Польше, достижения договоренности о таможенных пошлинах, снятия ограничений с экспорта ряда немецких товаров, отказа польского правительства от высылки оптантов и ликвидаций немецкой собственности. Все эти пункты, особенно последний, вызвали резкие возражения Скршиньского²¹.

Анализ немецких дипломатических документов показывает, что главной причиной затягивания переговоров были резкие разногласия в вопросе о ликвидациих (т. е. о ликвидациих немецкой собственности в Польше). Лишь в конце февраля 1926 г. после долгих споров поляки согласились вести переговоры о судьбе еще не затронутых ликвидационными мероприятиями объектов немецкой собственности, о чем сообщил в телеграмме Раушер²². Однако переговоры о ликвидациих и о торговом договоре ни весной, ни летом 1926 года ни к какому результату не привели. Поляки проявляли неуступчивость, а немцы были сдержанны и не спешили договариваться. В качестве причин этой сдержанности редакторы серии пытаются представить чисто экономические соображе-

¹⁸ H ö l t j e B. Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlocomo-problem, 1919—1934. Würzburg, 1958. S. 254—256.

¹⁹ ADAP. Bd. II, 1. S. 529. Anm. 2.

²⁰ Ibid. Bd. II, 1. S. XIII; Bd. II, 2. S. XIII; Bd. IV, S. XIII; Bd. V, S. XIV.

²¹ Ibid. Bd. II, 1. S. 5—8.

²² Ibid. S. 165.

ния и сложность самого предмета переговоров. С подобной трактовкой трудно согласиться. Историки ГДР на основе изучения немецких и польских архивов пришли к однозначному выводу, который в одной из работ сформулирован следующим образом: «Существо дела состоит в том, что в основе вспыхнувшей экономической войны между Германией и Польшей лежали все-таки не экономические, а политические причины»²³.

Единственный реальный результат переговоров 1926 года — заключение 21 декабря соглашения об учреждении согласительной комиссии по определению гражданской принадлежности и по вопросу об опантах. Текст этого соглашения вместе с нотами, которыми стороны обменялись перед его подписанием, опубликован в издании²⁴. Документы свидетельствуют о большой роли в этом деле немецкого посла в Варшаве Раушера. В ноябре 1926 г. он прислал МИД донесение, в котором писал, что на основании беседы с Пилсудским и министром иностранных дел Залесским пришел к выводу: «В здешних влиятельных политических кругах наличествует желание и воля к заключению торгового договора»²⁵. Раушер настоял и на конкретном определении немецких уступок в ответ на отказ Польши от ликвидации

Документы публикации говорят об известном повороте Германии к весне 1927 года в сторону улучшения хозяйственно-экономических отношений с Польшей. В публикации мотивировка такого поворота выглядит как акт доброй воли со стороны немецкого правительства. Лишь в одном документе — телеграмме Шуберта Раушеру от 12 февраля 1927 года — указывается на истинную причину изменения позиции Германии: давление определенных промышленных кругов. Статс-секретарь доверительно сообщал посланнику, что Иберский союз немецкой промышленности на заседании руководящего комитета высказался против разрыва переговоров.

Однако не следует преувеличивать желание Германии добиться дальнейшего прогресса в переговорах. Детальное изучение марксистскими историками немецких и польских архивных материалов показало, что во многом линия Штрез-

²³ Puchert B. Der Wirtschaftskrieg des deutschen Imperialismus gegen Polen, 1925—1934. Berlin, 1963. S. 62.

²⁴ ADAP. Bd. II, 2. S. 455—459.

²⁵ Ibid. Bd. II, 1. S. 329.

²⁶ Ibid. Bd. II, 2. S. 464—466, 473.

²⁷ Ibid. Bd. IV. S. 304—306.

мана весной 1927 г. на якобы улучшение отношений с Польшей была выражением стремления промышленников, играя «польской картой», подорвать влияние аграриев²⁸. Опубликованные в ДГВП документы не дают на этот счет ясного ответа, однако из них видно, что до осени 1927 г. германские правительственные инстанции не рассматривали вопрос о новых немецких предложениях на переговорах. Выдвинутый Раушером конкретный план заключения ограниченного торгового договора был Штреземаном отвергнут²⁹.

Некоторая активизация переговоров, имевшая место осенью и зимой 1927 г., нашла отражение в ДГВП. Документы свидетельствуют, что инициатором здесь выступила польская сторона. 12 октября Раушер сообщил, что директор политического департамента польского МИД Т. Яковский информировал его о недовольстве Пилсудского царящей на переговорах долгие месяцы тишиной. Маршал, сказал Яковский, требует от него прояснения картины путем поездки в Берлин³⁰. 23 октября Раушер писал Шуберту о необходимости продумать возможные немецкие уступки в сельскохозяйственной области, так как, по его мнению, без таковых Польша никогда не откажется от ликвидаций.

3 ноября на заседании немецкого кабинета обсуждался вопрос об уступках Польше. Протокол заседания не опубликован, однако о принятых решениях подробно информирует помещенная в ДГВП телеграмма Штреземана Раушеру от 5 ноября. Министр сообщал посланнику, что выработаны немецкие уступки в области польского экспорта в Германию свинины и угля³¹.

Весной 1928 года экономические отношения двух стран вновь обострились. Причиной явилось принятие Польшей закона о границах, направленного на ограничение иностранного, главным образом немецкого, предпринимательства. Вплоть до апреля, как свидетельствуют документы, шло обсуждение по дипломатическим каналам нового польского закона. До конца марта немцы требовали внесения в него довольно значительных изменений. Анализ материалов публикации показывает, что на выработку окончательной позиции Германии в этом вопросе оказал значительное влияние Рау-

²⁸ Климовский Д. С. Указ. соч. С. 78.

²⁹ ADAP. Bd. V. S. 399—400.

³⁰ Ibid. Bd. VII. S. 74.

³¹ Ibid. S. 173—174.

шер. Опубликованы его послания к Штреземану, Шуберту, Дирксену, в которых он предлагал не прерывать переговоры, так как этот шаг не заставит поляков изменить закон о границах. Посланник предлагал вместо этого добиться со стороны польского правительства заявления, что закон не направлен специально против Германии³². В конечном итоге его мнением согласился Штреземан. Долгие споры дипломатов двух стран закончились подписанием в Вене протокола руководителями делегаций на переговорах Гермесом и Твардовским. В протоколе Польша подтвердила отсутствие у нее намерений использовать закон о границах против Германии. Кроме того, Твардовский согласился с Гермесом, что новые переговоры должны начаться с обсуждения в специальной комиссии вопроса о поселениях. К сожалению, ход переговоров освещен в ДГВП только в записке Э. Цехлина, составленной в Берлине 14 апреля 1928 года³³.

Отказ польского правительства ратифицировать Венский протокол привел к очередному затишью в переговорах. Документы ДГВП, опубликованные в IX томе, показывают суждение внутри МИД дальнейших возможностей развития экономических отношений со своим восточным соседом.

Публикуя многие весьма показательные документы из истории экономической войны Германии против Польши, редакторы тем не менее пытаются значительную часть вины за неуспех торговых переговоров свалить на Польшу. Кроме того, они оставляют в тени вопрос о роли в этой войне немецкой монополистической буржуазии. Единственное исключение — подробное изображение конфликта промышленников и аграриев. Немецкие промышленники, видя в Польше выгодный рынок сбыта, требовали от правительства достижения договоренности за счет уступок в сельскохозяйственной области, против чего активно выступали немецкие аграрии. Борьба продолжалась до осени 1929 года. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо решений немецкого кабинета по вопросу о торговых переговорах с Польшей.

Детально освещены в публикации последние стадии переговоров о заключении Ликвидационного соглашения и торгового договора. Оба документа были подписаны только в феврале 1930 года. В условиях начинавшегося экономического

---

³² Ibid. Bd. VIII. S. 385—388.

³³ Ibid. S. 491—493.

кризиса они лишь на некоторое время снизили остроту противоречий, не устранив их глубинных причин.

Редакция издания опубликовала большое количество документов, призванных нарисовать картину угнетения немецкого национального меньшинства в Польше. Западногерманские буржуазные историки всегда акцентировали внимание на проблемах немецкого меньшинства в Польше, чтобы таким образом оправдать тайную финансовую помощь Германии немецким обществам, организациям и союзам в Польше, а о самой финансовой помощи писали неохотно. Материалы ДГВП в этом плане представляют исключение: редакторы опубликовали документы, проливающие свет на размеры и способы тайного финансирования. В V томе ДГВП помещена записка, в которой содержится статистический материал о субсидиях правительства немецким землячествам за границей, переданных им через посредничество общества «Осса» к середине 1928 года. Этот материал можно отразить в следующей таблице³⁴.

Т а б л и ц а

Страны и области	Размеры финансовой помощи в марках
Польша	20 320 000
Северный Шлезвиг	7 194 000
Румыния	6 355 000
Мемель	2 504 000
Австрия	2 186 000
Эйпен-Мальмеди	685 000
Южный Тироль	672 000
Прибалтика	610 000
Югославия	500 000

Более 200 документов публикации освещают отношения Германии со странами Прибалтики. Почти все они посвящены германо-литовским отношениям. Германо-латвийские и германо-эстонские отношения освещены фрагментарно. Наиболее документированы темы: ход переговоров Германии с Литвой о торговом договоре и торгово-экономических отношениях, разногласия и конфликты из-за Мемельской (Клайпедской) области, отношение к польско-литовскому конфликту из-за Вильнюса.

³⁴ Ibid. Bd. V. S. 615.

Летом 1926 года, как свидетельствуют документы, литовское правительство выступило с инициативой заключения с Германией какого-либо соглашения, цель которого — создать известную связь между двумя странами по координации деятельности на международной арене. Суть германского предложения к литовскому плану хорошо показана в записке Шуберта от 10 июля 1926 года³⁵. В ней описывается его встреча с литовским посланником Зидцикаускасом, в ходе которой статс-секретарь заявил, что немецкое правительство приветствует желание Литвы установить тесные связи с Германией на прочной основе, но пока продолжается оккупация Рейнской области, у него не свободны руки. На ближайшее время сказал Шуберт, реальным является заключение арбитражного договора с дружественной преамбулой и нотами, в которых бы затрагивался вопрос о национальных меньшинствах в обеих странах.

Ряд опубликованных документов³⁶ показывает, что в качестве предварительного условия для заключения арбитражного договора и стабилизации экономических отношений Германия требовала урегулирования мемельского вопроса в свою пользу. Это обстоятельство, а также противоречивая позиция литовского правительства вновь отодвинули начало экономических переговоров и заключение арбитражного договора.

ДГВП освещают ход секретных переговоров Штреземана с руководителем Литвы Вольдемарасом. В результате их была расчищена дорога для давно намеченных экономических переговоров. Более благоприятному их ходу, как свидетельствуют документы, способствовал заключенный в январе 1928 года арбитражный договор³⁷.

Однако постоянно возникавшие трудности в двусторонних отношениях из-за мемельского вопроса вновь осложнили экономические переговоры. Редакция издания опубликовала ряд весьма красноречивых документов, свидетельствующих о политическом подходе германского руководства к экономическим отношениям с Литвой. В одной из помещенных в ДГВП записок говорится: «Если литовское правительство несмотря на очень крупные выгоды, которые дало урегулирование ветеринарного вопроса, до сих пор ничего не сдела

³⁵ Ibid. Bd. II, 2. S. 113—115.

³⁶ Ibid. S. 300—303; Bd. IV. S. 125—131, 202—205.

³⁷ Ibid. Bd. VIII. S. 115—117.

ло для существенного улучшения обстановки в Мемельской области, то уж незначительными уступками в экономической сфере, которые к тому же для нас сейчас затруднительны по внутривнутриполитическим соображениям, ничего не добиться»³⁸. А в телеграмме, посланной МИД немецкому посланнику в Литве Морату, говорилось: «...мы вновь указали Зидцикауаску на то, что наша поддержка, естественно, будет зависеть от их поведения в мемельском вопросе»³⁹.

Явно исходя из антикоммунистических взглядов, редакция издания путем тенденциозной подборки документов пытается бросить тень на советскую внешнюю политику. Именно этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что 50% документов, посвященных германо-прибалтийским отношениям, представляют собой записи бесед немецких дипломатов с советскими, в ходе которых обсуждались положение в данном регионе и политика Германии, Польши и СССР в отношении Прибалтийских государств. Смысл подобной подборки ясен: редакторы издания стремятся дискредитировать внешнюю политику СССР, поставить знак равенства между политикой Советского Союза и царской России, доказать наличие согласованной политики в отношении Прибалтийских государств между империалистической Германией и Страной Советов.

Очень подробно освещен польско-литовский конфликт из-за Вильнюса. Этот конфликт, приняв острые формы, привлек внимание всей европейской общественности. Поэтому неудивительно, что Советский Союз наряду с другими державами со своей стороны тоже предпринял усилия в направлении улаживания конфликтной ситуации. Однако консультации и беседы советских дипломатов с немецкими редакторы пытаются представить как стремление договориться на антипольской основе.

В подборе документов сказалась установка на современное «западное единство». Она проявилась в подробно документированных попытках германской дипломатии выступить единым фронтом с Англией и Францией в конфликте Польши и Литвы. Окрепший германский империализм требовал соответствующего к себе отношения. 3 ноября 1927 года Штреземан писал в инструкции немецкому послу в Париже: «Очень неприятная штука, что непосредственно у наших ворот предпринимается большой важности политические акции, на ко-

³⁸ Ibid. Bd. XV, s. 116—118.

³⁹ Ibid. S. 483.

торые мы не имеем никакой прямой возможности повлиять. Поэтому мне представляется необходимым провести переговоры с французским правительством и при этом запросить конкретные сведения о его планах с твердым указанием нашу прямую в этом заинтересованность»⁴⁰.

Для исследователей представляет интерес подборка документов по так называемому мемельскому вопросу. Опубликованы некоторые данные о тайном финансировании Германией немецких национальных партий и организаций в Мемеле. Однако эти материалы не отражают в полной мере систематической тайной поддержки немецких элементов в Литве, которая имела место в действительности.

Около 250 документов посвящены отношениям Германии со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Нас интересуют лишь отношения с Чехословакией, Австрией и Венгрией, документированы более обстоятельно (соответственно 70, 68 и 44 документа). На остальные страны приходится всего 70 документов.

Ослабленная Версальским договором Германия не могла проводить глобальной агрессивной политики. Поэтому в отношении стран Юго-Восточной Европы она вынуждена была проявлять определенную сдержанность. Этот факт редакторы ДГВП пытаются использовать для приукрашивания немецкой политики по отношению к Чехословакии.

Большая часть опубликованных в серии документов касается германо-чехословацким отношениям касается положения немецкого меньшинства в Чехословакии. Представленная глазами пристрастных германских дипломатов, картина этого положения призвана возложить равновеликую ответственность на Германию и Чехословакию за довольно прохладные отношения двух стран в 20-х—начале 30-х годов. По крайней мере, налицо стремление редакции представить стабильность в Чешском государстве в качестве главной причины нестабильности в двусторонних отношениях. Так, в III томе ДГВП из 17 документов, касающихся немецко-чехословацких отношений, 13 посвящены положению судетских немцев.

Редакторы серии опубликовали некоторый материал, свидетельствующий, что между германским МИД и немецкими партиями в Чехословакии были различные контакты и связи. Однако наличие подобного материала не меняет общей концепции редакторов ДГВП, стремившихся доказать отс

⁴⁰ Ibid. Bd. VII. S. 163.

стве откровенно агрессивных замыслов у руководителей Веймарской республики в отношении Чехословакии. Документы публикации не дают и полной картины всесторонней помощи Германии различным судетским организациям и партиям.

Довольно слабо освещены официальные дипломатические отношения двух стран. Документированы лишь встречи Штреземана с чехословацкими руководителями в Женеве и визит Э. Бенеша в Берлин в мае 1928 года. Фрагментарно освещен в ДГВП ход переговоров Германии с Чехословакией о торговом договоре. Не раскрыта роль немецких промышленных кругов в выработке позиции на этих переговорах. Лишь в одном документе рассказывается о проведенном в мае 1929 года обсуждении данного вопроса с немецкими промышленными группами⁴¹.

В ДГВП опубликовано немало красноречивых документов, раскрывающих отношения Веймарской республики с Австрией. Материалы публикации убедительно свидетельствуют, что вопрос об аншлюсе никогда не снимался с повестки дня на всем протяжении второй половины 20-х—начала 30-х годов.

Довольно подробно документированы экономические проблемы взаимоотношений Германии с Балканскими странами. Отказ этих государств выплачивать Германии свои довоенные долги и ответный отказ немцев удовлетворить их финансовые претензии, вытекающие из первой мировой войны, вызвал в 20-е годы немало острых споров и разногласий. Как и в случае с другими странами, редакторы издания уделили много внимания положению немецкого меньшинства в странах этого региона. Опубликованы весьма показательные документы, свидетельствующие о прямом вмешательстве Германии во внутренние дела этих стран⁴².

Таким образом, «Документы германской внешней политики» содержат богатый фактический материал, большая часть которого впервые вводится в научный оборот. Опубликованные документы позволяют воссоздать довольно полную картину взаимоотношений Веймарской республики с ее восточными и южными соседями. В отличие от других западногерманских публикаций, в данной содержится обильный материал по истории экономического проникновения Германии

⁴¹ Ibid. Bd. XII. S. 33—38.

⁴² Ibid. Bd. XIII, S. 67—69, 103—105, 414—415.

в Восточную Европу и на Балканы. Впервые в буржуазной историографии в таком объеме освещен вопрос о тайном финансировании ведомственными германскими кругами немецких организаций и объединений за границей.

Однако следует иметь в виду, что редакторы издания всячески стремятся обелить внешнюю политику Веймарской республики, воздвигнуть между нею и внешней политикой фашистской Германии китайскую стену. Для них характерно стремление затушевать классовый характер политики Веймарской Германии и таким образом снять с германской монополистической буржуазии обвинения в агрессивной политике. Экономическое проникновение германского капитала в страны Восточной и Юго-Восточной Европы преподносится как простое развитие торгово-экономических отношений.

Не нашло отражения в ДГВП усиление агрессивности и решимости германского империализма в конце 20-х—начале 30-х годов. Явно проглядывает стремление представить вопрос о немецких меньшинствах в качестве основной причины нестабильных отношений Германии со своими соседями.

Несмотря на вышеуказанные недостатки, публикация, при критическом использовании, может представлять большую ценность для исследователей.

И. Я. БИСК, А. Н. АНДРЕЕВ
(Ивановский университет)

РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Оппозиция против растущей власти монополистического капитала Веймарской республики находила выражение в нескольких периодических изданиях, которые являлись формой прогрессивной, преимущественной мелкобуржуазно-беспартийной интеллигенции.

Виднейшим представителем старшего поколения оппозиционных веймарских публицистов был Гельмут фон Герла (1866—1935) — выходец из юнкерской семьи, перешедший в буржуазно-демократический лагерь. Он занимался журналистикой задолго до 1918 г., в веймарское время издавал «Вельт ам Монтэг», где разоблачал монархо-фашистские происки против республики и пропагандировал взаимопонимание народов, а в последние годы жизни в эмиграции в

ступал за совместную борьбу рабочего класса и прогрессивной части бюргерства против войны и фашизма¹. Среди учеников Герлаха оказались руководящие деятели ряда прогрессивных изданий Веймарской республики, в частности журналов «Ди вельтбюне» (далее: ВБ), «Дас тагебух» (далее: Т), «Дер драхе» (далее: Д)².

Ни к одному из выходящих в Веймарской республике 10 тысяч периодических изданий исследователи ГДР, ФРГ и других стран не проявили такого интереса, как к ВБ и Т. Составленная из антологий, мемуаров, монографий и др. изданий библиография ВБ и Т охватывает приблизительно три десятка наименований. Повышенное внимание к этим журналам обусловлено не только трагической судьбой их известных сотрудников, высоким публицистическим и художественным уровнем помещенных в них материалов, но, в первую очередь, прогрессивным политическим курсом, глубиной анализа текущих событий и некоторыми сбывшимися прогнозами. Если лучших авторов ВБ и Т переиздают и перечитывают и в ГДР, и в ФРГ, то в известной мере потому, что они уже в веймарские годы прозорливо формулировали некоторые уроки германской истории.

Общественно-политическая борьба вокруг обоих радикально-демократических журналов началась еще в Веймарской республике. После установления фашистской диктатуры фальсифицированная оценка ВБ и Т стала монопольно господствующей, и противоположные взгляды могли быть изложены лишь в эмиграции³.

В опубликованной в ГДР 8-томной «Истории германского рабочего движения» дана принципиальная оценка деятельности веймарских радикально-демократических журналистов, которые «приближались, по крайней мере частично, к точке

---

¹ Gilbert U. S. Helmut von Gerlach (1866—1935): Stationen eines deutschen Liberalen vom Kaiserreich zum „Dritten Reich“. Frankfurt a. M., 1981; Greuner R. Wandlungen eines Aufrechten: Lebensbild Helmut von Gerlachs. Berlin, 1965.

² В настоящей статье разделы о ВБ и Т написал И. Я. Биск, раздел о Д — А. Н. Андреев.

³ См., например: Гурвич В. Осецкий — жертва фашизма // Книга и пролетарская революция. 1938. № 6; Книпович Е. Гражданин мира — Карл Осецкий // За рубежом. 1938. № 1; Эттинген Б. Карл Осецкий // Интернациональная литература. 1938. № 8. Gerlach H. von. Von rechts nach links. Zürich, 1937; Jacob B. Weltbürger Ossietzky. Paris, 1937; Singer K., Burger F. Carl von Ossietzky. Zürich, 1937.

зрения рабочего класса», особо выделены мужественная анти-милитаристская и антифашистская борьба Карла фон Осецкого и Курта Тухольского, активное сотрудничество последнего в междуробочной «Арbeiter иллюстриerte цейтунг». Авторы написанных с марксистских позиций трудов о ВБ в его руководителях убедительно показали противоречивый, в целом глубоко прогрессивный характер взглядов Герлаха и особенно Осецкого, критику ими отрицательных сторон веймарского строя, их антимилитаризм и антифашизм, эволюцию их взглядов влево⁵.

Все западногерманские исследователи также признают прогрессивность ВБ и Т в Веймарской республике. Эти авторы стремятся подчеркнуть общечеловеческие и общедемократические идеалы сотрудников журналов, показать свое духовное родство с ними, изобразить их своими предшественниками. Колебания и непоследовательность, индивидуализм и объективизм ведущих работников обоих журналов буржуазные исследователи трактуют односторонне, эволюцию веймарских руководителей замалчивают, некоторые критические замечания пытаются выдать за принципиальную враждебность коммунизму⁶.

При известных и подчас довольно значительных расхождениях в оценке ВБ и Т марксистскими историками и буржуазными авторами обращает на себя внимание общая положительная трактовка обоих журналов как изданий беспор-

⁴ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in 8 Bänden. Bd. 4. Berlin, 1966. S. 163, 174—175, 318.

⁵ Кривуля В. Он ненавидел войну. М., 1966; Лайне С. В. Карл Осецкий — публицист и литературный критик. М., 1971; Лембрик О. ва Б. С. Журнал «Вельтбюне» в общественно-политической борьбе (1914—1933 гг.) // Учен. зап. / Ленинградский ун-т. № 284. Серия филологических наук. Вып. 57. Л., 1960; Сапожникова Г. Н. Карл Осецкий — борец против войны и фашизма // Ежегодник германской истории. 1985. М., 1985; Fiedor K. Carl von Ossietzky und die Friedensbewegung. Wroclaw, 1985. Greuner R. Op. cit.; Idem. Gegenspieler Profile linksbürgerlichen Publizisten aus Kaiserreich und Weimarer Republik. Berlin, 1969; Greuner R. und R. Ich stehe links...: Carl von Ossietzky über Geist und Ungeist der Weimarer Republik. Berlin, 1963; Honsza N. Kurt Tucholsky: szlachetny pazifista. Wroclaw, 1984.

⁶ Enselsing A. „Die Weltbühne“: Organ der intellektuellen Linken Münster, 1962; Koplin R. Carl von Ossietzky als politischer Publizist. Berlin; Frankfurt a. M., 1964; Prescher H. Kurt Tucholsky Berlin, 1959.

по прогрессивных, антимилицаристских и антифашистских⁷.

Обильная литература о «Вельтбюне» и «Тегебух» носит общественно-политический либо литературоведческий характер. В настоящей статье эти издания характеризуются с источниковедческих позиций с целью облегчить их использование историками. Статья основана главным образом на материалах самих журналов. Использовались также антологии, перепечатки ряда статей и другие произведения наиболее видных работников журналов⁸. Из мемуарных источников наиболее достоверны и ценны книги жены главного редактора «Вельтбюне» Осецкого — Мод Осецкой, сотрудника «Вельтбюне» К. Хиллера, сложный жизненный путь которого нашел отражение в его воспоминаниях, а также содержащая элементы воспоминаний книга прогрессивного журналиста Веймарской республики Б. Фрея⁹.

«Ди Вельтбюне»

Журнал ВВ был основан З. Якобсоном в 1905 г. как литературно-искусствоведческий под названием «Ди шаубюне». В связи с превалированием в нем общественно-политических проблем 4 апреля 1918 г. переименован в «Ди Вельтбюне». З. Якобсон издавал ВВ и руководил им до своей неожидан-

---

⁷ См. также: Биск И. Я. Журналы прогрессивной интеллигенции Веймарской республики «Вельтбюне» и «Тегебух» в немецкой историографии // Вопросы методологии и историографии. Вып. 3. Томск, 1974.

⁸ Ausnahmezustand. Eine Anthologie aus der „Weltbühne“ und „Tagebuch“. München, 1936; Ossietzky C. von. Rechenschaft. Publizistik aus den Jahren, 1919—1933. Berlin—Weimar, 1970; Idem. Schriften. Bd. 1—2. Berlin; Weimar, 1966; Schwarzschild L. Die letzten Jahre vor Hitler. Aus dem „Tagebuch“, 1929—1933. Hamburg, 1966; Tucholsky K. Ausgewählte Briefe 1913—1935. Reinbeck bei Hamburg, 1962; Idem. Politische Briefe/Zugest. v. Raddatz F. J. Reinbeck bei Hamburg, 1969; Tucholsky K. Deutschland, Deutschland über alles... Ein Bilderbuch von Kurt Tucholsky und vielen Photographen. Montiert John Hearfield. Faksimiledruck nach der Ausgabe von 1929. Berlin, 1967; u. a.

⁹ Maud von Ossietzky erzählt. Ein Lebensbild. Berlin, 1936; Hiller K. Köpfe und Tröpfe: Profile aus einem Vierteljahrshundert. Hamburg; Stuttgart, 1950; Idem. Aufstieg, Glanz und Verfall der Weltbühne // Konkret, 1962. Nr. 3—7; Frei B. Carl von Ossietzky: Ritter ohne Furcht und Tadel. Berlin; Weimar, 1966. Grossmann K. Ossietzky—ein deutscher Patriot. München, 1963; Miller K. Erinnerungen Karl von Ossietzky: Rote Ritter. (West) Berlin, 1980.

ной кончины в 1926 г., затем издательницей являлась его вдова, Эдит Якобсон, а фактическими руководителями и основными сотрудниками — Курт Тухольский и Карл фон Осецкий. Последний довел прогрессивное развитие журнала до кульминации. Во время тюремного заключения Осецкого с мая по декабрь 1932 г. его замещал Гельмут фон Герлах. В веймарское время ВБ выходил в собственном издательстве.

Журнал издавался небольшим форматом — 22×14 см, до 1920 г. использовался готический, с начала 20-х годов — латинский шрифт, объем колебался между 24—40 страницами при тенденции к увеличению; так, средний объем номера в 1924 г. — 36 страниц. ВБ выходил еженедельно по четвергам и хотя часто находился на волосок от запрещения, единственный перерыв — № 12—13 за 1920 г. — был следствием капповского путча. Тираж издания в 1925 г. — 10 тыс., в январе 1926 г. — 12,6 тыс., в 1930 г. — 15 тыс. экземпляров, максимальный тираж едва ли превышал 25 тыс. экземпляров¹⁰.

ВБ распространялся по подписке и продавался в розницу в киосках. Круг читателей складывался преимущественно из прогрессивной германской и в гораздо меньшей мере из немецкой зарубежной интеллигенции, критически настроенной в отношении растущей власти монополистического капитала и милитаризма, сочувствовавшей борьбе рабочего класса Веймарской республики либо стоявшей на леводемократической платформе, но беспартийной и на индивидуалистический лад отвергавшей единые и обязательные для всех программы и дисциплину. А. Энзелинг относит к читателям ВБ не состоявших в партиях культурно-либеральных индивидуалистов, пацифистов, оппозицию в СДПГ и КППГ, в первые годы республики — сторонников реформистского крыла НСДПГ, членов рейхсбаннера и Союза красных фронтовиков, в более широком плане — критиков и скептиков, проживавших главным образом в крупных и средних городах Германии, но там же и за рубежом¹¹.

---

¹⁰ Последний номер ВБ вышел 7 марта 1933 г. После установления гитлеровской диктатуры большая часть сотрудников ВБ эмигрировала, либо были заключены в концлагеря. Из 33 лиц, в первую очередь лишенных нацистским режимом германского гражданства, почти половина разное время сотрудничали в ВБ. В эмиграции в Праге и Париже с апреля 1933 по август 1938 г. выходил журнал «Ди нойе вельтбюне».

¹¹ Enselsing A. Op. cit. S. 164.

Финансовое положение ВВ никогда не было блестящим. Подкреплявшие финансовую базу журнала объявления представлялись рекламировавшими свою продукцию предприятиями по производству товаров широкого потребления и еще чаще — более или менее близкими ему в идейном отношении рабочими, буржуазно-демократическими и другими издательствами, в т. ч. «Нойер дойтшер ферлаг», «Малнк-ферлаг», «Ферлаг дер югендинтернационале», «Ферлаг фюр литератур унд политик», «Пропилеен-ферлаг», «Пауль Лист — ферлаг», «Ферлаг С. Фишер», «Агис-ферлаг», «Файдон-ферлаг», «Книга ГмбХ», «Интурист».

История ВВ неотделима от имен ее издателей, руководителей и ведущих сотрудников — З. Якобсона, К. Тухольского, и особенно К. Осецкого.

Издатель и редактор журнала З. Якобсон (1880—1926), блестящий знаток немецкого языка, весь отдавался своему «журнальчику» и пользовался огромным уважением коллег, в частности главных сотрудников — Тухольского и Осецкого; даже после смерти Якобсона его кресло как реликвия продолжало оставаться в редакции (Эдит Якобсон, известная в литературных кругах переводчица, в качестве издательницы гораздо менее покойного мужа вникала в дела, о которых Осецкий информировал, бывая у нее раз в неделю).

К. Тухольский (1890—1935) начал печататься в буржуазно-демократической и социал-демократической периодике еще до мировой войны, тогда же был привлечен З. Якобсоном к сотрудничеству и навсегда связал свою судьбу с ВВ. В 1920—1922 гг. был членом НСДПГ. Тухольский известен как блестящий публицист и сатирик, прозаик и поэт, выступавший под своей фамилией (ею он обычно подписывал принципиальные материалы) и под четырьмя псевдонимами: Игнац Вробель (политические и полемические статьи), Каспар Хаугер (прочие серьезные статьи, сатира в прозе, в первые послевоенные годы — стихи), Петер Пантер (культура, литература, литературная критика, путевые корреспонденции), Теобальд Тигер (различные стихотворения от шансонеток и эротики до сатирической поэзии и подписей под политическими фотоиллюстративными материалами). В опубликованном в 1922 г. стихотворении «Вир алле фюнф» Тухольский писал, что его фамилия и псевдонимы — члены одной семьи, мучные порознь, но бьющие по одному стальному шлему. Юрист с университетским образованием, он, благодаря оставленному ему отцом наследству, был обеспеченным чело-

веком, пока в 1923 г. инфляция не уничтожила его состояние. С 1924 г. являлся корреспондентом ВБ и «Фоссидейтунг» в близком его сердцу Париже («Здесь я человек, а не только штатский», — писал он в стихотворении) и с этого времени в Германии бывал лишь наездами. В конце 20-х годов активно сотрудничал в органе Межрабпома «Арbeiterillustrierte Zeitung». Болезнь и ряд операций в 1931 очень умерили его работоспособность. После 30 января 1933 г. Тухольский, не видя сил, которые могли бы свергнуть гитлеризм, перестал писать, книги его были сожжены, мать погибла в концентрационном лагере. В 1935 г. в Швеции принял яд.

К. Осецкий (1889—1938) рано потерял отца, отчим его был социал-демократом. До войны работал клерком, после возвращения с фронта — секретарем в пацифистских организациях, сотрудничал в различных левобуржуазных изданиях. С апреля 1926 г. стал постоянным передовиком в ВБ, а после смерти З. Якобсона в декабре 1926 г. сначала короткое время вместе с Тухольским, а затем один возглавлял ВБ вплоть до установления фашистской диктатуры. Под его руководством журнала ВБ «стал боевым органом прогрессивной немецкой интеллигенции»¹². Борьба Осецкого против реакционных сил Веймарской республики, особенно против милитаризации и юстиции, вызывала их ненависть, и они неправильно с ним якобы за «государственную измену»; 10 мая — 22 декабря 1932 г. Осецкий находился в Берлин-Тегельской тюрьме: Статьи Осецкого в ВБ, мемуары и исследования, данные в ГДР, свидетельствуют о его серьезной эволюции влево в веймарские годы — из буржуазного пацифиста и гуманиста он превратился в сторонника антифашистского единства и предвестника миролюбивой демократической Германии¹³. С конца 20-х годов он все чаще оперирует марксистской терминологией, различные политические акции оценивает с точки зрения их полезности для рабочего класса, часто пишет о формальном характере буржуазной демократии и упоминает СДПГ в забвении буржуазного характера Веймарской республики. Исповедью могут считаться слова Осецкого незадолго до поджога рейхстага нацистами: «Я не принадлежу к какой партии. Я вел борьбу во всех направлениях, больше с правыми, но также с левыми. Однако теперь мы до

¹² Восприняет род людской. М., 1961. С. 390.

¹³ См., например: Frey В. Op. cit.

жны знать, что слева от нас находятся только союзники»¹⁴. При всей непоследовательности и колебаниях Осецкий все же в 1932 г. писал в ВБ: «Мой разум все еще исповедует даже ныне с пренебрежением отвергаемую демократию, в то время как мое сердце безусловно принадлежит движению пролетарских масс,—не замкнутой в оболочку доктрине конечной цели, а живому телу и крови рабочего движения, его людям, его жаждущим справедливости душам»¹⁵. Арестованный нацистами уже в феврале 1933 г., стойкий и мужественный антифашист Карл фон Осецкий был замучен в концлагерях, откуда его, уже смертельно больного, выпустили под напором международной прогрессивной общественности лишь за несколько дней до награждения Нобелевской премией мира.

Структура ВБ в веймарское время была стабильной. Журнал состоял из статей объемом 1—3, реже 4—6 страниц и завершался рубриками «Заметки» (вначале эта рубрика называлась «Обзоры») и «Ответы». Авторы «Заметок («Обзоров») в сжатом виде трактовали нецентральные вопросы общественного развития. «Ответы» не всегда являлись ответами редакции на действительно поступившие вопросы, подчас инспирировались ею, но всегда в резко выраженном наступательном духе отражали ее отношение к актуальным проблемам политической жизни. В ВБ решительно преобладали политические материалы обзорно-аналитического характера. Политические тенденции пропитывали не только передовицы, но и занимавшие меньше места материалы из областей культуры и экономики, а также «Заметки» и «Ответы». С рубежа 20—30-х годов в ВБ появились информационные материалы о бирже, спорте и др., но и в это время новости занимали мало места, исчислялись не страницами, а строками и не играли в ВБ достойной упоминания роли. Объявления публиковались чаще всего в конце номера, но также на обложках, изредка в конце страниц основного текста; реклама в ВБ имела тенденцию к расширению, иногда достигая 20—25% объема журнала.

В статьях ВБ рассматривались все узловые и сколько-нибудь важные вопросы времени. О политической линии ВБ

---

¹⁴ Maud von Ossietzky erzählt. S. 100.

¹⁵ Weltbühne. 1932. Nr. 19.

А. Энзелинг пишет, что «она скорее всего соответствовала тенденциям ревизионистского фланга НСДПГ»¹⁶.

ВВ был сторонником Ноябрьской революции и созданию Веймарской республики. Журнал неоднократно подчеркивал межеумочность позиции иных буржуазных демократов отрицавших революционное происхождение Веймарской публики¹⁷. Отношение сотрудников ВВ к реформе республики — за единую или федеративную — было различным; личным было и отношение к вопросу о роли Пруссии в республике, но большинство видных сотрудников относилось к Пруссии и Бисмарку отрицательно. Осецкий считал, что Ноябрьская революция допустила две губительных для молодой республики ошибки: не провозгласила единое государство и отобрала у помещиков землю — наделенные землей крестьяне стали бы ее опорой¹⁸.

Журнал требовал чистки и республиканизации государственного аппарата республики, в частности рейхсвера и юстиции, а также администрации и учебных заведений. Борьба против рейхсвера и защищавшей его юстиции — «двух главных семеек», как иронически называл их Осецкий¹⁹, — заняла значительное место в журнале и была особенно ярко выраженной. В течение всех веймарских лет ВВ атаковал тайные вооружения Германии, «черный рейхсвер», строительство броненосца, германский милитаризм в целом. Тон задавал Тухольский, опубликовав уже на заре республики серию статей под общим названием «Милитарна». «Мы имеем только маленькую армию, но большой милитаризм. Мы слишком привыкли подчиняться стучащему по столу генеральскому кулаку», — писал в конце 1931 г. Осецкий²⁰. Разоблачительные антивоенные статьи, содержащие, в частности, подрывные критический анализ военного бюджета, писали Карл Мертенс, Бертольд Якоб, Вальтер Крейзер, Карл фон Осецкий. Последний доказывал, что вооружение Германии не только вредно, но лишено смысла, так как на нее никто не собирался нападать. Чаше других разоблачали веймарскую юстицию, защищавшую всех правых и выносившую суровые приговоры преимущественно левым силам, К. Тухольский К. Хиллер, имевшие юридическое образование.

¹⁶ Enseling A. Op. cit. S. 74.

¹⁷ Weltbühne. 1927. Nr. 27; 1928. Nr. 45.

¹⁸ Ibid. 1928. Nr. 13.

¹⁹ Ibid. 1927. Nr. 8.

²⁰ Ausnahmezustand... S. 380.

Находясь на почве реальных фактов и отвлекаясь от эмоций, ВБ был сторонником «политики выполнения» Вирта, и особенно Ратенау. Ремонтный вопрос журнал предлагал решить прямым немецким трудом по восстановлению разрушенных областей, а не денежными платежами, выгодными спекулянтам. Куновскую политику «пассивного сопротивления» ВБ считал нелепостью; Штреземана одобрял за ликвидацию «пассивного сопротивления», порицал за роспуск рабочих правительств Саксонии и Тюрингии, видя в этом нарушение демократических свобод.

Журнал поддерживал план Дауэса, решительно осуждал происки правых против плана Юнга и считал подписание плана Юнга большой удачей правительства²¹. В многочисленных статьях журнал выступал за безвозмездное отчуждение имущества князей²².

Отношение сотрудников ВБ к Локарнским соглашениям не было единодушным, но преобладала положительная оценка, а заключение их квалифицировалось как личная заслуга министра иностранных дел Штреземана, которого характеризовали как самого способного германского политика и защищали от нападок гугенберговской прессы. Некоторое время журнал поддерживал план Пан-Европы, но с 1929 г. порвал с его сторонниками, когда выяснилась антисоветская направленность плана. Отношение ВБ к нашей стране не было стабильным и одинаковым у всех сотрудников, но дружественность преобладала над критическими материалами. Осецкий писал: «Можно сказать без преувеличения: для немецких рабочих, независимо от направления, неприкосновенность России является священным делом»²³. Журнал поддерживал советские предложения о разоружении, был противником колониальной политики.

С конца 20-х годов резко усилились антифашистская направленность журнала, призывы к объединению СДПГ и КППГ в борьбе против фашизма.

Занимая место на левом фланге боровшихся в Веймарской республике политических сил, ожидая от рабочего класса спасения республики от фашистской угрозы, журнал ко-

21 O. Sklavenexport//Weltbühne. 1929. Nr. 43.

22 Robold E. Entschädigungslose Enteignung//Weltbühne. 1926. Nr. 7; Hiller K. Das Wohl der Allgemeinheit//Ibid. Nr. 20.

23 Weltbühne. 1927. Nr. 5.

лебался между КПП и СДПГ, причем по мере развития событий все больше ратовал за сплочение обеих партий в рамках левого антифашистского блока. Эта эволюция особенно видна на примере Карла фон Осецкого. Он резко критиковал СДПГ, и в частности Носке, за использование монархической военщины для борьбы с революцией в первые годы республики, видел виновника кровавых майских событий 1929 в Цергибеле²⁴, возмущался заявлением Гржезинского, цинично объявившего Закон о защите республики оружием борьбы не столько против правых, сколько против КПП и ее центрального органа — газеты «Ди роте фане»²⁵. Хотя Осецкий полемизировал также с коммунистами и критиковал КПП, это была преимущественно критика ее тактики, которую сами коммунисты подвергли жесткой самокритике и пересмотру на Брюссельской конференции в 1935 г. В последние годы Веймарской республики Осецкий колебался не столько между СДПГ и КПП, сколько между одобрением стратегических целей КПП и несогласием с ее тактикой. Поддерживая на президентских выборах 1932 г. кандидатуру Тельмана, Осецкий в начале марта писал: «Проводить левую политику — значит действовать там, где сражается представитель левых. Тельман — единственный, все остальное — нюансированная реакция»²⁶. Понимая, что фашизм — смертельный враг обеих рабочих партий, Осецкий 3 мая 1932 г. обращается к ним с пламенным призывом и аргументами к переговорам за круглым столом и к единству действий: «Я спрашиваю вас, социал-демократы и коммунисты, будете ли вы завтра вообще еще иметь возможность высказаться? Позволят ли вам еще это?»

Критическим материалам ВБ присуща высокая степень достоверности: их писали компетентные авторы, постоянно помнившие, что малейшая оплошность или неточность будут использованы противником. Даже бывший министр рейхсвера О. Гесслер, которого резко критиковала ВБ, в вышедшем в 1958 г. мемуарах признает квалифицированный характер антивоенной публицистики журнала, а о Бертольде Якоби пишет, что тот в области военного дела «стал настоящим специалистом»²⁷.

²⁴ Ibid. 1928. Nr. 18—20, 24 u. a.

²⁵ Ibid. 1930. Nr. 4.

²⁶ Ibid. 1932. Nr. 9.

²⁷ Gessler O. Reichswehrpolitik in der weimarer Zeit. Stuttgart 1958. S. 172.

Используя материалы ВВ в качестве исторического источника, следует помнить, что при царившем в редакции духе индивидуализма точки зрения авторов журнала не всегда совпадали взаимно и со взглядами редакции и что последняя на объективистский лад в ходе дискуссий публиковала также статьи своих противников. Уже упоминалось о различном отношении к реформе республики и к Локарнским соглашениям. Так, выступавший в ВВ Альфонс Гольдшмидт был противником последних, но в то же время З. Якобсон предоставлял страницы журнала французскому публицисту Жюлю Зауэрвейну для прославления Локарнских соглашений. Антианглийски настроенный Феликс Штосингер выступал за франко-германское сближение, наоборот, Курт Хиллер считал эту континентальную антианглийскую политику неразумной и выступал за сближение с Англией и Россией. Исследователю необходимо учитывать не только воззрения авторов данной статьи, но и эволюцию взглядов авторов. Например, Б. Фрей пишет об эволюции взглядов Осецкого влево: «С 1929 г. пропасть между ним и революционными левыми уже меньше, чем расстояние, отделяющее его от буржуазной среды»²⁸. Вообще следует иметь в виду, что авторы журнала обобщали без детализации, частные события интересовали их лишь постольку в последних отражалась тенденция, направление развития. Так, Тухольского занимали не частности определенного судебного процесса для написания информационной статьи — уверенный в губительности для республики реакционных судей, он в принципе выступал против этого зла. В данном смысле и следует понимать тезис Тухольского: «Я занимаюсь не количеством батальонов, а убеждениями»²⁹.

«Дас Тагебух»

Т был основан в 1920 г. венским журналистом и сотрудником ульштейновской «Фоссише цейтунг» Стефаном Гроссманом, издавался в 1920—1922 гг. одним Гроссманом, в 1922—1927 гг. — Гроссманом и специалистом по экономической журналистике Леопольдом Шварцшильдом. С 1927 г. журнал издавал и редактировал Л. Шварцшильд. В 1923 г. он основал также «Монтаг морген» и затем «Магазин дер виртшафт». До 1923 г. Т выходил в берлинском издательстве

²⁸ Frei B. Op. cit. S. 101.

²⁹ Prescher H. Op. cit. S. 33.

Ровольт-ферлаг, затем в собственном издательстве Тагебух в Берлине³⁰. Это был еженедельник форматом 22×14 см, средний объем его составлял 30 страниц, тираж в 1930 г. — 14 тыс. экземпляров. Гроссман и Шварцшильд активно (часто анонимно) сотрудничали в Т: Гроссману принадлежали полемические передовицы об актуальных событиях в политике и культуре под названием «Дневник времени», а Шварцшильд популярно излагал сложные экономические проблемы в «Дневнике хозяйства». Каждый номер Т завершался рубрикой «Заметки на полях», где также рецензировались книги, фильмы. Будучи высокого мнения о роли личности в истории, Т (как и ВВ) уделял внимание (в т. ч. в карикатуре) знаменитым современникам. Среди авторов Т были некоммунистические левые Е. Ю. Гумбель, К. Керстен, Э. Э. Киш, П. Леви, В. Меринг, Р. Ольден, Е. Рабольд, карикатуристы Б. Дёблнн и Л. Фодор.

Т являлся радикальным журналом с сильной критической направленностью. Бывший главный редактор меграбпомовской газеты «Берлин ам morgen» Б. Фрей писал, что Т был левым, точнее полулевым, открытым новому, глубоко враждебным националистической черни, но социализм для него был неприемлем; хотя Осецкий писал иногда статьи для Т и с 1924 г. некоторое время даже значился ответственным редактором, его не вполне устраивал царивший здесь дух, так как издатели были близки к государственным деятелям СДПГ и слишком исходили из коммерческой стороны дела³¹.

Накануне 13-й годовщины Ноябрьской революции Л. Шварцшильд предпринял в Т ретроспективный обзор почти всей истории Веймарской республики, важный для понимания издательской позиции: Фридрих Эберт уже вечером 9 ноября 1918 г. с черного хода впустил те силы, которые были вышвырнуты в этот день утром, и, драпируясь красным флажком, привел германский корабль в белую гавань; экономическая мощь была оставлена в руках магнатов промышленности и юнкерства — пальцем не пошевелили для экспроприации крупного капитала и крупных латифундий («переворот без аграрной реформы, чего мировая история еще не видела»), ограничившись одной болтовней о «мар-

---

³⁰ Антифашистская направленность Т привела к закрытию журнала 11 марта 1933 г. С 1 июля 1933 г. по 11 мая 1940 г. он издавался в эмиграции, в Париже и Амстердаме, под названием «Дас нойе тагебух».

³¹ Frei В. *Op. cit.* S. 85—89.

было тиранического правления, чтобы уже послезавтра вновь мог наступить день рабочего»³⁶.

Через полгода после этих выборов он доказывал, что за их губительные результаты буржуазно-демократические веймарские лидеры не вправе переложить вину на избирателей, ибо «если народ покидает вождей, то виноваты они сами», народ лишь чувствовал, что дальше так продолжаться не может³⁷. Признавая некоторые заслуги Брюнинга, Л. Шварцшильд считал несостоятельной его стандартную политику затягивания ремня и писал, что в решающем, т. е. экономическом, вопросе он остался «пленником тех, кто именуют себя фюрерами хозяйства»³⁸.

В последние месяцы Веймарской республики издатель-редактор Т окончательно лишился перспективы: в условиях невозможности создания парламентского большинства он, во избежание большего зла, полагал целесообразным дальнейшее существование антиконституционного правительства Папена и без всяких на то оснований высказывал робкую надежду, что когда-нибудь паралич этого, народом избранного, рейхстага кончится³⁹.

Сравнительная характеристика и оценка

Коммерческие конкуренты — ВВ и Т в веймарские годы очень напоминали друг друга. Одинаковыми были их формат и периодичность, они ненамного отличались по объему и тиражу, издатели обоих — З. Якобсон, Ст. Гроссман и Л. Шварцшильд были одновременно редакторами и активными сотрудниками, журналы имели много общих авторов, оба были рассчитаны преимущественно на квалифицированного читателя из прогрессивной индивидуалистической интеллигенции, подчас говорили с ним вычурным персонифицированным языком. Оба журнала были настроены оппозиционно, критиковали реакционные силы и стороны развития Веймарской республики, являлись решительными противниками милитаризма и фашизма. Оба приводили мало фактического и информационного материала, предпочитая рассуждать

³⁶ Schwarzschild L. Wahlerpistel 1//Tagebuch. 1930. 23. Aug.

³⁷ Schwarzschild L. Nach einem halben Jahr//Tagebuch. 1931. 14. März.

³⁸ Ibid.

³⁹ Schwarzschild L. Was wollen wir?//Tagebuch. 1932. 19. Nov.

и анализировать. Отрицая старое и гнилое, их авторы, не пришедшие к революционному рабочему классу, не имели перспективы. Журналы на объективистский лад вели длинные дискуссии с учетом мнений противника. Они были пацифистскими и не делали никакого различия между справедливыми и несправедливыми войнами. Им были присущи элементы скептицизма в оценке политической зрелости народа. Критические и скептические настроения без убедительной и понятной массам положительной программы, а также другие особенности и недостатки сужали читательскую аудиторию и эффективность воздействия на общественное мнение.

Между ВВ и Т имелись и различия, которые заключались главным образом не в том, что ВВ выходил в красной, а Т в зеленой обложке: ВВ был левее, отличался более наступательным критико-оппозиционным духом, Т больше внимания уделял искусству и науке. Имевшиеся уже в веймарское время политические нюансы привели к разным позициям этих антифашистских журналов после установления гитлеровской диктатуры. В эмиграции «Ди нойе вельтбюне» вскоре под руководством Г. Будзиславского стал на близкие к коммунистическим позиции, а «Дас нойе тагебух» под руководством Л. Шварцшильда велся в антисоветском духе. Не случайно у Т не оказалось будущего, в то время как ВВ стал выходить в Восточной Германии и затем в ГДР под руководством видвы Карла фон Осецкого — Мод Осецкой и Германа Будзиславского.

В качестве исторических источников еженедельные журналы ВВ и Т имеют ряд положительных сторон. Выходившие регулярно (единственная лакуна — во время капповского путча), они содержат хотя и не информационные, но глубоко аналитические, с прогрессивных позиций написанные материалы о всех сколько-нибудь значительных событиях веймарского времени. Занимая видное место в общественно-политической жизни республики на левом фланге ее партийного спектра, но не являясь органами КПГ и СДПГ, журналы вели мужественную борьбу за единые действия пролетариата против фашизма и других реакционных сил. Несмотря на ограниченность тиражей, силой своей аргументации они способствовали полевению веймарской интеллигенции и оказали некоторое влияние на рабочий класс; идеи, зароненные журналами в германскую почву, дали всходы, хотя из-за установления фашистской диктатуры это нередко случалось много лет спустя.

Сатирический еженедельник Д был основан в 1919 г. Гансом Райманом — популярным журналистом, критиком, пародистом, часто печатавшимся в известных изданиях «Симплициссимус» и «Югенд». В 1921 г. его сменил на посту издателя-редактора Ганс Бауэр, который придал журналу политическую направленность и возглавлял его до последнего номера, напечатанного 7 апреля 1925 г. Д выходил по вторникам в пригороде Лейпцига в собственном издательстве, распространялся по подписке и в розницу.

Публиковавшиеся в журнале сатирики и юмористы представляли собой единого авторского коллектива, стоявшего на одинаковых позициях. Они писали не только для Д, но и для других изданий. Стремясь укрепить контакты между авторами, редакция основала «Драхенклуб». В заседаниях клуба, происходивших в небольшом ресторане в центре Лейпцига, участвовали не только лейпцигские писатели и поэты, но и приезжавшие из Берлина. В Д начинали свою деятельность некоторые известные впоследствии литераторы: среди них выдающиеся сатирики немецкого рабочего класса Эрих Вайнерт и Фриц Хампель, а также Бруно Апиц, Франц Лешницер, Бруно Фрей, Петер Альфонс Штейнингер, которые способствовали занятию журналом левых позиций; здесь сотрудничали и прогрессивные буржуазные авторы — Эрих Кестнер, Йозеф Рот и др. Иллюстрировал журнал художник М. Швимлер, отдельные рисунки принадлежали В. Мерингу и Ф. Хампелю. Хозяйственную и финансовую сторону дела обеспечивал В. Энгель.

Определенные контакты Д имел с «Ди вельтбюне», многие сотрудники которого писали и для Д. На страницах неоднократно выступали Герлах, Осецкий, Якобсон, им постоянно интересовался Тухольский. Э. Э. Киш не публиковался в Д, но посещал редакцию журнала и был ей близок. Особенно тесные контакты Д имел с редактором отдела фельетона и театральным критиком леводемократической газеты «Нойе лейпцигер цейтунг» Г. Натонеком.

---

⁴⁰ Этот раздел статьи написан на базе антологии: *Damals in zwanziger Jahren: Ein Streifzug durch die satirische Wochenzeitschrift „Der Drache“*. Berlin, 1968. Антология включает лучшие материалы журнала, вводную статью с элементами воспоминаний его издателя — редактора Г. Бауэра и некоторые справочные сведения.

После установления фашистской диктатуры многие сотрудники Д эмигрировали (Э. Готтгрей, Г. Натонек, И. Рот, Б. Фрей и др.), другие были брошены в концлагеря и тюрьмы (Б. Апиц, Ф. Хампель, В. Энгель), некоторые прекратили писать, немногие включились в нелегальную работу (Г. Бауэр, Р. Леман), но никто не пошел на службу нацизму.

Сначала мало интересовавшийся политикой, но с 1921 г. все больше внимания уделявшей актуальным политическим вопросам, Д (как и «Ди Вельтбюне» и «Дас тагебух») не являлся органом какой-либо партии. Однако это был явно радикально-демократический журнал, позиции которого находились левее СДПГ. Его сатирические стрелы были направлены против реакционных или непоследовательных прогрессивных сил. Несмотря на известные различия в политических взглядах печатавшихся в нем авторов, редакция неизменно исходила из того, что «враг находится справа»⁴¹. Бичуя монархо-фашистскую реакцию, Д подвергал критике и СДПГ.

Сотрудники Д часто проявляли недовольство скромными и половинчатыми результатами Ноябрьской революции, живучестью в республике монархистов и их засилием в государственном аппарате, особенно в судах и вооруженных силах. И. Рот рассказывает, что в здании рейхстага и через несколько лет после провозглашения Веймарской республики сохранялись так называемые «высочайшие покои» — комнаты Вильгельма, обставленные мебелью с его монограммами, и «высочайший клозет», которыми кайзер никогда не пользовался. Как пишет Рот, «злые языки из числа знатоков закулисной жизни парламента считают, что немецкие националисты и до сего времени глубочайше скорбят по поводу того, что кайзер Вильгельм никогда близко не соприкасался своим величием с этим местом в рейхстаге. Иначе все шло бы сейчас по-другому. Впрочем, стулья и клозет и сегодня не используются. Так проявляется преклонение народа. Каждая нация на свой манер почитает монархов»⁴².

Выступив против монархического капповского путча, журнал проинформировал своих читателей, что ни один из принимавших в нем участие 775 офицеров не был осужден, в то время как из 49 членов Баварского советского правительства

⁴¹ Ibid. S. 5.

⁴² Ibid. S. 131.

1 был расстрелян, 2 забиты насмерть, 46 осуждены к лишению свободы общим сроком на 146 лет и 4 месяца⁴³.

Д направлял сатирические атаки против реваншистов из Народной и других правых партий, выступавших под лозунгом «Проснись, Германия!» за переосмотр итогов первой мировой войны и Ноябрьской революции. 29 апреля 1924 г. вышел специальный выпуск Д под колким и недвусмысленным названием-отповедью, которое было более чем понятно современникам: «Уймись, Германия!»⁴⁴. Даже ключевые слова кроссвордов, которые обычно составлял для Д Р. Леман (псевдоним Леандер), высмеивали и разоблачали милитаризм и реваншизм.

По мере усиления нацистов журнал все более остро выступал против их идейных доктрин и политической практики. Так, в сатирическом рассказе Б. Фрея «Народная наука» высмеиваются потуги иных лжеученых доказать превосходство германской расы над другими. Рассматривая тезис одного из них, будто древние германцы имели высокоразвитое общество и науку, колонии в Африке, Азии и Америке, флот и прочие атрибуты государственности уже в те времена, когда другие народы и расы даже не существовали, Фрей замечает, что автор этих бредней без сомнения созрел для помещения в психиатрическую лечебницу, но все же в них нет ничего удивительного, так как они — закономерное следствие основных положений национал-социализма⁴⁵. В небольших, но насыщенных едкой сатирой зарисовках повседневных мелочей из берлинской жизни, с которыми часто выступал на страницах журнала И. Рот, явственно просматривались сгущавшиеся над Германией тучи: он был одним из первых, кто еще за десятилетие до установления фашистской диктатуры в специфической форме пророчески обращал внимание на опасность фашизма.

Частой мишенью журнала являлись социал-демократы. Перу коммуниста Хампеля принадлежит опубликованный в Д пародийный «Марш социал-демократов». В семи строфах этого наполненного гругчей сатирой стихотворения критикуется политика СДПГ начиная с 1914 г. Рефрен после каждой строфы звучит: «Всегда медленно вперед, только медленно вперед»⁴⁶. Острой критике постоянно подвергался пре-

⁴³ Ibid. S. 10.

⁴⁴ Ibid. S. 12.

⁴⁵ Ibid. S. 126—127.

⁴⁶ Ibid. S. 87.

зидент Фридрих Эберт в своем выступлении вынужден был признать, что правительство не в состоянии действовать. Эберт был избран президентом с довольно малым большинством голосов, меренно ставшим перед ним задачей проведения более массированной политики. В 1918 году рейхсвер Густава Носке был разбит в результате выступления уланов К. Дитриха.

Постоянной мишенью для сатиры в журнале распространялись различные политические «Лейпцигер войска» и «Лейпцигер войска» сатиры для Д. Была также сатира на Г. Гельфандо, резко высмеивая сатирические произведения, появившиеся в первой половине 1918 года. В 1918 году вергались специфическому, а также и к другим явлениям социально-экономической жизни, к спекуляциям, нумеризации и т. д.

Отличительными чертами творчества в журнале являются материалы в Д. Была характерна для творчества, умело использованная форма, при этом использовалась форма стихотворной формы. С учетом места издания и преимущественного распространения журнала в это время сатирических материалов широко использовался хангольский диалект как средство резкой характеристики персонажей.

Использование Д историческим затрудняется рядом обстоятельств. В журнале излагаются не столько факты, сколько сатира по их поводу. Эти факты предстоит сначала реконструировать и затем установить их достоверность по другим источникам. Без знания истории, быта и нравов прошлого современному читателю, как правило, трудно понять, над чем смеялись предшествующие поколения, в чем смысл содержащихся в журнале сатирических выпадов и намеков на обстоятельства, известные немцу того времени. Затрудняет понимание Д распространенность в нем диалекта и стихотворной формы. При использовании Д следует учитывать приобретение им политического характера лишь с 1921 г.

Несмотря на сложность использования и относительную источниковую ценность, Д помогает исследователю лучше понять общественно-политическую атмосферу первой половины Веймарской республики, вклад прогрессивных сил страны в борьбу против еще распространенных в те годы монархических идей и против милитаризма, реваншизма, фашизма. Д также дает возможность познакомиться с творчеством

вом ряда незаслуженно забытых немецких литераторов (В. Бок, Г. Виганд, В. Гейдрих и др.).

Н. В. ИСАЕВА
(Ивановский университет)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ГЕРМАНИИ (1919—1933 гг.)

Общеизвестен повышенный интерес исследователей к истории молодежного движения в последние полтора десятилетия. В Советском Союзе только в 70-е годы защищено 315 кандидатских и докторских диссертаций по молодежной тематике¹. Однако на состоявшемся в 1978 г. симпозиуме, посвященном вопросам источниковедения международного молодежного движения, отмечалось: «Одним из недостатков ряда советских работ по проблемам молодежи является их узкая источниковая база, что предопределяет ограниченность рассматриваемого круга вопросов»². До сих пор мало изучена в советской историографии деятельность Коммунистического союза молодежи Германии — одной из ведущих секций Коммунистического Интернационала Молодежи — в 1919—1933 гг. Очевидно, это объясняется и неразработанностью источниковой базы истории КСМГ: ни в СССР, ни за рубежом нет исследований по данной теме.

В настоящей статье автор попытается дать хотя бы краткий анализ опубликованных источников по истории германского комсомола: документов Коммунистического Интернационала, КИМа, Компартии Германии и КСМГ, центрального органа КСМГ — газеты «Юнге Гарде», мемуаров и произведений деятелей КИМа и КСМГ, опубликованных в 20-х — начале 30-х гг.

¹ Вознесенская Л. О., Найко Г. Д. Указатель диссертаций по проблемам международного молодежного движения, интернациональных связей ВЛКСМ и советской молодежи. М., 1980. С. 3.

² Проблемы источниковедения международного молодежного движения: (Материалы симпозиума). М., 1979. С. 18.

Документы Коминтерна, КИМа, КПГ, КСМГ

Поскольку Коминтерн и КИМ определяли генеральную линию развития международного молодежного движения, разрабатывали основные вопросы стратегии и тактики коммунистических союзов молодежи, обратимся прежде всего к документам этих организаций. Специальных сборников документов коммунистических интернационалов о КСМГ нет. Такие материалы — целиком, в выдержках или только в пересказе — опубликованы в сборниках, посвященных более широкому кругу вопросов, а также в периодике и произведениях, чаще всего брошюрах, руководителей и видных деятелей Коминтерна и КИМа в 1919—1933 гг., в текстах позднейших исследований или в приложениях к ним.

Можно выделить три периода в публикации источников: первый связан с годами деятельности коммунистических интернационалов (1919—1943), когда было издано наибольшее количество документов; второй, охватывающий 40-е—начало 60-х годов, отмечен почти полным отсутствием публикаций; третий период, примерно с середины 60-х гг. до наших дней, характеризуется довольно интенсивным изданием материалов Коминтерна и КИМа.

Публикация документов интернационалов в период их деятельности осуществлялась, как правило, в течение первого года после очередного конгресса или пленума. Они выходили главным образом на русском и немецком языках (последний являлся общепринятым рабочим языком в Коминтерне и КИМе) в партийном и государственном издательствах в Москве и Ленинграде, а также в издательствах «Коммунистический Интернационал», «Интернационал Молодежи» и «Молодая гвардия». За границей публикацией документов занимались в основном издательства Коминтерна и КИМа в Германии (Берлин) и Австрии (Вена). В настоящее время большую работу по их сбору и подготовке к печати проводит Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В документах Коминтерна и КИМа содержатся некоторые сведения о конституировании и первых годах истории КСМГ. В них приводятся оценки революционной и интернациональной деятельности германского комсомола, данные Коминтерном и КИМом. Лучше, нежели другие проблемы, освещен в документах сложный процесс преодоления в комсомоле идеологии политического авангардизма. Для понимания этих вопросов важны документы III конгресса Коминтерна и ре-

золюция II конгресса КИМа о взаимоотношениях между коммунистическими партиями и союзами молодежи³, а также письмо Исполкома КИМа к VI съезду КСМГ от 1 сентября 1921 г.⁴ В результате проделанной ИККИМ большой разъяснительной работы VI съезд КСМГ (10—12 сентября 1921 г.) принял резолюцию, в которой признавалось политическое руководство Компартии Германии, подчинение ее программе и политическим директивам при сохранении организационной самостоятельности комсомола.

Документы Коминтерна и КИМа содержат значительный материал о деятельности КСМГ по созданию фабрично-заводских ячеек. (Как известно, в Западной Европе традиционной была организация по месту жительства, т. е. по территориальному принципу). Большое значение для понимания сути реорганизации КСМ на производственной основе имеют решения III конгресса КИМа⁵. Для изучения деятельности германского комсомола в этом направлении важны данные о VII съезде КСМГ (апрель 1923 г.), получившем название «съезда реорганизации», на котором было принято решение «перейти к планоному строительству ячеек»⁶. Данные о практической работе КСМГ по созданию ячеек на заводах и фабриках крайне скудны. Этот недостаток отчасти восполняется сведениями о численности производственных ячеек и комсомола Германии в целом в разные годы Веймарской республики (см. таблицу).

Таблица

Годы и месяцы	Численность ячеек	Кол-во членов КСМГ, тыс. чел.
1923, сентябрь	382	60
октябрь	500	75
1924	н. св.	24,7
1925	н. св.	18,03
1926	н. св.	19,01
1927	н. св.	18,768
1930	230	н. св.
1931	н. св.	37,5
1932, январь	н. св.	53,9
май	538	н. св.
июнь	н. св.	58

³ Коминтерн, КИМ и молодежное движение: Сб. документов: В 2 т. М., 1977. С. 85—90, 91—94.

⁴ Интернационал молодежи. 1921. № 1/3. С. 51—52.

⁵ Коминтерн, КИМ и молодежное движение. Т. 1. С. 168—172.

⁶ Интернационал молодежи. Декабрь 1923 — январь 1924. № 2. С. 1

Кроме того, исследователи Коминтерна и КИМА, в частности, в германском комсомоле, не выделяют специально период — 1919—1929 гг. — как период, особенно важный в создании организационной структуры комсомола в 1929 г. — ставя в приоритетный ряд исследований 1933 (январь) — январь 1934 гг. (документы Коминтерна и КИМА).

В документах Коминтерна и КИМА отражено экономическое положение Германии в период 1919—1929 гг. и роль комсомола в Веймарской Германии, а также деятельность комсомола в 1921 г., а также деятельность комсомола в 1926—1927 гг. конференция комсомола, лодки и мари, мероприятия и т. д. (документы Коминтерна и КИМА), профсоюзных активистов (документы Коминтерна и КИМА), дельные курсы).

Коммунистический союз молодежи Германии (КСМГ) — членом Коминтерна и КИМА, это — наиболее представительная деятельность КСМГ — организационно-коммунистическая деятельность групп в веймарской Германии. Так, источники сообщают, что впервые вопрос о создании детских групп при комсомоле был поднят на III Общегерманской конференции КСМГ в октябре 1919 г. «В начале 1922 г. сеть детских групп при КСМГ охватила уже 30 тыс. пролетарских детей».

Таким образом, документы Коминтерна и КИМА дают известное представление о деятельности аспектах деятельности германского комсомола в 20-е — начале 30-х гг. Однако в истории КСМГ отражены и не достаточно. Преобладают в основном материалы о наиболее крупных акциях КСМГ, а также о деятельности Коминтерном и КИМом, и почти не содержится сведений о многогранной повседневной работе комсомола.

Очевидно, что при изучении истории КСМГ, как и любой другой общественной организации как партии, следует прилекать документы, связанные с ее деятельностью. Поскольку комсомол подчинялся партийному руководству Компартии, необходимо также использовать документы КПД.

¹ Jugendbewegungen, 1919, S. 10, 11, 12.

² Интернационал молодежи, 1922, № 3, 5, 6, 10.

прежде всего тех из них, которые касались проблем молодежного движения.

Основная масса документов КПГ и КСМГ опубликована в годы Веймарской республики по решению центральных комитетов этих организаций в их собственных издательствах, а также позднее в ГДР, где большую работу по подготовке и публикации документов немецкого коммунистического и рабочего движения проводит Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Некоторая часть документов издана в Западной Германии Институтом марксистских исследований во Франкфурте-на-Майне.

Отдельными книгами опубликованы протоколы всех 12 съездов КПГ, а также некоторых партийных конференций. Издание протоколов съездов КСМГ в Веймарской республике и позднее не практиковались. Опубликованы сборники тезисов, решений, постановлений съездов КПГ и VI, IX и XI съездов КСМГ. Значительная часть документов КСМГ, особенно в первые годы деятельности, помещалась в комсомольской прессе: центральном органе КСМГ газете «Юнге Гарде» и теоретическом журнале «Ди Арбейт».

Исследователями ГДР подготовлен ряд тематических сборников, освещающих важнейшие аспекты деятельности Компартии и комсомола Германии. Среди них — сборник документов, оразивший развитие марксистско-ленинской политики в решении проблем молодежного движения Германии с начала его возникновения и до современности⁹. Опубликованы также сборники документов и материалов о борьбе Компартии и комсомола Германии за единый антифашистский фронт, о деятельности видных представителей немецкого коммунистического движения К. Либкнехта, Э. Тельмана, В. Пика, В. Ульбрихта, К. Цеткин, Э. Хонеккера, об интернациональных связях КСМГ и ВЛКСМ, о становлении и развитии пионерского движения. Западногерманские историки-марксисты при участии коллег из ГДР подготовили интересный сборник, включающий немало документов из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК СЕПГ¹⁰.

Документы КПГ являются важнейшим источником при изучении проблем партийного руководства комсомолом в го-

⁹ Folgt ihrer Fahne: Dokumente marxistisch-leninistischer Jugendpolitik. Berlin, 1971.

¹⁰ Aus der Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung, 1904—1945: Dokumente und Materialien. Frankfurt a. M., 1975.

ды Веймарской республики, роли Э. Тельмана и других руководителей КПГ в реализации ленинских принципов работы партии с молодежью, участия КСМГ во внутривнутрипартийной жизни. Обширный материал по вопросам работы партии с молодежью содержится в документах и материалах XI съезда КПГ (1927 г.)¹¹, в повестку дня которого впервые был включен пункт «Партия и молодежь». Документы КПГ и КСМГ содержат ценные данные о времени, месте и работе всех одиннадцати комсомольских съездов, а также о деятельности центрального руководства. Это позволяет проследить динамику принимавшихся комсомолом решений, определить, какие проблемы волновали КСМГ в разные годы Веймарской республики.

В документах КПГ и КСМГ приводятся обильные материалы об экономической борьбе и профсоюзной работе комсомола. обстоятельный и самокритичный анализ этой стороны деятельности КСМГ содержится в документах XII съезда КПГ и XI съезда комсомола (1929 г.). В этих источниках хорошо отражена также деятельность германского комсомола по созданию производственных ячеек. Начиная с VII съезда КСМГ, принявшего решение о проведении реорганизации по производственному принципу, сведения об этом содержатся в документах всех съездов и общегерманских конференций КСМГ, а также многих пленумов ЦК комсомола, поскольку с переходом на новую структуру, при которой в основе организации находится производственная ячейка, связывались успешное проведение экономической борьбы, увеличение рядов КСМГ и рост его влияния в массах трудящейся молодежи. Подробно этот вопрос рассматривается в документах IX, X и XI съездов комсомола, первой общегерманской оргконференции КСМГ, состоявшейся 21 января 1928 г. в Берлине. Они содержат сведения о численности ячеек в разные годы, об успехах и недостатках ячейковой работы, о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться при проведении реорганизации. Последние наиболее обстоятельно проанализированы в подготовленном к XI съезду сообщении комиссии, обнародованной накануне работы Берлинской организации КСМГ¹². Комиссия особо остановилась на причинах большой

¹¹ Bericht über die Verhandlungen des XI. Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands, Essen, vom 2. bis 7. März 1927. Berlin, 1927.

¹² Bericht der Berliner Untersuchungskommission des KJVD: Material zum XI. Verbandskongress des KJVD vom 26. bis 29. September 1929 in Berlin. Berlin, 1929. S. 15—20, 30, 35, 50.

нестабильности ячеек, которая определялась отсутствием у комсомольцев опыта ячейковой работы, тесной связи этих низовых организаций с районным руководством, неумением наладить интересную жизнь, преследованиями со стороны предпринимателей.

В условиях раскола рабочего класса Германии важнейшей задачей КСМГ являлась борьба за объединение трудящейся молодежи, принадлежавшей к различным организациям, в единый пролетарский фронт. Проблема создания единого фронта фигурирует во всех документах КСМГ с 1921 по 1933 г. Она обсуждалась практически на всех съездах комсомола, проходивших в эти годы, причем были приняты соответствующие решения. Кроме того, существует немало обращений, открытых писем ЦК КСМГ, призывавших молодежь к единству действий в борьбе за свои права, против капитала, войны и реакции. Эти источники дают возможность проследить, каким образом строились взаимоотношения коммунистической молодежи с другими рабочими юношескими союзами в разные годы Веймарской республики, как изменялся подход КСМГ к проведению тактики единого фронта. Если в первой половине 20-х годов комсомол акцентировал внимание на объединении молодых пролетариев для проведения массовых акций борьбы за экономические и политические требования, обращая при этом как к членам юношеских организаций, так и к их руководству, то со второй половины 20-х годов упор был сделан на работу внутри молодежных союзов (социал-демократических, профессиональных, спортивных, культурных) с целью усиления в них оппозиции и привлечения ее на свою сторону. Лучшему усвоению этих проблем способствуют документы общегерманской конференции КСМГ, состоявшейся 23—24 мая 1925 г. в Магдебурге, июльского (1925 г.) пленума ЦК КСМГ, IX и X съездов комсомола. Важны имеющиеся в документах самооценки борьбы союза за единство действий пролетарской молодежи. Этот вопрос рассматривался в связи со всей деятельностью комсомола: политической, экономической, организационной. В целом работа КСМГ среди молодежи других организаций была признана недостаточной¹³.

¹³ См. напр.: Der Kampf um die Mehrheit der Arbeiterjugend, Beschlüsse des XI. Verbandskongresses des KJVD. Berlin, 1929. S. 13.

Для глубокого понимания и верной оценки деятельности КСМГ в этой области большое значение имеют документально проанализированного пленума Исполкома КИМа, специально посвященной молодежи. В принятой им резолюции «О задачах XII пленума ИККИ и задачах секции КИМа в борьбе за массы трудящейся молодежи», в частности, говорится, что КСМГ, долгое время имели место игнорирование и систематическая недооценка «борьбы за массы трудящейся молодежи, находящейся в симовских, реформистских, фашистских, христианских, милитаристских и т. п. (так в источнике. — Н. И.) организациях»¹⁴.

В документах КСМГ отражена антифашистская деятельность комсомола в разные годы Веймарской республики. Важны в источниках сведения о борьбе местных комсомольских организаций с фашизмом. Наиболее обстоятельно освещается в них антифашистская работа коммунистов и комсомольцев Саара в начале 30-х гг.¹⁵

Рассматриваемые источники содержат обширный материал о коммунистическом детском движении в Веймарской республике. Они позволяют проследить основные моменты его формирования, цели и задачи, систему подготовки пионерских руководителей и активистов, численность детского союза, получившего название Юнг-Спартакус-Бунд.

Большой интерес представляют имеющиеся в документах компартии и комсомола редкие данные о развитии коммунистического студенческого движения в Веймарской республике. Эти источники главным образом дают представление о программе борьбы студентов-коммунистов в вузах Германии. Их требования подробно изложены в «Воззвании» общегерманской конференции, состоявшейся 15—17 ноября 1925 г. в Берлине¹⁶, а также в «Программе высшей школы», разработанной КПГ на очередной общегерманской конференции студентов-коммунистов 5—6 июля 1927 г.¹⁷ Они включают принятие устава высшей школы, предусматривающего авто-

¹⁴ Коминтерн, КИМ и молодежное движение. Т. 1. С. 428.

¹⁵ Kampf um die Einheitsfront: Dokumente zum 60. Jahrestag der Gründung der Kommunistischen Partei Deutschlands, Berlin, 1978.

¹⁶ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. VIII. Berlin, 1975. S. 265—267.

¹⁷ Aus der Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. S. 112—116.

помню университетов, удаление из них преподавателей, проповедующих монархизм и фашизм, и другие меры, направленные на демократизацию высшей школы.

В документах КПГ и КСМГ приводятся некоторые данные о численности и социальном составе комсомола. Чаще они встречаются в источниках второй половины 20-х годов, главным образом в отчетах окружных организаций КСМГ. Это было связано с попытками разобраться в причинах большой нестабильности комсомольских рядов в те годы.

Документы называют целый ряд моментов, порождавших нестабильность организаций КСМГ: переход части комсомольцев на партийную работу, слабая связь комсомольских групп и ячеек с районным руководством, неумение заинтересовать молодежь конкретными делами, внутрисоюзные разногласия, неудовлетворительный социальный состав КСМГ, большинство которого составляла безработная или работающая на мелких предприятиях молодежь. Так, по сообщениям округа Вассерканте, с 31 октября 1926 г. по 31 марта 1927 г. в организацию было принято 450 человек. Из них 70% трудились на предприятиях с числом рабочих до 20 человек и только 4,8% были заняты в крупном производстве¹⁸.

Среди документов КСМГ для нас важны программы и уставы комсомола, в которых называются основные цели и задачи союза, его политические и организационные принципы. Наиболее четко и ясно они изложены в программе, принятой V съездом КСМГ (декабрь 1920 г.)¹⁹, и в уставе, принятом IX съездом комсомола осенью 1925 г.²⁰

Документы КСМГ веймарского периода содержат сведения о его агитационно-пропагандистской и просветительной работе, направленной как на вовлечение молодежи в коммунистический союз, так и на повышение политического и общеобразовательного уровня членов КСМГ. В источниках приводится немало данных об активной интернациональной деятельности КСМГ, прежде всего о связях между германским и российским коммунистическими союзами молодежи.

Таким образом, в документах КПГ и КСМГ в той или иной мере содержатся сведения практически по всем основ-

¹⁸ Der junge Bolschewik. 1927. Nr. 10. S. 22—23.

¹⁹ Junge Garde. 1930. 12. Jan. Nr. 13.

²⁰ Wir sind die erste Reihe: Bericht vom 9. Verbandskongress des KJVD. Berlin, 1925. S. 88—93.

ным аспектам деятельности германского комсомола: политическому, экономическому, организационному. Ценно, что эти источники позволяют изучить многие проблемы в развитии, в том числе такие важнейшие, как взаимоотношения комсомола и Компартии Германии в годы Веймарской республики, борьба за создание единого фронта трудящейся молодежи, антифашистская деятельность КСМГ. Однако следует учитывать, что приводимые сведения в основном имеют директивный или оценочный характер, поскольку содержатся главным образом в резолюциях, решениях, тезисах, воззваниях, письмах, обращениях, принятых на партийных и комсомольских съездах а также в выступлениях делегатов, отчетах местных организаций. Это обусловило отсутствие в рассматриваемых источниках достаточных сведений о повседневной работе комсомола в Веймарской республике.

Газета «Юнге Гарде»

История КСМГ неразрывно связана с историей его центрального органа — газеты «Юнге Гарде» (ЮГ), родившейся вместе с комсомолом в дни Ноябрьской революции и разделившей с ним все испытания трудных лет Веймарской республики. Для исследования деятельности КСМГ привлечение материалов ЮГ представляется весьма полезным.

Газета начала издаваться 27 ноября 1918 г. по решению Берлинской конференции КСМГ (октябрь 1918 г.). В 1918—1919 гг. ЮГ выходила еженедельно на 16 полосах форматом 22×29 см, затем один раз в две недели на четырех полосах форматом 30×45 см. В сентябре 1929 г. удалось вновь организовать еженедельный выпуск ЮГ, а с февраля 1931 г. — дважды в неделю. Тираж газеты колебался в разные годы от 18 до 50 тыс. экземпляров. Подобно коммунистическим газетам Веймарской республики ЮГ с самого начала своего существования испытывала трудности роста (отсутствие прочной материальной базы и недостаток журналистских кадров) и трудности, вытекавшие из преследований и репрессий, не прекращавшихся в течение всех веймарских лет.

Газета выходила в Берлине. По воспоминаниям бывшего редактора ЮГ Ф. Рубенс, в первые месяцы своей деятельности редакционный штаб газеты состоял из одного сотрудника, «который был ответствен и за политическое содержание,

и за литературную форму, и за издание»²¹. Со временем создаются отделы: политический (первый редактор — Ганс Мейер), экономический (редактор Лео Флиг — основатель издательства «Юнге Гарде»), организационный (редактор Фриц Глобиг), культуры и спорта. Удалось установить имена некоторых главных редакторов ЮГ, как правило, не называвшиеся. Первым редактором ЮГ была Маргот Остлер, член КПГ. В разные годы комсомольскую газету возглавляли также Франциска Рубенс (Бергман), впоследствии известная общественная деятельница ГДР; Ойген Шэнхаар (1898—1934), член ЦК КСМГ и работник Исполкома КИМа; Пауль Фернер, ныне член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ; Рудольф Шварц, Фриц Книттель и другие коммунисты. Вследствие неразвитости юнкоровского движения, отсутствия собственных и специальных корреспондентов членам редакции зачастую приходилось самим писать статьи, пользуясь при этом случайной информацией — нерегулярно присылаемыми сообщениями местных организаций, беседами с приезжающими из провинции лицами и берлинскими комсомольцами, известиями, услышанными по советскому радио, а также материалами информационного журнала-буллетеня КИМа «Интернационале Югендкорреспондентц». В течение веймарских лет совершенствовались источники информации, улучшалось оформление, шире использовались многообразные газетные жанры, в частности, в 1931 г. была введена постоянная страница «фельетона» (культуры).

Построчный анализ содержания (за представляющиеся репрезентативными два месяца 1922 г.) показал, что круг и объем материалов ЮГ специфичны: она почти не освещала события внешней политики; более 47% ее объема составляли теоретические и обзорные статьи, художественные произведения, объявления и др., и в то же время почти 38% — материалы зарубежного и германского молодежного движения, около 15% — экономического положения трудящейся молодежи страны. Именно два последних аспекта наиболее важны для исследователя истории германского комсомола.

ЮГ за первые годы отразила сложный процесс становления КСМГ, осознания им места и роли революционной молодежи в коммунистическом и рабочем движении. В частности, в 1919—1920 гг. в газете содержится обширный материал о

²¹ Ruben's F. 'Erinnerungen aus 1919—1923//Deutschlands Jung Gardé. Bd. 1. Berlin, 1959. S. 163.

разгоревшихся в КСМГ спорах о взаимоотношениях между компартией и союзом молодежи. обстоятельно представлена в газете дискуссия, начавшаяся сразу после образования КПГ на Учредительном съезде 30 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г.²²

Ценны имеющиеся в ЮГ сведения о численности организаций КСМГ в различных районах Германии. Так, в 1922 г. в Саарской области было 26 комсомольских групп с 800 членами²³, в Восточной Саксонии соответственно 22 и 400, в округе Рейнланд-Вестфален-Норд — 79 и 2750²⁴. Более обстоятельны сведения об этом в газете в начале 20-х, а также в начале 30-х годов, когда наблюдался значительный рост КСМГ. В 1924—1929 гг. подобные материалы встречаются редко. В газете содержатся некоторые данные и о численности всего германского комсомола в разные годы. Однако, отражая общую тенденцию развития КСМГ, ЮГ не дает полной картины этого развития. В ней, в частности, нет сведений об имевшей место, особенно в середине и второй половине 20-х годов, текучести членского состава КСМГ, о чем известно из других источников.

По материалам ЮГ можно составить известное представление о формах и методах вербовки новых членов КСМГ. Вовлечение трудящейся молодежи в ряды германского комсомола проходило прежде всего путем проведения специальных вербовочных акций, которые приурочивались к какой-нибудь знаменательной дате: дню памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург, 1 Мая, Международному юношескому дню, Всегерманским встречам молодежи. Вербовка проходила также на открытых комсомольских собраниях, в личных беседах при подписке на ЮГ.

Ценен в ЮГ материал о политической и экономической борьбе КСМГ. Подробно рассказывается об участии комсомола в предвыборных кампаниях 1924, 1928 и 1930 г. На выборах 1928 и 1930 г. КСМГ выдвинул своих кандидатов К. Бленкле и А. Беккера, которые стали депутатами рейхстага. Немало сведений содержится в ЮГ о деятельности комсомола по защите интересов молодых рабочих, в частности о подготовке и проведении общегерманских конгрессов трудя-

²² Junge Garde. 1919. Jan.—Febr. Nr. 12—17.

²³ Ibid. 1919. 1. Febr. Nr. 16.

²⁴ Ibid. 1922. Juni. Nr. 17/18.

щейся молодежи, первый из которых состоялся в декабре 1926 г. в Берлине.

В ЮГ имеется значительный материал о ячеековой работе КСМГ, причем важны не только данные о количестве и численности ячеек в различных районах Германии, но также помещаемые в газете сообщения юнкоров о создании этих организаций на предприятиях и их работе. Однако не за все годы Веймарской республики деятельность комсомола по защите экономических интересов молодых рабочих отражена в ЮГ одинаково. Чаще эти сведения встречаются в конце 20-х — начале 30-х годов, когда КСМГ, выполняя решения V конгресса КИМа (1928 г.), сосредоточил главные усилия на работе на предприятиях.

Важен помещенный в ЮГ материал о борьбе за преодоление сектантских тенденций в КСМГ — как в центральном аппарате, так и на местах. Оценивая деятельность германского комсомола в 1924—1925 гг., IX съезд КСМГ в октябре 1925 г. отмечал, что «союз не только повторял ошибки партии, но в таких областях, как профсоюзная и производственная деятельность, показал еще большую неспособность к проведению большевистской массовой работы, чем сама партия»²⁵.

Небезынтересно проследить по материалам ЮГ ее отношение к социал-демократическому юношескому союзу на протяжении всех веймарских лет. Если в начале 20-х гг., следуя линии КИМа, газета проводила тактику единого фронта с социалистической молодежью, то в середине 20-х гг. позиция ЮГ, как и КСМГ в целом, изменилась. На страницах газеты это проявилось уже в том, что сообщения о Социалистическом союзе рабочей молодежи (ССРМ) печатались под рубрикой «О врагах» наряду с известиями о буржуазных, национал-социалистских и других реакционных юношеских союзах. По мере преодоления сектантских ошибок, в конце 20-х — начале 30-х гг., ЮГ начинает тщательно различать рядовых членов ССРМ и его оппортунистических лидеров, публикуя материалы о совместных акциях комсомольцев и социалистической молодежи.

Для понимания процессов, происходивших в середине — второй половине 20-х гг. в германском молодежном рабочем движении — не только коммунистическом, но и социал-демократическом, — важно выступление Э. Тельмана на XI съезде

---

²⁵ Ibid. 1925. Ende Okt. Nr. 4.

КПГ (март 1927 г.) по вопросу о работе партии
жью. Тельман отметил, что в последнее
ство деятельностью лидеров социал-демократической
значительную часть Социал-демократической партии
привело к сокращению численности партии до
56 тыс. человек. Однако в последнее время
партия не уделяла должного внимания работе
среди молодежи, массовым образом переходя
в коммунистический строй. Он подчеркнул, что
вопросам, как подчеркнул Тельман, «одного мнения».

В ЮГ содержится информация о деятельности
деятельности КСМГ. Она указывает на активную
моща в крупных городах, но в то же время
групп и ячеек в этих районах. В связи с
опасности ЮГ указывает на необходимость
шизмом, рассматривая в этом смысле
сведения об организации и деятельности
водимых в этот период. Он указывает на
вне партии. Он указывает на необходимость
было общепризнанным, что в последнее
стался объектом внимания
вплоть до Мандата. Он указывает на
этом плане. Он указывает на необходимость
Германии и т.д.

В ЮГ содержится информация о деятельности
решения в ЮГ. Он указывает на необходимость
ду германской партии. Он указывает на
интересах. Он указывает на необходимость
переходу. Он указывает на необходимость
во вид ЮГ. Он указывает на необходимость
содержанию. Он указывает на необходимости
этой теме. Он указывает на необходимости
личности. Он указывает на необходимости
лейды. Он указывает на необходимости
на КСМГ. Он указывает на необходимости
Тельман. Он указывает на необходимости
на тему. Он указывает на необходимости

она не лишена недостатков, одним из которых было непоследовательное выполнение газетой своей главной, информационной функции. Не все стороны деятельности КСМГ нашли одинаковое отражение на ее страницах. Мало сведений о работе комсомола в деревне, ничего не говорится об агитации КСМГ среди солдат рейхсвера.

Мемуарная литература

Значительную группу источников по истории германского комсомола в 1919—1933 г. составляют мемуары ветеранов германского коммунистического и рабочего движения. Нам известно свыше 100 мемуарных источников, опубликованных на русском и немецком языках в виде отдельных книг, сборников воспоминаний и в периодике. Авторами мемуаров являются главным образом руководители, функционеры и рядовые члены КСМГ, а также люди, так или иначе соприкасавшиеся с деятельностью комсомола Германии. В числе мемуаристов — видные деятели мирового коммунистического юношеского движения, стоявшие у колыбели КИМа и неоднократно встречавшиеся с В. И. Лениным, — А. Куррела, В. Мюнценберг, Л. Шацкин. Своими воспоминаниями делятся председатели ЦК КСМГ в разные годы Ф. Гроссе и Р. Гюптнер; члены ЦК комсомола, участвовавшие в учредительной конференции КСМГ, Э. Визнер и Г. Кун; видные партийные, государственные и общественные деятели ГДР, начинавшие свою политическую и общественную деятельность в рядах комсомола Веймарской республики, — К. Бартель, Э. Глюкауф, Г. Гофман, Э. Хонеккер и другие; представители коммунистической и комсомольской печати; известная революционерка О. Бенарио; погибший в застенках гестапо герой Сопротивления А. Хесслер, а также ветераны российского комсомола В. Дмитриевский, С. Ростовский (известный советский публицист, выступающий под псевдонимом Эрнст Генри) и К. Селезнев, которые в 20-х гг. работали в аппарате КИМа.

По времени написания мемуары можно разделить на созданные в период Веймарской республики и после второй мировой войны, в частности в ГДР, где значительную работу по собиранию, публикации и использованию воспоминаний ветеранов революционного движения проводят Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ и комиссии по изучению местного рабочего движения при окружках и райкомках

СЕПГ. В результате этой работы в 60-е — начале 80-х гг. в ГДР было опубликовано около сорока отдельных книг и свыше десяти сборников воспоминаний ветеранов Компартии и комсомола Германии.

Цели написания мемуаров различны. Авторы стремятся поделиться опытом революционной борьбы, внести вклад в воспитание подрастающего поколения, помочь историкам в создании источниковой базы, рассказать о личном вкладе в борьбу германского комсомола и т. д.

Наиболее обстоятельно освещены в мемуарах первые годы деятельности КСМГ. Мемуары содержат ценнейшие сведения о вкладе В. И. Ленина в германское молодежное движение, о роли К. Либкнехта и Э. Тельмана в создании и развитии германского комсомола. В них имеются отсутствующие в других источниках материалы о предыстории и обстоятельствах создания КСМГ (Э. Визнер, Э. Шуман), о деятельности КСМГ в нелегальных условиях с ноября 1923 г. по март 1924 г. (Г. Келлер, Г. Клейс), приводятся новые детали об участии комсомольцев в классовых битвах первых лет республики — разгроме Капповского путча 1920 г. (Э. Глюкауф), мартовских событиях 1921 г. в Средней Германии (Э. Визнер, М. Гельц), Гамбургском восстании 1923 г. (Г. Альфред, Г. Мале). В мемуарах Э. Генри, работавшего в 1920 г. в Берлине по командировке ЦК российского комсомола, передана героика тех лет, революционное горение молодых коммунистов, готовность к самопожертвованию ради великой цели — коммунизма²⁹.

Интересны воспоминания ветеранов о роли Коммунистического союза молодежи в их жизни. Так, Э. Румпф пишет: «Он влиял на всю нашу жизнь, на наши интересы, наши заботы, наших друзей и нашу любовь»³⁰.

Особое внимание мемуаристы уделяют агитационно-пропагандистской деятельности КСМГ, так как от ее успехов во многом зависело расширение массовой базы комсомола, привлечение на сторону союза новых членов.

Сложной, по свидетельству мемуаристов, была агитработа в деревне. Не хватало агитаторов, а комсомольцы не мог-

²⁹ Генри Э. Первые шаги: Воспоминания // Новый мир. 1978. № 10. С. 220—223.

³⁰ Deutschlands Junge Garde: Erlebnisse aus der Geschichte der Arbeiterjugendbewegung vom Anfang bis zum Jahre 1945. Berlin, 1959. S. 238—240.

ли использовать такие важные средства пропаганды, как кино, радио, не имели денег, чтобы снять помещение, приобрести транспорт для поездок. По этой причине, вспоминает политуководитель Мангеймской комсомольской организации, впоследствии министр национальной обороны ГДР Г. Гофман, в деревню посылались прежде всего те комсомольцы, у которых был собственный велосипед. Ему как владельцу велосипеда в свое время пришлось немало поколесить по окрестностям Мангейма³¹. Из-за низкого уровня сознательности крестьяне часто не были готовы воспринимать идеи коммунистов, а порой относились к ним прямо враждебно. Работу затрудняло и то обстоятельство, добавляет Г. Гофман, что «на первых порах не существовало никаких четких партийных постановлений и решений, в которых бы содержались ответы на жгучие проблемы трудового крестьянства... Положение в этой области начало меняться к лучшему только летом 1931 г., когда в своем выступлении в Ольденбурге Э. Тельман изложил содержание «Программы оказания помощи крестьянам»³². С усилением фашизма работа в деревне стала не только трудной, но и опасной, поскольку участились случаи нападения нацистов, вооруженных ножами, кастетами и даже огнестрельным оружием, на комсомольские группы.

Важны в мемуарах сведения об антифашистской деятельности КСМГ в различных районах Германии. По воспоминаниям Г. Гофмана интересно проследить, как менялись методы борьбы революционной молодежи с фашизмом. Поначалу, пишет автор, «мы считали, что наибольший урон мы наносили тем, что разгоняли колонны штурмовиков и срывали их сборища. Ведь нередко случалось, что наци провоцировали нас самым подлым образом и затевали с нами драки. Само собой разумеется, мы не упускали возможности отплатить им»³³. Однако со временем, сообщает далее Г. Гофман, «все яснее становилось следующее: одними лишь рукопашными схватками с нацистами не справиться, необходимо было наступление на идеологическом фронте. Прежде всего надо было усилить наше влияние на молодежь»³⁴.

К сожалению, в воспоминаниях Г. Гофмана и большинства мемуаристов почти нет конкретных сведений о работе

³¹ Там же. С. 134.

³² Там же. С. 119—120.

³³ Там же. С. 124.

³⁴ Там же. С. 134.

КСМГ среди членов различных массовых организаций молодежи. Встречаются лишь упоминания о том, что она велась. Между тем, в мемуарах можно найти обстоятельный анализ причин, затруднявших борьбу комсомольцев за привлечение на свою сторону широких масс трудящейся молодежи. О недостатках в формах и методах работы с молодежью пишет Гофман: «Мы были... слишком прямолинейны и не всегда умели сочетать политическую борьбу с организацией развлекательных мероприятий, а ведь это как раз и могло бы привлечь в наши ряды больше новых членов и сторонников»³⁵. Э. Глюкауф вспоминает, что комсомольцам не хватало теоретических знаний, чтобы умело отстаивать свои взгляды и разоблачать фашистскую демагогию³⁶.

В мемуарах называются имена некоторых руководителей и функционеров КСМГ, а также даются их характеристики. Из воспоминаний Р. Лейббранда, члена ЦК КСМГ, узнаем о председателе германского комсомола в 1927—1928 гг. Конраде Бленкле³⁷. Г. Гофман приводит интересные сведения о председателе КСМГ в 1932—1934 гг. Фрице Гроссе и его жене, члене ЦК КСМГ Лее Рихтер³⁸. Немало имен руководителей и функционеров германского комсомола названо в мемуарах Э. Хонеккера, Э. Визнера, В. Зегебрехта и других. Важны в мемуарах сведения о деятельности и руководителях некоторых местных организаций КСМГ. О работе Саарской комсомольской организации вспоминает Э. Хонеккер, входивший в ее руководство³⁹. Работа КСМ Тюрингии освещена К. Бартелем, бывшим в 1927—1928 гг. его секретарем⁴⁰. О комсомольцах Мангейма пишет Г. Гофман.

Таким образом, мемуары, содержат разнообразные и довольно обширные сведения по истории КСМГ. В них практически нет фактических ошибок, поскольку они собирались и выверялись ИМЛ при ЦК СЕПГ и комиссиями по изучению местного рабочего движения при окружках и райко-

³⁵ Там же. С. 130.

³⁶ Glückauf E. Begegnungen und Signale: Erinnerungen eines Revolutionärs. Berlin, 1976. S. 44—45.

³⁷ Leibbrand R. Erinnerungen an Konrad Blenkle // Deutschlands Junge Garde: 50 Jahre Arbeiterjugendbewegung. Berlin, 1954. S. 329—334.

³⁸ Гофман Г. Указ. соч.

³⁹ Хонеккер Э. Из моей жизни / Пер. с нем. М., 1982.

⁴⁰ Bartel K. Rot färbt sich der Morgen: Erinnerungen. Rudolstadt, 1958.

мах СЕПГ. Однако оценки событий, данные сквозь призму позднейших представлений, подчас нивелированы.

Произведения современников — деятелей КИМа и КСМ

Известное место среди источников по истории КСМГ занимают произведения деятелей КИМа и КСМГ, опубликованные в годы Веймарской республики. Среди этих источников преобладают небольшие брошюры, вышедшие в основном на русском языке в сериях «Дела и дни КИМа», «КИМ на баррикадах революции» и других. В них рассказывается об опыте борьбы коммунистических союзов молодежи. Некоторые из этих брошюр специально посвящены германскому комсомолу, в других ему отведена лишь часть содержания, нередко основная, поскольку КСМГ являлся ведущей секцией КИМа в капиталистических странах. Часть брошюр написаны одним автором на основе собранных им самим данных, а также личных впечатлений, однако большинство составлены из материалов, присланных отдельными комсомольцами или комсомольскими организациями в ЦК КСМГ или Исполком КИМа. Среди произведений современников — книги по истории молодежного движения первой трети XX в., вышедшие в 20-х — начале 30-х гг. Их особенностью является сочетание свидетельств участников описываемых событий с исследовательскими элементами.

В отличие от вышедших уже в веймарское время мемуаров — источника наиболее близкого по форме к рассматриваемым произведениям — последние почти не содержат автобиографических сюжетов, не подвергнуты специальной литературной обработке, а зачастую имеют характер сводки, краткой информации о каком-либо событии или факте комсомольской работы. Они были предназначены для более оперативного и широкого использования в текущей работе КСМ, нежели мемуары, даже вышедшие в одно с ними время.

Среди авторов этих источников — видные деятели Коммунистического Интернационала Молодежи В. Мюнценберг, А. Курелла, Р. Шюллер (Шиллер), Р. Хитаров, работники аппарата КИМа М. Горкич, Б. Матлин и другие. О борьбе КСМГ в годы Веймарской республики немало писали старейшие его руководители и рядовые члены Э. Ауэр, Ф. Гроссе, Р. Лейббранд, К. Мюллер, Ф. Рейнгард и другие. Во избежание преследований некоторые авторы, продолжавшие

борьбу в комсомоле, подписывали свои работы псевдонимами.

Произведения создавались в целях обобщения и пропаганды актуального опыта революционной борьбы коммунистических союзов молодежи. Работы руководителей и функционеров КИМа и КСМГ, изданные в веймарское время, дают известный дополнительный материал об образовании Коммунистического союза молодежи Германии из революционных групп рабочего юношеского движения, возникшего в начале XX в., о первых годах деятельности КСМГ, об агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работе комсомола, о создании, деятельности и численности комсомольских ячеек, а также данные о количестве членов КСМГ в разные годы. Ценность произведений в значительной мере определяется возможностью выявить ошибки, имевшие место в КСМГ в момент их написания и исправленные в последующей деятельности комсомола. При этом, однако, необходимо учитывать, что встречающиеся в некоторых источниках пропагандистские преувеличения успехов комсомола, в частности численности КСМГ, а также неверные установки отдельных авторов (например, недооценка развития национал-социалистического движения в брошюре К. Мюллера, являвшегося председателем ЦК КСМГ в конце 20-х — начале 30-х гг.)⁴¹ требуют строго критического подхода.

Далеко не все стороны деятельности КСМГ отражены в произведениях его деятелей и современников. Внимание уделяется прежде всего наиболее актуальным, с точки зрения автора, проблемам комсомольской работы. К тому же сведения отличаются эпизодичностью. Исключение составляет книга Ф. Рейнгарда и Г. Гопфе, в которой предпринята первая попытка целостного изложения истории КСМГ до середины 20-х годов⁴².

Таким образом, анализ опубликованных источников (документов Коминтерна, КИМа, КПГ и КСМГ, газеты «Юнге Гарде», мемуаров и произведений современников КСМГ, работавших в КИМе и КСМ) показал, что в них содержатся обильные, разнообразные и ценные сведения по истории гер-

⁴¹ К. Мюллер разделял в этот период взгляды левооппортунистической группы Неймана-Реммеле (за что в ноябре 1932 г. был снят с поста председателя), для которой была характерна недооценка угрозы фашизма.

⁴² Рейнгард Ф., Гопфе Г. История пролетарского юношеского движения Германии. М.; Л., 1928.

манского комсомола в 1919—1933 г. Однако выяснилось также, что в этих публикациях имеются лакуны, в том числе по таким существенным вопросам, как систематические данные о членском составе комсомола, тиражах его периодики и другим (в условиях острой классовой борьбы в Веймарской республике партийные и комсомольские инстанции старались не предавать гласности ничего, что могло быть использовано политическими противниками). Поэтому необходимо продолжить источниковедческое изучение истории КСМГ путем анализа архивных материалов.

Н. М. НАРЫКОВА

(Ставропольский педагогический институт)

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Крестьянское движение в Германии 1919—1933 гг. представляет собой сложный процесс, в котором наблюдалось, с одной стороны, усиление реакционных тенденций в организациях зажиточных слоев крестьянства и, с другой стороны, стремление угнетенной части крестьянской массы защитить свои интересы путем создания собственных организаций.

К изучению крестьянского движения как части социально-политической истории Веймарской республики обращались ряд советских и немецких авторов¹, в трудах которых иногда содержится обзор использованных источников, однако комплексно в источниковедческом плане эта проблема

---

¹ Германская история в новое и новейшее время. Т. 2. М., 1978; Петрушов А. Аграрные отношения в Германии. М., 1945; Котов Г. Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. М., 1956; Heinks H. Wie uns das Bauernhilfsprogramm der KPD half den nordwestdeutschen Bauernkongreß 1931 vorzubereiten//Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1960. H. 3; Haushofer H. Die deutsche Landwirtschaft im technischen Zeitalter. Stuttgart, 1963; Hörnle E. Zum Bündnis zwischen Arbeitern und Bauern. Berlin, 1972.

еще не исследована², что отрицательно сказывается и на ее конкретно-исторической изученности.

Стремясь положить начало этой работе, автор данной статьи предпринял попытку анализа публикаций Коммунистического Интернационала, Коммунистической партии Германии, Международного крестьянского совета, Международного аграрного института, некоторых левых организаций Германии как источников по истории крестьянского движения в Веймарской республике.

Методологическое значение при изучении указанной темы имеют материалы Коминтерна, который уделял постоянное внимание движению трудящихся крестьян Европы, в том числе Германии. Ряд конгрессов, в частности второй, четвертый и пятый, имели в повестке дня аграрно-крестьянский вопрос. Особенно важны ленинские тезисы по аграрному вопросу, принятые вторым конгрессом. В них охарактеризованы социальная структура деревни в эпоху империализма, расстановка классовых и политических сил, формы и методы достижения союза рабочего класса и крестьянства. В. И. Ленин подчеркивал: «Действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплуататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последних»³. Характеризуя значение тезисов в целом, резолюция расширенного пленума Исполкома Коминтерна (март-апрель 1925 г.) отмечала: «Взгляды ленинизма на роль крестьянства не только в России, но и во всем мире изложены в резолюции т. Ленина... Этот документ интернационализирует взгляды ленинизма на роль крестьянства. Это один из са-

---

² Исключение составляет статья: Есиков С. А. Материалы сельскохозяйственной статистики Веймарской республики как исторический источник // Новая и новейшая история. Вып. 6. Саратов, 1980. Когда настоящая статья уже находилась в производстве, появилась статья: Ленин Э. Политика союза с трудящимся крестьянством в теоретических представлениях и практической деятельности Коминтерна в 1924—1928 гг. // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. Bd. 30. Berlin, 1986. (Примеч. ред.)

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 170.

мых замечательных, непревзойденных документов ленинизма»⁴.

В выступлениях на конгрессах Коминтерна и пленумах ИККИ Э. Тельмана, И. Теодоровича, В. Коларова⁵ содержится конкретный анализ характерных явлений в крестьянском движении Германии. На страницах «Коммунистического Интернационала» периодически помещались обзорные материалы и статьи о немецком крестьянском движении, например, статьи Е. Варги и С. Дубровского об аграрном кризисе и его влиянии на политические процессы в деревне, М. Реймана о работе среди различных категорий крестьянства⁶ и т. д.

Особого внимания заслуживают публикации информационного журнала Коминтерна «Инпрекорр»⁷. Материалы о крестьянском движении в Германии помещались здесь, как правило, в рубриках «Внутренняя политика», «Экономика», «Крестьянское движение», при этом использовались такие газетные жанры, как статьи, отчеты, хроника. Корреспонденции готовились коммунистами, работавшими в деревне, руководителями левых крестьянских организаций. Компетентность этих авторов позволяла им воссоздать достоверную хроникальную картину борьбы немецкого трудового крестьянства против экономического засилья крупных земельных собственников и финансового капитала, против угрозы новой войны. Большой интерес представляют в «Инпрекорре» статьи одного из руководителей отдела по работе в деревне ЦК КПГ Эдвина Гериле, содержащие не только событийный материал, но и его первоначальный анализ⁸.

⁴ Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала: Протокол заседаний. М., 1925. С. 514—515.

⁵ См.: Второй конгресс Коминтерна, июль—август 1920 г. М., 1934; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенограф. отчет. Ч. I. М.; Л., 1925; VI конгресс Коминтерна: Стенограф. отчет. Вып. VI. М., 1929; Расширенный пленум ИККИ, 12—23 июня 1923 г.: Отчет. М., 1923; XI расширенный пленум ИККИ. Вып. I. М., 1932; XII пленум ИККИ: Стенограф. отчет. Т. I. М., 1933; XIII пленум ИККИ: Стенограф. отчет. М., 1934; Шесть лет борьбы за крестьянство: Сб. ст./Под общей ред. В. Коларова. М., 1935; Аграрные проблемы. 1929. № 2/3.

⁶ Коммунистический Интернационал. 1926. № 12; 1930. № 34/35; 1922. № 20; 1925. № 1.

⁷ См.: Комят И. История «Инпрекорра»: Бюллетень мирового коммунистического движения/Пер. с венг. М., 1981. С. 152—159. (Примеч. ред.)

⁸ См., например: Inprekorr. 1925. № 78. С. 1057—1058; № 85. С. 1172—1173; № 141. С. 2069—2071; № 142. С. 2085—2086; № 159. С. 2391—2392; № 160. С. 2409—2410; 1923. № 33. С. 617—618.

Коммунистический Интернационал рассматривал явления в крестьянском движении Германии в тесной связи с общими проблемами укрепления революционного сотрудничества между пролетариатом и трудящимися слоями деревни в условиях первого этапа общего кризиса капитализма. Следует подчеркнуть, что это время являлось важным периодом дальнейшей разработки теоретических вопросов крестьянского движения и практики руководства им со стороны компартий. В статье «Крестьянские партии и союзы» В. Коларов отмечал: «Самостоятельно возникшие организации мелких и средних крестьян или отколовшиеся от общих союзов и партий левые крылья все более ориентируются в сторону пролетариата и коммунистических партий. Но и они не представляют окончательно выкристаллизовавшихся организаций, и в политической своей деятельности они проявляют большую неустойчивость. Они являются местными или в лучшем случае областными организациями, отражают местные интересы и настроения и не имеют связи между собой»⁹. Подобная картина наблюдалась и в Германии первой половины 20-х годов, когда было создано более десятка крестьянских организаций, стремившихся защитить интересы различных слоев крестьянства.

Обширный материал об их деятельности содержится в изданиях Крестьянского Интернационала (Крестинтерна) и его руководящего органа — Международного крестьянского совета (МКС). Крестинтерн и МКС были созданы по инициативе ряда крестьянских организаций Европы в 1923 году ставили перед собой задачу объединения крестьянских действий против капитала, помещиков, иностранных угнетателей под лозунгом «Крестьяне и рабочие, соединяйтесь!» Крестинтерн проводил политику Коминтерна в крестьянских массах, стремясь обобщить опыт их борьбы, выявить круг их требований, политические тенденции в крестьянских выступлениях. Эти задачи предопределили характер материалов МКС о немецком крестьянском движении.

В своем центральном органе — журнале «Крестьянский Интернационал» МКС систематически в период 1924—1926 гг. помещал «Хронику» крестьянского движения, которая раскрывает острую борьбу между союзами трудящихся крестьян — «Трудовым Содружеством крестьян, арендаторов и поселенцев», «Союзом производителей-крестьян», «Баден-

⁹ Коммунистический Интернационал. 1925. № 3. С. 11.

ским крестьянским союзом», с одной стороны, и Ландбундом и стоящим за ним буржуазным правительством, с другой¹⁰. Так, отношение значительной части трудового крестьянства к позициям ландбундовцев и воротилам Немецкой Народной партии в вопросе об удовлетворении требований тюрингских князей ярко показано в соответствующем материале¹¹.

Заслуживает внимания «Хроника» журнала в ноябре-декабре 1924 года. В ней содержится богатая информация о политической и организационной консолидации движения мелкого крестьянства, наиболее страдавшего от аграрного кризиса. Здесь находим фрагменты документов Веймарской конференции (23—24 ноября), которая объединила одиннадцать союзов и сформулировала принципы новой организации — «Трудового Содружества». «В качестве основы единого крестьянского движения «Содружество» выдвигало три положения: самостоятельное движение беднейшего крестьянства, борьба против крупного землевладения и капитала, союз с рабочим классом»¹².

«Крестьянский Интернационал» помещал также на своих страницах письма с мест¹³, статьи лидеров немецкого крестьянского движения Г. Рау, Р. Бюрги, Ф. Риттера¹⁴, деятелей международного коммунистического движения М. Горова, А. Хевеши¹⁵, что в определенной степени дополняет информацию о событиях в Германии, дает возможность рассматривать эволюцию крестьянского движения, позиций руководства партий, союзов по вопросам стратегии и тактики.

Одновременно с журналом «Крестьянский Интернационал» МКС издавал «Библиотеку Крестьянского Интернационала», выходившую с 1924 года и состоявшую из отдельных книг и брошюр в помощь партийному и беспартийному крестьянскому активу. Среди изданий этого цикла особенно интересна книга А. Графа¹⁶, который долгие годы вел практическую работу в деревне и отразил взгляды, свойственные широким массам трудового немецкого крестьянства.

---

¹⁰ Крестьянский Интернационал. 1924. № 2, 5—6, 7—8, 10—12; 1926. № 3—5.

¹¹ Там же. 1926. № 1—2.

¹² Там же. 1924. № 10—12. С. 118.

¹³ См., например: Там же. 1926. № 3—5. С. 150—151.

¹⁴ Там же. 1924. № 1; 1925. № 12.

¹⁵ Там же. 1924. № 5—8.

¹⁶ Граф А. Крестьянское движение в Германии в прошлом и настоящем. М.; Л., 1927.

Ценный материал по изучаемой проблеме дает журнал «Интернационал Бауэри-Корреспондент»¹⁷, издававшийся в 1927 году. Этот информационный журнал-бюллетень выходил без указания редакционной коллегии, материал же для него готовили под руководством отдела МКС представители разных крестьянских организаций многих стран Европы, Америки и Азии. Материал по Германии публиковался здесь, главным образом, в рубриках «Аграрное движение», «Экономические и политические организации», «Положение крестьянства в различных странах»¹⁸ в виде статей информационного характера, а также так называемых «послепередовых». Наиболее полно раскрыты в них процессы ухудшения экономического положения мелких и средних слоев крестьянства (имеется некоторый статистический материал), проявления классового боя, выступления против опасности империалистической войны (например, участие трудящихся крестьян в подготовке и проведении Антифашистского конгресса в Лейпциге 1 августа в 1929 году).

Анализом немецкого крестьянского движения, хотя и с определенными трудностями, занимался Президиум Международного крестьянского совета, что отражено в его документах, прежде всего в воззваниях, приветствиях, материалах и резолюциях второго пленума, международного крестьянского совещания 1927 года в Москве, которое подготовил Президиум. Указанные документы интересны исследователю в значительной мере потому, что готовились они для Президиума на основе отчетов центральных органов крестьянских союзов (примыкавших к МКС), их местных отделений при участии немецких представителей в Президиуме. В этих документах содержится анализ событий различного масштаба, обращены как к руководству союзов, так и к рядовым членам.

Например, воззвание Президиума МКС «К германскому крестьянству, арендаторам и поселенцам» (1923 г.) раскрывает хозяйственную политику правительства Германии, причины тяжелого положения тружеников деревни и предупреждает: «Не обольщайтесь словами, не верьте, что Гитлеры и Людендорфы, Кары, Мюллеры и Секты с помощью штыков и ружей

¹⁷ Internationaler Bauern-Korrespondent, Verlag Neues Dorf, (C) № 5 1926 год журнал носил название „Internationale Bauern-Nachrichten“)

¹⁸ См. например: Internationaler Bauern-Korrespondent, 1927, № 1-5; 1928, № 3, 9; 1929, № 1.

ных гранат, орудий и пулеметов вернут вам золотой век и ваш труд и ваши хлопоты на поле и в хозяйстве будут щедро вознаграждаться. В какую бы одежду они ни облачились какие бы они знамена ни подняли — черные с белым, синие с белым или черные с красным и желтым, — они вас обманут, собьют с толку и заведут в тушк; они ищут на руку вашим заклятым врагам — помещикам, кулакам-толстосумам, банкирам, магнатам промышленных трестов, спекулянтам и эксплуататорам; они работают на капиталистическое государство»¹⁹.

В резолюции первой международной конференции крестьянских представителей (1923 г.) «О работе среди крестьянства»²⁰, в программных докладах на втором (1925 г.) пленуме Международного крестьянского совета «Задачи и достижения Крестинтерна», «Современное положение крестьянства на Западе»²¹ дан обзор успехов и задач борьбы трудового крестьянства Германии.

Ценные сведения содержит дискуссия по докладу представителя МКС Т. Домбала на международном совещании крестьян по случаю празднования 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции²². Достаточно хорошее качество стенограмм двух заседаний дает возможность проанализировать сущность и место левого крестьянского движения в Германии в общей борьбе крестьян европейских стран, а также выявить наличие различных политических позиций среди немецких делегатов — представителей ряда социальных слоев деревни.

Глубокий, аналитический по содержанию материал об основных тенденциях в движении мелких и крупных крестьян, сельскохозяйственных рабочих, о развитии немецкой буржуазной политической науки по аграрно-крестьянскому вопросу помещался в теоретическом журнале аграрного института Коммунистической академии «На аграрном фронте» (1925—1935 гг.)²³. С созданием Международного аграрного института (МАИ) информация о крестьянской проблеме в Германии публиковалась на страницах журнала «Аграрные проблемы» (1927—1935 гг.) и специальных изданий: «Информационного

¹⁹ Крестьянский Интернационал. 1924. № 1. С. 180.

²⁰ Там же. 1925. № 3—5. С. 160—166.

²¹ Там же. С. 15—51, 52—66.

²² Die 1. Internationale Bauernkonferenz, Moskau, 1927: Stenogramme und Beschlüsse des Internationalen Bauernrates, Berlin, 1928.

²³ На аграрном фронте. 1925. № 3, 11—12; 1927. № 7; 1929. № 8,

тетя Международного крестьянского совета и Международного аграрного института» (1927—1931 гг.), «Краткой книжкой по аграрному вопросу и крестьянскому движению», а также журнального материала особого внимания заслуживают и статьи директора МАИ В. Коларова²⁴, статьи и обзор В. Турока о Германии²⁵, С. Дубровского об аграрном вопросе и борьбе за крестьянство²⁶, Н. Мещерякова о сельскохозяйственной кооперации²⁷, Р. Гербера о политических течениях в германском крестьянском движении²⁸.

В качестве важного пособия следует рассматривать публикации института «Аграрный вопрос и крестьянское движение», в которой исследователь найдет сведения об аграрно-экономической структуре, развитии производительных сил немецкой деревни, социальной эволюции ее в годы Веймарской республики, а также о первых «преобразованиях» питлеровского правительства²⁹.

В изданиях Международного аграрного института³⁰ освещается деятельность Европейского крестьянского комитета в Европе (1930—1933 гг.), который объединял так называемое комитетское движение в европейских капиталистических странах, в том числе в Германии.

Для современного советскому историку доступна целая группа источников, связанных с проблемами возникновения и развития в 20-х — начале 30-х годов крестьянских организаций, стоявших на левом крыле немецкого крестьянского движения. С одной стороны, это издания самих союзов (газеты, листовки, воззвания), с другой, материалы КПГ, Крестсоюза об этих организациях или обращения к ним документы. Сравнительный анализ позволяет четко раскрыть суть задач, поставленных союзами задач, их реализацию, причины ошибок и недостатков движения, изменение позиций КПГ по крестьянскому вопросу. Среди изданий крестьянских союзов выделяются: орган «Трудового Содружества» «Einiges

²⁴ Аграрные проблемы. 1931. № 9—12; 1932. № 12.

²⁵ Там же. 1932. № 1—2, 10—11.

²⁶ Там же. 1927. № 1.

²⁷ Там же. 1929. № 3.

²⁸ Там же. 1927. № 3—4.

²⁹ Аграрный вопрос и крестьянское движение: В 4 т. 2-е изд. / Под ред. М. П. Горова. М., 1935—1936.

³⁰ Положение крестьянства в Западной Европе, М., 1930; Аграрные проблемы. 1930. № 1, 4—5.

Volk»³¹, орган Баденского союза крестьян и арендаторов «Landes Boten»³². В хранилищах СССР полный комплект указанных изданий не сохранился, однако имеющиеся номера содержат чрезвычайно разнообразный и ценный материал — документы крестьянских конференций, программные статьи руководителей союзов, корреспонденции с мест, хронику, объявления, рекламу, — дающий возможность составить представление о развитии крестьянского движения, об атмосфере острой классовой борьбы в то время. Характерно в этом смысле оформление титульного листа «Einiges Volk»: на фоне пашни и заводских корпусов — крепкое рукопожатие крестьянина и рабочего.

Сохранился ряд листовок «Трудового Содружества» и крестьянских союзов, входивших в эту федерацию. В них содержатся воззвания руководства к трудовому крестьянству, к рейхстагу и ландтагам по поводу избирательных кампаний, крестьянских собраний, стихийных бедствий и т. д.³³ Конечно, листовки с их лаконизмом, пропагандистской стилистикой несут минимум информации, но сам факт их опубликования в десятках тысяч экземпляров в связи с общегерманскими и земельными событиями говорит о степени активности, зрелости крестьянских организаций, позициях и методах руководства, экономических и политических требованиях масс.

Примечателен и тот факт, что в юбилейный год Великой Октябрьской социалистической революции крестьянские союзы выпустили несколько листовок и брошюр, приуроченных хронологически и тематически к празднованию 10-летия Октября³⁴. В части листовок и брошюр обозначены их авторы, что позволяет установить имена крестьянских активистов.

Говоря об изданиях КППГ, необходимо отметить, что новый подход компартии к работе в деревне, выработанный Веддингским (1929 г.) съездом, а затем закрепленный дирек-

³¹ Издавался в 1924—1925 гг., тираж в первый год существования достигал 50 тыс. экз.

³² Издавался с 1924 г. до начала 30-х годов, в конце 20-х годов изменил название на „Badischer Bauern-Anzeiger“.

³³ An die Ortsgruppen des Reichsbundes für Siedlung und Pachtung. 1924; Für das einheitliche Auftreten aller Organisationen der werktätigen Bauernschaft. 1926; An das werktätige Landvolk! Berlin, 1926; Unabhängige Bauernbewegung. Berlin, 1927.

³⁴ См., например: Wir Bauern wollen keinen Krieg! Berlin, 1927.

тивами и лозунгами январского (1931 г.) пленума ЦК партии, несколько активизировал издательскую деятельность коммунистов для крестьянства³⁵. Появляются брошюры о крестьянской программе партии, о предложениях комфракции рейхстага, внесенных в связи с обсуждением Закона о «помощи восточным провинциям», а также материалы, содержащие разъяснения предвыборных лозунгов КПГ и разоблачающие аграрной программы Гитлера и т. д.³⁶

Ценным источником являются работы Эдвина Герале — руководителем отдела по работе в деревне ЦК Компартии Германии, видного деятеля немецкого рабочего движения. В его статьях, речах, письмах находим анализ актуальных тенденций в области аграрного производства в годы Веймарской республики, политической борьбы в деревне того времени³⁷.

Определенная часть источников по изучаемой проблеме еще не стала достоянием научной общественности и хранится в архивных хранилищах СССР и других стран. Так, продолжительная переписка Президиума Крестинтерна с руководством крестьянских организаций, стоявших на позициях классовой борьбы³⁸, существенно дополняет материал по истории крестьянского движения в Германии, раскрывая содержание экономических требований мелких и средних слоев крестьянства, уровень политической зрелости крестьянских деятелей, влияние на характер борьбы крестьянских союзов их международные связи и т. д. Четкая датировка писем, отчетов, информации позволяет проследить события крестьянской борьбы, их место в политической истории Веймарской республики.

Таким образом, даже краткий анализ указанной группы источников по истории крестьянского движения в период Веймарской республики свидетельствует об их разнообразии и многоплановости; эти источники дают возможность рас-

³⁵ Аграрные проблемы. 1932. № 5—6. С. 126.
³⁶ Die Kampfbroschüren der KPD. 1932. № 5—6. С. 126.
Berlin, 1931; Ostpreußen. 1932. № 5—6. С. 126.
Düsseldorf, 1932. № 5—6. С. 126.
³⁷ Герале Эдвин. Die Bauernhilfe der KPD. 1932. № 5—6. С. 126.
стический Интервенционизм. 1932. № 5—6. С. 126.
ского хозяйства. 1932. № 5—6. С. 126.
³⁸ Центральный архив ВЦИК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21—52.
при ЦК КПСС. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21—52.

смагивать основные направления и этапы деятельности
вых крестьянских союзов, борьбу КПГ за крестьянство,
успехи и ошибки в работе с крестьянскими массами.

В. Ю. ФЕДОТОВ
(Ивановский университет)

ПИСАТЕЛЬ ГАНС ГРИММ НА СЛУЖБЕ ФАШИЗМА

В современной идеологической борьбе, отражающей противоборство двух социально-экономических систем, враждебных коммунизму прибегают к различным методам. В хоре антикоммунистов видное место занимал Ганс Гримм (1872—1959), подвизавшийся на пропагандистском поприще в кайзеровской, веймарской, гитлеровской, а затем и в Западной Германии. Изучение его деятельности важно для понимания пути Германии к фашизму и войне и для ведения антифашистской борьбы в наши дни.

В трудах А. С. Бланка, А. А. Галкина, Г. Гейден, Л. И. Гинцберга, Л. А. Моджорьян, И. М. Фрадкина и других ученых освещены вопросы нацистской пропаганды, при этом кратко рассматривается и роль отдельных ее представителей в приходе фашистов к власти¹.

Сведения о состоянии реакционной литературы до и после прихода гитлеровцев к власти, а также неонацистской литературы содержатся в книге М. Н. Филатова, подвергнутой критике литературно-политические спекуляции нацизма и неонацизма². Интересные данные о литературных исканиях Гримма приведены в советской «Истории немецкой литературы» и в изданной в ГДР «Истории немецкой литературы»

¹ Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. М., Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1971; Гейден Г. Кризис немецкой геополитики. М., 1960; Гинцберг Л. И. На пути в империю канцелярию. М., 1972; Моджорьян Л. А. Геополитика на сцене военных авантюристов. М., 1979; Фрадкин И. М. Реставраторы орла и тики. М., 1971.

² Филатов М. Н. Нацистские мифы вчера и сегодня: Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. Алматы, 1979.

³ История немецкой литературы. Т. 5. М., 1975; Geschichte der deutschen Literatur. Bd. 10: 1917—1945. (Ost) Berlin, 1975.

На протяжении всего исследования неслучайно не ставилась задача, выдвигавшаяся советскими авторами и анализирующая творчество Гримма, критически охарактеризовать систему взглядов этого писателя и выявить место его творчества в нацистской и фашистской пропаганде; во-вторых, на примере Гримма проследить действенность художественной литературы как исторического источника.

Поскольку обе задачи решаются путем анализа произведений Гримма как источника, статья выполнена в историко-литературоведческом ключе. Ее составными частями являются анализ происхождения и анализа содержания основных сочинений Гримма.

Ганс Гримм, его время, связи с фашизмом, издание основных произведений

Ганс Гримм родился в 1875 году в семье профессора права Боннского университета, одного из основателей немецкого «Колониального союза», пропагандировавшего колониальную экспансию. Детство и юность его проходили в то время, когда Германия, в которой бурно развивался капитализм, при-

¹ Германская писательная традиция в новое и новейшее время. М., 1974; История германского колониализма в Африке. М., 1982.

ступила к колониальным захватам. Особенно активно действовали представители крупного банковского и промышленного капитала в Южной Африке. Ряд лет (с 1897 по 1910) провел в Юго-Западной Африке в качестве торгового служащего и Ганс Гримм. Впечатления от пребывания в этой первой германской колонии легли в основу его литературных произведений. В Юго-Западной Африке Гримм участвовал в варварском подавлении восстаний местных племен и в конкурентной борьбе с английскими купцами в этом районе. Позже в своих книгах Гримм заклеймит врагов-англичан, которые, к его неудовольствию, мешали немцам закрепиться в Южной Африке.

Возвратившись в Германию незадолго до первой мировой войны, Гримм устанавливает связи с реакционными литературными кругами, имевшими свои организации и издательства. Уже после войны Гримм сотрудничает с такой организацией, как «Ринг», которая была создана в 1920 году Эдуардом Штадтлером, объединившим в ней различные кружки правого толка. В 1922 году этот центр опубликовал сборник «Новый фронт», сорок авторов которого — представители промышленных магнатов, правых профсоюзов, реакционной молодежи — вносили лепту в образование сводного политического течения с контрреволюционной ориентацией. В этом сборнике была и статья Ганса Гримма «Перенаселение и колониальная проблема», в которой он призывал к ликвидации такой несправедливости, как теснота, в каковой-де уже давно живет немецкая нация. В «Истории немецкой литературы» Г. Гримм отнесен к группе представителей старшего и среднего поколения контрреволюционной литературы, включавшей также П. Эрнста, Г. Фрессена, В. Шеффера, Р. Герцга, Р. Г. Кольбенхейера, В. фон Моло⁵ и др.

Таким образом, Гримм в годы Веймарской республики был уже признанным автором правого, или буржуазно-охранительного направления в литературе. В Германии, внешнеполитические позиции которой были ослаблены поражением в мировой войне и Версальским договором, поощрялась пропаганда реваншизма, пересмотра Версальского диктата. Реваншистам из господствующих классов помогала реакционная литература. В произведениях Э. Двингера, Э. Юнгера, Г. Гримма и др. воспевалась война, обосновывались принцип фюрерства и необходимость разрушения рабочих организа-

⁵ Geschichte der deutschen Literatur. Bd. 10. S. 153.

ций. По этому поводу в 8-томной «Истории германского рабочего движения» говорится: «Большую роль в распространении фашистской идеологии играли литературные произведения Вернера Боймельбурга, Фридриха Блунка, Ганса Гримма и других авторов милитаристских книг о войне и псевдоисторических романов. С этими книгами находили доступ ко многим людям идея «народа без пространства», мистика «крови и почвы», искаженная картина «фронтного товарищества», ложь о «миссии нордической расы» и прославление мнимо-великих «фигур фюреров» из истории»⁶.

В годы борьбы фашистской партии за власть в Германии стала распространяться геополитическая теория «жизненного пространства», с помощью которой обосновывались территориальные притязания народов, якобы не имевших достаточно своей земли. Игнорируя и замалчивая уровень развития производительных сил, квалификацию рабочей силы, социальное неравенство, вытекающие из международного разделения труда возможности и т. п., геополитики сводили все дело к природным факторам. Эти постулаты были восприняты деятелями национал-социализма и стали составной частью их политической идеологии. В 1924 г. в Германии стал выходить основанный пангерманцем К. Гаусгофером «Геополитический журнал» («Цейтшрифт фюр геополитик») ⁷, пытавшийся наукообразно обосновать территориальную экспансию германского империализма. Но журнал был рассчитан на элитарного реакционного читателя, имел небольшой тираж и, соответственно, ограниченную пропагандистскую действенность. Реакция стремилась популяризовать свои идеи с помощью массовой художественной литературы. Среди выполнявших этот социальный заказ профашистских литераторов оказался и Г. Гримм, которому геополитика пришла по душе.

Он сделал это прежде всего с помощью своего романа «Народ без пространства». Первое издание вышло в свет в колыбели нацизма Мюнхене в 1926 г.⁸, а затем последовали переиздания. Чтобы облегчить пропаганду идей этого объемистого двухтомника, издавались отдельные его части. Такова вышедшая в 1932 г. в том же Мюнхене книга «По-

⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1—8. Bd. 4. Berlin, 1966. S. 231.

⁷ См. статью И. Г. Асадулиной в настоящем сборнике. (Примеч. ред.)

⁸ Grimm G. Volk ohne Raum. München, 1926.

ход капитана Эркerta (Из романа «Народ без пространства»)»⁹. В публицистическом произведении «Писатель и время», опубликованном также в Мюнхене в 1931 г., Grimm повторяет в концентрированном виде идеи и выводы, к которым он пришел в своих художественных произведениях¹⁰.

Еще в 20-е гг. Grimm установил контакты с национал-социалистским движением. Он познакомился с И. Геббельсом, был связан с фюрером гитлеровской молодежи. Б. фон Ширахом, мечтал о знакомстве с А. Гитлером. В одном из своих писем фон Ширах выражает удовлетворение по поводу того, что Grimm хорошо относится к их восточной политике, и добавляет: «...я покажу ваше письмо фюреру, так как хочу, чтобы между ним и вами произошла беседа»¹¹. Уже тогда Grimm воспринимал Гитлера как мессию, считая, что спасение Европы от коммунизма «в то время могло быть организовано только этим человеком»¹². При своих встречах с Grimmом, в письмах к нему Геббельс, Ширах культивировали у него идеи, нужные им для проведения своей политики. Правда, особенно убеждать Grimmа не приходилось. Просто нужно было направлять его творчество твердой рукой, что, собственно, и делалось. Опекая Grimmа, Геббельс в одном из писем к нему выражал надежду, что он и в дальнейшем будет прислушиваться к фашистам.

Ганс Grimm не принадлежал к гитлеровской партии, как, впрочем, и к любой другой. Его партией был лозунг «народ без пространства». Он отмечает в своих мемуарах, что хотя и не принадлежит к партии, но не ищет других лозунгов кроме тех, которые проповедают национал-социалисты. «Под немецкими лозунгами,—писал Grimm,—я понимаю все, что может вести к тому, чтобы наши дети, а это будущее немецкой нации, жили лучше, чем мы. Мы же сегодня полностью зависим от Версальского диктата»¹³. За это понимание в годы «третьей империи» нацистские государственные деятели даровали Grimmу звание академика. Они осыпали его почес-

---

⁹ Grimm G. Der Zug des Hauptmanns Erkert. München, 1932.

¹⁰ Grimm G. Der Schriftsteller und die Zeit. München, 1931.

¹¹ Grimm G. Suchen und Hoffen. Aus meinem Leben, 1928—1934. Lippoldsberg, 1960. S. 163.

¹² Grimm G. Warum—Woher—Aber Wochin? München, 1955. S. 14.

¹³ Grimm G. Suchen und Hoffen, S. 25.

тами, провозгласили одним из крупнейших современных немецких писателей. Между тем в это время не было опубликовано ни одного нового художественного произведения Гримма, так как он вообще таких не писал. После 1934 года он создал лишь публицистику и мемуары.

В последние годы своей жизни (напомним: он умер в 1959 году) Гримм развил бешеную литературно-политическую активность. Он выступает активным собирателем и организатором неонацистских кадров, добивается амнистии военных преступников, настаивает на судебном преследовании антифашистов по обвинению их в «измене родине» и т. д. Основанное им издательство в 50—60-е годы выпустило до десятка старых и новых книг самого Гримма, а также работы других неонацистских публицистов. Незадолго до смерти Гримм издал неонацистского же толка публицистическую книгу «Почему—Откуда—Но куда?»¹⁴, а также написал мемуары «Искания и надежды. Из моей жизни, 1928—1934», которые вышли в свет уже посмертно, в 1960 г.¹⁵

Неонацисты гордились тем, что Гримм находился в их рядах. Таким образом, Г. Гримм — писатель и человек — играл видную роль сначала в нацистском, а затем и в неонацистском движении, хотя формально не принадлежал ни к одной партии.

Содержание и идеи основных произведений Г. Гримма

Программным и наиболее известным произведением Гримма явился роман «Народ без пространства», в котором стремление к захватам обосновывалось расизмом и геополитикой. Несмотря на существенные художественные недостатки, книга была очень популярна и широко использовалась фашистами для распространения старой идеи о праве немцев завоевывать себе, как говорил еще Б. Бюлов, «место под солнцем». Сам заголовок романа стал ударным лозунгом фашизма.

Пухлый и громоздкий гриммовский опус объемом около полутора тысяч страниц был композиционно рыхлым. Сюжетное повествование прерывалось публицистическими комментариями и отступлениями, рассчитанными не на разум читателей, а на их чувства. В этих отступлениях Гримм обобщал

¹⁴ Grimm G. Warum—Woher—Aber Wochin?

¹⁵ Grimm G. Ruchen und Hoffen.

свои нехитрые идеи. Одно из таких отступлений, в котором автор заявляет о том, что немецкий народ нуждается в прогрессе, предваряет роман. Grimm обращается к читателю: «...огляньтесь вокруг себя, взгляните перед собой и подумайте о внуках и новорожденных! Царит рабская теснота, в которой свободные тела и души не могут больше развиваться...»¹⁶ Не случайно Grimm называл свой роман политическим рассказом: «Этот роман, я так думаю, политический рассказ, он дает возможность заглянуть в немецкую судьбу так, как не учили, конечно, школы и партии»¹⁷. Grimm, несомненно, создавал политическую значимость своего романа с его маньером национального величия и обещанием избавления от социального и материального гнета в результате расширения «жизненного пространства».

Сюжет гриммовской книги предельно прост. Главный герой романа Корнелиус Фриборт — немецкий крестьянин, которого не мог прокормить его крохотный земельный надел. В поисках хлеба насущного Фриборт уезжает в Южную Африку. Здесь он встречает купца Ганса Гримма, который объясняет ему «истинные причины» бедственного положения немцев. Они заключаются в перенаселении. Пока в Германии существует теснота, немцы будут несчастны: «Это наше несчастье, родиться в Германии, и это наша мука, что мы проходим из Германии»¹⁸.

В Африке Фриборт участвует в подавлении восстаний негритянских племен, о представителях которых в книге говорится с презрением. Grimm уверяет, что немецкие колонизаторы приносят местному населению не вред, а пользу, своим пребыванием на их земле они оказывают благодетельное готтентотам. Он с негодованием цитирует разоблачавшее колониальную политику Германии выступление Бебеля в рейхстаге 1 декабря 1906 года, в котором, в частности, говорилось «Вы приходите не как освободители и воспитатели, а как завоеватели, как угнетатели, как эксплуататоры. Вы держите туземцев в чуждой им покорности, занимаете их рабским трудом. Вот как выглядит ваша колониальная политика»¹⁹. У Гримма другое мнение. Он считает, что таких, как готтентоты, не жалко уничтожать, ведь «готтентот как человек сто-

¹⁶ Grimm G. Volk ohne Raum. Bd. 1. Leipzig, 1929. S. 11.

¹⁷ Grimm G. Volk ohne Raum. Bd. 1. München, 1926. S. 3.

¹⁸ Ibid. S. 680.

¹⁹ Ibid. S. 6.

ит на более низкой ступени, чем мы»²⁰. Исходя из этого, можно было оправдать любые зверства и жестокости, которые действительно имели место в немецких колониях в Африке. Так, архивы министерства колоний показывают, что обычным делом охранных частей, «которыми командовали германские офицеры, было сожжение деревень, истребление жителей, убийство пленных, грабеж и насилие»²¹. Отказывая готтентотам в человеческих качествах, которыми обладали немцы, Гримм преследовал вполне определенную цель: пропитать своих читателей расистским духом. Тогда все завоевания будут оправданы. Здесь Гримм рассчитывал на мещанскую психологию. Расизм был и остается методом самоутверждения обывателя, позволяющим ему преодолеть свой комплекс неполноценности. К тому же расистская теория — удобная форма «морального» оправдания грабежа имущества неарийцев. Арийцы безусловно наделялись всяческими добродетелями, в то время как «низшим расам» приписывались всевозможные пороки.

Гримм ненавидит, однако, не только готтентотов. Он пропагандирует ненависть и к конкуренту на колониальном поприще — Великобритании. Его главный герой — Корнелиус Фриботт — участвует в упорной борьбе с британскими завистниками и интриганами, которых во что бы то ни стало надо вытеснить из Южной Африки. Гримм ненавидит англичан, поскольку они «постоянно подкармливают раздраженные голоса против Германии для того, чтобы немецкое правительство ощущало непрерывное давление»²². Англичане, по мнению Гримма, недооценивают те прекрасные качества, которыми обладают немцы. Он считает, что англичане завидуют немцам потому, что немцы честнее, умнее, способнее, энергичнее других, и, завидуя, отказывают немцам во всем, что составляет их жизненные интересы. С возмущением Гримм пишет: «Каждый английский пьяница верит, что он лучше других... думает, что должен выступать против немецкого языка и против немецкой церкви, и против немецкого обучения»²³.

Между тем Фриботт, например, обладает у Гримма всеми мыслимыми достоинствами: «...среди друзей и офицеров он

20 Grimm G. Der Zug Hauptmanns Erkert. S. 20.

21 Цит. по: История германского колониализма в Африке. С. 174.

22 Grimm G. Der Zug Hauptmanns Erkert. S. 4.

23 Grimm G. Volk ohne Raum. Bd. 1. München, 1926. S. 679.

слыл достаточно расторопным, таким человеком, который никогда не перестает действовать»²⁴. Но несмотря на трудолюбие и честность, Фриботт никак не может устроить свою жизнь. Из-за гонений англичан он возвращается в Германию, где становится странствующим проповедником колониализма и фашизма. Однако и здесь ему не везет — он погибает от руки марксистского смутьяна. Так заканчивается легенда о нацистском великомученике.

Из несчастной судьбы Корнелиуса Фриботта Гримм выводит идею об опасной атмосфере Веймарской республики, в которой могут существовать марксистские организации. Здесь проявляется ненависть Гримма к демократии, пусть даже ограниченной, какой она была в годы Веймарской республики, и главное к марксизму, этому вредному, с точки зрения писателя-мракобеса, учению. Он считает, что «социализм марксистов болен идеей классовой борьбы» и что «коммунизм причиняет духовный вред» немецкому народу, следовательно, эти опасности надо «устранить»²⁵. Гримм уверен, что «немецкий народ жил свободно до поражения и революции», что «революцию инспирировали» и это нашло свое выражение в Веймарской конституции²⁶. Таким образом, Ганс Гримм выражал интересы тех кругов немецкой буржуазии, которые стремились уничтожить республику и демократию, чтобы развязать себе руки для империалистических авантур.

В своем публицистическом произведении «Писатель и время» Гримм повторяет и обобщает идеи, к которым он пришел ранее. Так, он утверждает здесь, что немцы должны сбросить с себя ненавистные версальские обязательства, воспрянуть из пепла, почувствовать свою силу и показать всему миру, на что они способны. Одну из глав книги Гримм так и озаглавил: «Как долго должен существовать Версальский диктат?» В этой главе Гримм выражает мнение, что первая мировая война закончилась несправедливо по отношению к Германии, и делает вывод: «Изменение может создать только другая война»²⁷. Только новая война, считает Гримм, может решить проблему «повышения уровня трудовой жизни». Все беды в Германии от перенаселения: «Большинство нашей молодежи не может больше применять свои таланты,

---

²⁴ Grimm G. Der Zug Hauptmanns Erkert. S. 8.

²⁵ Grimm G. Suchen und Hoffen. S. 174.

²⁶ Grimm G. Der Schriftsteller und die Zeit, S. 98.

²⁷ Ibid. S. 77.

почти половина наших девушек остаются незамужними...»²⁸ Эта несправедливость, решает Гримм, должна быть устранена с помощью переселения: «Я говорю: немецкое переселение — это хозяйственная польза без духовных потерь»²⁹. Оказывается, все очень просто. Стоит приобрести новое пространство, и все проблемы будут решены: «...с этим мы получим надежду, с этим придет проклятие кабале»³⁰. В этой же книге «Писатель и время» Гримм рассказывает о самом себе, своих предках, о понимании родины, повествует о пребывании в Южной Африке и о том, что он оттуда вынес (главы «Родина и предки», «О себе самом», «Колониальные планы»). Вновь и вновь Гримм призывает немцев бороться за новые земли, а значит, и за свое счастье. Мир же должен прислушаться к голосу немецкой нации: «Мы требуем земли, новых видов на свободную землю! Это одно, в чем мы нуждаемся, но что для нас закрыто»³¹.

Гримм не изменил своих воззрений и после позорного падения «третьего рейха». В 1955 г. выходит самая объемистая из его последних публикаций «Почему—Откуда—Но куда?», составленная из обращенных к читателям писем. Здесь, как и в ранних писаниях, снова звучат навязчивая идея о несправедливости Версальского договора, о тесноте и о «жизненном пространстве» для немцев, апология фашистов, которые стали-де эту тесноту ликвидировать. Достаточно привести одну цитату: «Версаль с произведенным немецким бедствием и отделением немецкой земли обнаружил ответное действие и, как многие немцы тогда полагали, внутреннюю возможность обновления за счет национал-социализма»³². Становится очевидным, что творческая мысль Гримма застыла на тех выводах, которые он сделал в годы своих скитаний по Южной Африке. Американский исследователь Курт Таубер, занимавшийся изучением творчества Гримма, пишет: «Гримм — это классический случай эмоционального инфантилизма, неспособности преодолеть или преобразовать впечатления юности, неумения развивать свои политические тезисы, не связанные интимно с его биографией»³³. В книге «Почему—Откуда—Но куда?» Гримм пытается ответить на

²⁸ Ibid. S. 24.

²⁹ Ibid. S. 76.

³⁰ Ibid. S. 159.

³¹ Ibid. S. 158.

³² Grimm G. Warum—Woher—Aber Wochin? S. 106.

³³ Цит. по: Фрадкин И. М. Реставраторы орла и свастики. С. 26.

вопрос, куда идет Германия и весь мир. По-прежнему он ненавидит коммунизм и оплот коммунизма — Советский Союз, призывает все крупные страны Западной Европы противопоставить большевизму «западное развитие». Гримм считает, что спасение Запада от коммунизма зависит от немецкого народа.

В 34-м письме Гримм с наигранным удивлением пишет о том, что на Нюрнбергском процессе русские и французские представители ратовали за то, чтобы считать распространенные книги «Народ без пространства» преступным. Ему вторит американец Фритче, слова которого приводит Гримм: «Надо спрашивать с тех, кто создал не понятие, а факт «народ без пространства»³⁴. Книга «Народ без пространства» после 1945 года была объявлена произведением гитлеровской пропаганды и переиздание ее было запрещено. Сам Гримм пишет, что его книга «в списке немецкой литературы в Лейпциге... была объявлена запретной» и изъята из общественных книгохранилищ. То, что название произведения превратилось в ударный лозунг гитлеровской пропаганды, составляет предмет гордости Гримма. Он заявляет: «...я сам был этой пропагандой, стал поэтом третьего рейха»³⁵.

В изданных в 1960 году в Западной Германии мемуарах «Искания и надежды. Из моей жизни, 1928—1934» Гримм рассказывает о своей жизни, о встречах с разными людьми, в том числе с деятелями национал-социализма, пытается дать оценку событий 1929—1933 гг., размышляет над такими понятиями, как национализм, национал-социализм, пытается определить основу последнего. Он пишет: «Нас интересует больше не то, что такое национал-социализм... а что кроется за этим, что составляет основу этого движения»³⁶. С большим удовлетворением Гримм констатирует, что движение Гитлера собрало под свои знамена немецкое юношество, которое, по его мнению, должно научиться чувствовать «беспрерывные оскорбления и лишения прав своей родины внешними врагами как невыносимый позор каждого отдельного члена нации»³⁷. В этих словах ясно проявляется суть мировоззрения Гримма: тот же призыв к восстановлению «прав» немецкого народа, идея сплочения нации под флагом фа-

---

³⁴ Grimm. G. Warum—Woher—Aber Wochin? S. 589.

³⁵ Ibid. S. 588.

³⁶ Grimm G. Suchen und Hoffen. S. 55.

³⁷ Ibid. S. 177.

шизма для отпора внешним врагам. Врагами Гримм продолжает считать всех тех, кто мешает Германии восстановить свое былое могущество. К ним он относит прежде всего Россию, Англию, Францию. По-прежнему Гримм ослеплен верой в избранность немецкого народа и в превосходство его над другими народами. Он ничего не понял, да и не старался понять: то же потрясение кулаками против всех и вся, та же маниакальная идея о «справедливых» стремлениях и планах немцев.

Широкое распространение в буржуазной Германии разных лет прежде всего геополитических, но также расистских, реваншистских, антимарксистских и иных реакционных взглядов было связано с имеющей большой общественной резонанс публицистической, мемуарной и особенно художественной литературой. Социальный заказ господствующих классов Германии призваны были реализовать, в частности, художественные и иные произведения Гримма, прежде всего роман «Народ без пространства», само название которого стало ударным лозунгом фашистской реакции.

Тотчас по выходе романа ему была организована широкая реклама. Хвалебные рецензии часто публиковала пресса правых партий, в частности периодика, объединенная в газетно-журнальный концерн А. Гугенберга, который в конце 20-х гг. контролировал не менее двух третей всех газет Веймарской республики³⁸. Ряд таких рецензий сам Гримм перепечатал в 1931 г. в книге «Писатель и время». Так, в гугенберговской газете «Ди тат» подчеркивалось, что роман «Народ без пространства» является «событием в немецкой духовной жизни» и что он «разъясняет судьбы немецкого народа»³⁹. Цитируя подобные рецензии, Гримм отмечал, что успех романа намного превзошел даже авторские ожидания⁴⁰. Появившаяся впервые в 1926 и интенсивно рекламируемая, книга Гримма затем неоднократно переиздавалась, выходила по частям отдельными изданиями. Ее общий тираж за 1926—1933 гг. составил 265 тыс. экземпляров.

Ознакомление с творчеством Г. Гримма поучительно прежде всего с точки зрения идейно-политической. Произведения Гримма, получившие массовое распространение, яви-

³⁸ Биск И. Я. Пресса Веймарской республики и финансовый капитал // Ежегодник германской истории, 1974. М., 1975. С. 112.

³⁹ Цит. по: Grimm G. Der Schriftsteller und die Zeit. Суперобложка.

⁴⁰ Ibid. S. 21,

лись вкладом в крушение веймарской буржуазной демократии и установление фашистской диктатуры, а в наши дни, не претерпев сколько-нибудь существенных изменений, являются одной из основ неонацизма в ФРГ. С точки зрения источниковедческой пропедевтики Гримма, их роль и судьба подтверждают немалое значение, которое — наряду с публицистикой и мемуаристикой — имеет художественная литература как источник не только по истории культуры, быта и нравов, но и по истории общественно-политической борьбы.

И. Н. ПАЛИИ
(Ивановский университет)

БЫТ И НРАВЫ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. М. РЕМАРКА

Поток исследований о Веймарской республике не иссякает, но не все аспекты ее истории изучены достаточно полно. Это относится, в частности, к повседневной жизни немцев в веймарское время, к их быту и нравам, атмосфере эпохи¹.

Среди источников по истории быта и нравов важное место занимают произведения художественной литературы, авторы которых были современниками описываемых событий. При умелом использовании эти произведения не могут не послужить науке, ибо «историк... поистине ненасытен в обнаружении все новых и новых сторон изучаемой им действительности»². Игнорирование художественных произведений как источников было бы равносильно преднамеренному сокращению источниковой базы. В этой связи следует использовать и произведения такого яркого представителя немецкой художественной литературы, каким является Эрих Мария Ремарк.

Хотя творчеству этого писателя посвящена обильная литература (едва ли не наиболее интересными являются работы советского литературоведа И. Фрадкина³ и исследователя

¹ В недавно изданном в ГДР основательном труде: Kuczynski J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. St. 5. Berlin, 1982. — охарактеризована повседневная жизнь преимущественно промышленных рабочих и безработных.

² Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 30.

³ Фрадкин И. Ремарк и споры о нем // Вопросы литературы. 1963.

из ГДР А. Антковиака⁴), с историко-источниковедческих позиций произведения Ремарка не разбирались. Лишь изредка в литературе можно встретить упоминания об исторической правдивости Ремарка⁵.

В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел и критически проанализировать произведения Э. М. Ремарка для выяснения их значимости как источника по истории быта и нравов населения Веймарской республики.

Естественно, что в основу статьи положены произведения Ремарка⁶. Из нашей периодики заимствованы некоторые сведения из интервью Ремарка, важные для понимания его жизни и творчества⁷. С этой же целью привлечены книги знавших Ремарка в веймарские годы немецких литераторов А. Броннена и В. Виктор⁸.

Для выяснения достоверности и источниковой ценности произведений Ремарка они сопоставлялись с другими источниками, содержащими сведения по истории повседневной жизни, прежде всего с мемуарной⁹ и художественной¹⁰ лите-

⁴ Antkowiak A. Erich Maria Remarque. Leben und Werk. Berlin, 1978.

⁵ Злобина М. Триумфальная арка // Новый мир. 1960. № 1; Каринцева И. Роман против войны // Литературная газета. 1955. 16 января; Кончелова И. Герои Ремарка на сцене // Советская культура. 1960. 14 июня; Лазарев А. Время жить // Новый мир. 1958. № 11; Сучков Б. О книгах Эриха Марии Ремарка // Сучков Б. Лики времени. Т. 2. М., 1976.

⁶ Поскольку произведения Ремарка переведены на русский язык, ссылки на них приводятся в тексте статьи с указанием номера страницы в скобках по следующим изданиям: Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. Возвращение. Время жить и время умирать. Кишинев, 1979; Он же. Три товарища. Черный обелиск. Л., 1981.

⁷ Интервью брались квалифицированными авторами, опубликованы преимущественно в «Литературной газете», а также в «Неделе».

⁸ Bronnen A. Arnolt Bronnen gibt zu Protokoll. Hamburg, 1954; Victor W. Köpfe und Herzen: Begegnungen mit Zeit und Zeitgenossen. Weimar, 1949.

⁹ Грундиг Г. Между карнавалом и великим постом. М., 1964; Путлиц В. По пути в Германию. М., 1957; Штейдле Л. От Волги до Веймара. М., 1973; Филиппов И. Ф. Записки о «третьем рейхе». М., 1970; Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 3—4. М., 1963; Maskensen A. Briefe und Aufzeichnungen aus Krieg und Frieden. Leipzig, 1938; Löbe P. Der Weg war lang. Berlin, 1954; Salomon E. Der Fragebogen. Hamburg, 1954; Schoeps H. Die letzten 30 Jahre. Stuttgart, 1958; Severing C. Mein Lebensweg. Bd. 1—2. Köln, 1950.

¹⁰ См., например: Брехт Б. Что тот солдат, что этот // Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. Т. 1. М., 1963; Он же. Барабаны в ночи // Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы, М., 1972; Манн Г. 9. Зак. 2860

ратурой, в меньшей мере — с произведениями современников¹¹.

При исследовании произведений Ремарка мы опирались на методiku анализа художественной литературы как исторического источника, разработанную в трудах И. Я. Биска, И. В. Григорьевой, А. В. Гулыги, Р. С. Мнухиной, С. О. Шмидта.

Анализ происхождения романов Ремарка

Эрих Мария Ремарк (1898—1970) вырос в вестфальском городке Оснабрюкке в мелкобуржуазной католической семье. В 1916 г. ушел добровольцем на фронт. Вернулся с войны типичным молодым человеком «потерянного поколения», разубверившимся в прежних идеалах, без профессии. Прежде чем стать писателем, Ремарк сменил множество занятий. Незадолго до прихода фашистов к власти он эмигрировал в Швейцарию, затем во Францию и США. В нацистской Германии книги его были публично сожжены, сестра казнена. После второй мировой войны писатель окончательно поселился в Швейцарии и в Германии бывал лишь наездами¹².

Из довольно большого наследия Ремарка нас будут интересовать лишь произведения, посвященные Веймарской республике и немногим предшествующим годам. Соотношение описываемого в них времени и времени опубликования выглядит так. В романе «На Западном фронте без перемен» действие происходит в 1917—1918 гг. (опубликован в 1928 г.), в «Возвращении» — в 1918—1920 гг. (1931), в «Черном обелиске» основные события развиваются в разгар инфляции 1923 г. (1956), в «Трех товарищах» — в конце двадцатых годов (1938). Таким образом, из четырех романов первые два появились в Веймарской республике, «Три товарища» также были написаны в основном в последние ее годы (завершение и опубликование задержались из-за прихода фашистов к власти), и лишь «Черный обелиск» вышел в свет через 33 года после описываемых в нем событий.

Учитель Гнус. Верноподданный. Новеллы. М., 1971; Манн Т. Непорядки и раннее горе // Собр. соч. Т. 8. М., 1960; Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой // Собр. соч. Т. 4. М., 1982; Фаллада Г. Что же дальше, маленький человек? У нас дома в далекие времена. М., 1983.

¹¹ Гофман К. Б. Голодающая Германия. М.; Пг., 1924; Ostwald H. Sittengeschichte der Inflation. Berlin. S. a.

¹² Antkowiak A. Op. cit. S. 7 ff.; Неделя, 1963, № 4.

Ремарк был не просто современником этих событий, но зачастую и прототипом героев своих произведений, во многом автобиографичных. Хотя, как и всякий литератор, он имел право на вымысел и пользовался им, но фон описываемых событий, быт и нравы веймарского времени мог и должен был — как современник — отразить без вымысла и со знанием дела. Сказанное относится и к «Черному обелиску»: хотя эта книга написана три десятилетия спустя, события того времени были чрезвычайно впечатляющи и четко запомнились автору. Вместе с тем следует учитывать, что события в «Черном обелиске» даны не просто реалистически, но — с высоты исторического опыта: это единственный роман, написанный после двенадцати кровавых лет фашистского господства, сквозь призму ненависти к нему, ко всему, что его породило и что напоминало его в политической жизни Западной Германии (не случайно наша печать оценила книгу как роман-протест против возрождения милитаризма и нацизма в ФРГ¹³).

Лучшие произведения писателя вызвали ожесточенную общественно-политическую борьбу. Антимилитаристский роман «На Западном фронте без перемен» Ремарку удалось опубликовать лишь после многих бесплодных попыток¹⁴. Он мгновенно разошелся в сотнях тысяч экземпляров¹⁵. Милитаристы же пытались умалить воздействие романа на общественное мнение, издавая в противовес ему книги реакционных писателей, прославляющие войну¹⁶.

Экономический быт города и деревни по Ремарку

В романе «Возвращение» перед нами предстает только что проигравшая войну Германия. Вчерашним солдатам нелегко найти работу, даже если они имели до войны профессию. Работодатели отказывают в месте и приобретенному в окопах ревматизм цирковому актеру (308), и отставшему от канцелярского дела конторскому служащему (247), и попавшему в черный список бывшему токарю (413).

¹³ Правда. 1962. 5 декабря; Литературная газета. 1962. 1 ноября.

¹⁴ Молодой Ремарк говорил в 1927 г. Броннену, что 12 издателей отказались печатать его книгу (Bronnen A. Op. cit. S. 172).

¹⁵ Eysck E. Geschichte der Weimarer Republik. Bd. 12. Erlenbach-Zürich; Stuttgart. 1956. S. 368.

¹⁶ Geschichte der deutschen Literatur. Bd. 10. S. 671.

Как бытописатель, Ремарк убедительно рисует характерные для первых послевоенных лет явления: страшный голод в городах («голодающие женщины до полусмерти избили хозяйку мясной лавки на углу»; 233); мешочничество голодающих горожан по окрестным деревням (302—306); относительное благополучие крестьян, особенно зажиточных, у которых к столу подаются «давно забытые» горожанами колбасы, окорока, белоснежный пшеничный хлеб (337); массовая спекуляция, которая развивается на базе постепенно набирающей силу инфляции (380—381, 412). Эти картины повседневной жизни, изображенные писателем, находят подтверждение в различных источниках¹⁷. Ремарк как бы противопоставляет в «Возвращении» спекулянтов, веселящихся, объедающихся и упивающихся в дорогих ресторанах (327), и изможденных от голода трудящихся горожан, которые питаются преимущественно репой, брюквой и другими дешевыми овощами (картофельные оладьи уже считаются деликатесом), кофе из желудей и чаем «из яблочной кожуры и уже с десятков раз заваренных и высушенных чайнок» (354). Страшны запечатленные писателем картины демонстрации калек и инвалидов войны, свидетельствующие о той «седой нужде», в которой живут участники демонстраций, их жены и бледные от голода дети (369).

Согласно «Возвращению» в первые послевоенные годы в одежде мужчин наблюдаются части солдатского обмундирования — куртки, брюки, шинели, фуражки, сапоги. В женской одежде после серых военных будней — тяга к ярким расцветкам, модны укороченные по сравнению с довоенным временем юбки и платья, шелковые чулки, характерные для двадцатых годов шлемообразные головные уборы. В это время в городах трудящиеся часто нуждаются в жилье (354, 377), не хватает для отопления угля (239), электричество начало входить в быт, но в домах простых горожан его еще нет (235), а в деревне обходятся керосиновой лампой даже в трактирах (214).

Действие романа «Черный обелиск» происходит в 1923 г. в небольшом городке. Мы оставили Германию начала 1920 г. в условиях нарастающей инфляции, в 1923 г. она достигает

---

¹⁷ Гофман К. Б. Указ. соч. С. 10, 13; Манн Г. Указ. соч. С. 596; Манн Т. Указ. соч. С. 128, 132; Пуглиц В. Указ. соч. С. 34, 38; Штейдле Л. Указ. соч. С. 82; Ostwald H. Op. cit. S. 78—79.

высшей точки и завершается. Бушующая в стране инфляция накладывает отпечаток на всю повседневную жизнь.

Хотя Ремарк часто приводит устами своих героев цифры, которые свидетельствуют о прогрессирующем обесценении марки, эти цифры отрывочны, не дают цельной картины и едва ли будут заимствованы у писателя историком-исследователем, имеющим в своем распоряжении более точные и систематизированные сведения в динамике¹⁸. Однако, как известно, статистические данные хотя и могут быть точны, но они сухи; художественная же литература (как и мемуаристика) как бы расшифровывает цифровые сведения, облекает их плотью и кровью, помогает понять, что кроется за, казалось бы, голой цифрой. Так, жизнь во время инфляции напоминает Ремарку лихорадящего больного; как видно из приведенного денежного курса, инфляция стала развиваться особенно быстро с августа-сентября 1923 г., Ремарк же образно говорит об этом так: «С осени скоротечная чахотка немецкой марки развивается с удесятенной силой» (700).

Инфляционная ситуация не согласуется с представлениями нормального времени. Ремарк помогает нам ощутить эту атмосферу, понять, как население постигало «закон инфляции»: при постоянном обесценивании марки надо «как можно скорее перевести деньги в реальные ценности» (702). Заработную плату стремятся истратить еще до истечения дня полочки, во время обеденного перерыва (626). Даже нищие, получив подавание, «тут же исчезают, ибо дорожат каждой минутой: за один час стоимость супа могла уже подняться на несколько миллионов марок» (699—700).

На конкретных примерах Ремарк показывает механизм перераспределения ценностей в эпоху инфляции. В нищете живут трудящиеся, чья зарплата не поспевает за ростом цен, в нищих превращаются пенсионеры и инвалиды с твердыми, но реально обесценивающимися пособиями, в макулатуру превращаются вклады в сберкассах, зато обогащаются спекулянты, получающие кредиты и возвращающие их спустя некоторое время в обесцененных деньгах (434—436)¹⁹.

¹⁸ Курс доллара в Берлине в 1920—1923 гг. менялся в марках так: 2 января 1920 г. — 49; 2 января 1922 г. — 186, 75; в 1923 г. на 2 января — 7260, 2 июля — 160 тыс., 1 августа — 1,1 млн, 1 ноября — 130 млрд, 1 декабря — 4,2 билл (Dollar-Kurs in Berlin. Goldmark. Reichsindexziffern, 1920—1923. Angaben ohne Gewähr. Berlin. S. a. S. 3, 7, 11, 15—18).

¹⁹ Достоверность доходчиво разъясненного Ремарком механизма инфляции подтверждается воспоминаниями Путлица о методах обогащения Стиннеса-младшего (Путлиц В. Указ. соч. С. 56).

Положение масс в разгар инфляции — тяжелейшее. Хотя победители давно уже сняли экономическую блокаду, в 1923 г. вновь учащаются случаи голодной смерти, от которых не спасают рекламируемые с немецкой деловитостью «новые рецепты по использованию кухонных отходов» (581); впрочем, спекулянты в ресторане за просто подают в ведерке со льдом шампанское, которое стоит «столько, сколько получает на себя и на семью безногий инвалид войны» (627). По сравнению с первыми послевоенными годами ошутимы изменения в одежде, резко социальные контрасты. Понемногу исчезло солдатское обмундирование, но нередко на бывшем солдате — перешитый и перекрашенный, обычно в черный цвет, старый мундир. Спекулянты щеголяют в обществе в шелковых сорочках, лакированных туфлях, носят дорогие перстни и булавки с драгоценными камнями на галстук, их жены и «подруги» — в натуральных мехах и драгоценностях. Бытовые условия по сравнению с первым послевоенным временем несколько улучшились. Увеличилось количество газовых плит (614), у зажиточных домохозяек имеются пылесосы (527), хотя телефон еще редкость (730). Городской транспорт состоит преимущественно из трамваев, массовым средством передвижения является велосипед, автомобилем становится больше, но пока ими владеют лишь очень богатые люди (491, 590).

Определение места, и особенно времени действия, в романе «Три товарища» представляет известные трудности, но оно важно для выяснения его источниковой ценности. Автор не называет город, где происходят основные события, но по многочисленным деталям (201, 294—296, 353) можно предположить, что это Берлин. Сложнее установить точное время действия в романе из-за имеющихся в нем противоречий между формальной и фактической сторонами. Действие в нем как будто происходит с марта 1928 по март 1929 г. (6, 20), и известно, что 1928 год был еще годом временной стабилизации капитализма: несмотря на симптомы надвигающегося кризиса, только с 1929 г. «кривая выпуска продукции пошла неуклонно вниз»²⁰. Но в романе кризис в разгаре: пользуясь правом не вымысел, Ремарк хронологически сместил

---

²⁰ Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 137.

события, хотя изобразил их, как увидим ниже, исторически достоверно²¹.

Кризисные явления, которые являются фоном «Трех товарищей», и их влияние на экономический быт населения, преимущественно служащих и мелких буржуа, Ремарк показывает очень реалистично: банкротства предприятий и учреждений (23, 335), распродажа с аукциона жалкого имущества маленьких людей (119), добровольное переселение служащими на работу из-за страха потерять место (89), массовые самоубийства — отравляются газом целые семьи, включая детей (282). Отчаявшихся найти работу людей (теперь за каждым увольнением «зияла пропасть вечной безработицы»; 22) можно встретить с последними пфеннигами у ипподромного тотализатора — а вдруг повезет! (259), в музеях, особенно зимой, — топят! (275—276), сидящими прямо на тротуаре перед кинотеатром или магазином в надежде на подачку (28—29). Подтверждение подобным «занятиям» мы находим и в других источниках²².

«Три товарища» ярче других романов рисуют образ жизни определенной части немецкого общества, в основном «потерянного поколения»: режим питания, включая употребление спиртных напитков²³, одежду, моду, жилье, пользование бытовыми услугами и т. п. Ремарк показывает, что в конце двадцатых годов немцы в целом питаются гораздо лучше, чем в послевоенные годы. В рационе значительно больше мяса, притом не конины как в годы инфляции, а свинины в разных видах и др. Кондитерскими изделиями не злоупотребляют (забота о талии входит в быт), но алкогольные напитки наряду с соками продаются в широком ассортименте. По роману Ремарка можно судить преимущественно о режиме питания холостых служащих: так как начало работы в 8, то завтракают в 7 утра, на службе обедают в час дня, ужин-

---

²¹ Многие критики относят действие романа к 1932 г., и хотя такая дата противоречит написанному автором и неизвестно откуда взялась, в принципе они фактически правы (Девекин В. Н. Не сгоревшие на костре. М., 1979. С. 119; Antkowiak A. Op. cit. S. 82).

²² См.: Фаллада Г. Указ. соч. С. 329; Путлиц В. Указ. соч. С. 100.

²³ Чрезмерная склонность героев Ремарка к алкоголю вызывает сомнение в правдивости автора, но подтверждается и Э. Хемингуэй (Хемингуэй Э. Указ. соч. С. 495).

нают после работы, заканчивающейся обычно в 5 часов полудни (4, 82, 175).

Завтракают дома, обедают и ужинают зачастую в общественных местах. В городе и за городом имеются в изобилии рестораны, кафе, трактиры, кабаки, пивные, закусовые, кондитерские, бары — небольшие обслуживают клиентов на семейных началах. Вечерами они заполнены до отказа, днем в будни посетителей немного, переполненное днем кафе вызывает удивление (35, 66, 162). По вечерам здесь организуются встречи и собрания, причем определенного политического толка, так что, например, попавший в заведение с прогрессивной клиентурой фашиствующий молодчик вынужден быстро из него убраться.

Рассказывает Ремарк и о традиционном немецком порядке в городском быте, где возникли и новые стороны. Ранним утром в тихом городе уже поливают улицы, специальные фургоны развозят молоко, а посыльные на велосипедах — свежее булочки к утреннему кофе, неизменно любимому напитку немцев и в веймарские времена; рано появляются на работе уборщики, разносчики газет, ищущие клиентов таксисты. Жизнь большого города затихает далеко за полночь (116, 117, 264).

В городском хозяйстве и транспорте много автомашин разных марок и различного назначения: автобусов с кондукторами, почтовых автомобилей, автокатафалков, грузовиков, такси, причем таксисты зачастую — владельцы своих машин. В часы пик автомашины, как и трамваи, движутся сплошным потоком. В конце двадцатых годов значительно увеличилось и число телефонных аппаратов: они в большинстве учреждений, на квартирах состоятельных лиц; на улицах имеются телефоны-автоматы, существуют даже модные дансинги «с телефонами на столиках», хорошо работает междугородный телефон (20, 216, 222, 306). Широко развита реклама товаров: объявления в прессе, присылаемые на дом рекламные проспекты, радиореклама, кинореклама, световая цветная реклама на улицах.

Ремарк убедительно показывает, что как ни тяжело в годы кризиса положение трудящихся, оно все же лучше, чем в период инфляции; реалистическая и правдивая картина, нарисованная писателем, подтверждается новейшими исследованиями²⁴.

²⁴ K u s z y n s k i J. Op. cit. S. 261—262 u. a.

Компоненты культуры в быте населения по романам Ремарка

Все четыре анализируемых романа Ремарка в какой-то степени раскрывают тему «потерянного поколения». Прежде всего это касается «На Западном фронте без перемен» и «Возвращения», в меньшей мере «Трех товарищей» и совсем мало — «Черного обелиска». Поэтому, говоря о культуре в быте населения по произведениям Ремарка, мы будем иметь в виду прежде всего «потерянное поколение». Уходившее на фронт зачастую добровольно, оно вернулось домой опустошенным, не верящим ни прежним идеалам, ни прежним учителям²⁵. Отрицание буржуазной культуры, которая не спасла мир от ужасов мировой войны, характерно для романов Ремарка о веймарском времени. Накопленные человечеством духовные ценности как бы «устаревают». Свое неприятие мира, в котором они вынуждены жить, бывшие солдаты переносят не только на людей, но и на литературу, прессу, театр (ведь они тоже были их воспитателями!). «Театры, концерты, книги — я почти утратил интерес ко всем этим буржуазным привычкам», — сказано в «Трех товарищах» (154).

Зачитывавшиеся в юности немецкой классикой, теперь они вовсе не берут в руки книг. Усердное штудирование литературы одним фронтовиком — исключение, оно вызывает удивление его товарищей. Бывший библиоман превращается в спекулянта водкой; он распродает свою библиотеку, причем никого не смущает его достойное варвара замечание, что обтянутые кожей томики классика лучше всего сбыть сапожникам, так как «сейчас острый голод на кожу» (Возвращение, 263, 300). Многие спранные «Черного обелиска» посвящены литературе, но они выдержаны в гротескно-сатирических тонах, характеризуют не столько сюжет, сколько отношение Ремарка к сюжету, и только с этой стороны имеют источниковую ценность.

Из романов Ремарка (кроме первого) вытекает, будто пресса не играет сколько-нибудь значительной роли в жизни молодежи (да и не только ее). Надо полагать, что в этом сказалась жизненная позиция самого автора и что место

---

²⁵ Представитель американской «потерянной молодежи» Э. Хемингуэй тоже испытал нечто подобное: «В те дни мы не доверяли людям, которые не побывали на войне, а полностью мы вообще никому не доверяли...» (Хемингуэй Э. Указ, соч. С. 449).

периодической печати в жизни немецкого населения изображено Ремарком в этих романах неточно: в действительности она уже давно была неотъемлемой частью быта почти сплошь грамотной Германии. Сам же Ремарк в романе «На Западном фронте без перемен» показывает, что немецкие солдаты, в том числе и из крестьян, получают и, если позволяет обстановка, сравнительно регулярно читают газеты даже на фронте (10, 66, 97). Из советских исследований известно, что Веймарская республика занимала 1-е место в мире по численности издававшихся газет и 2-е — по численности журналов, что тиражи веймарской периодики были в целом велики и «в среднем на каждые двух-трех жителей Веймарской республики приходилась одна газета»²⁶. В то же время Ремарком правильно изображено тяготение жителей немецкой провинции к местной газете (Черный обелиск, 490)²⁷, которое объясняется тем, что берлинские газеты почти не отражали интересовавшую этих жителей местную жизнь²⁸.

Более достоверен Ремарк, изображая немцев и в веймарское время музыкальным народом. Они любят музыку и пение, в хорах (в частности мужских) поют люди разных профессий, включая практирщиков и скотопрмышленников. Поют не только «Аргонский лес», «Три лилии» и другие солдатские песни (после войны минуло всего десять лет), но и Бетховена, выстроившись без всяких руководящих указаний по голосам от первого тенора до второго баса. В ресторане — оркестр, но даже в сравнительно скромном кафе есть и пианино, и штатный тапер, а в небольшом баре — патефон. Последний имеется даже в скромных по достатку домах, причем пластинки собирают по музыкальным пристрастиям. Слушают музыку и по входящему в быт радио.

Радио в 20-е годы начинает играть важную роль в жизни немцев как средство информации и идеологического воздействия. Мясникам на бойне, выведенным в «Черном обелиске», очень импонируют истеричные речи, в том числе переданные по радио, фашистского главаря, который «знает все!». Однако радио еще не имело широкого распространения, особенно в начале десятилетия, и если Ремарк не выделяет его место в культурной жизни немцев того времени, то это с фактиче-

²⁶ Биск И. Я. Пресса Веймарской республики // Источниковедческие работы. Вып. 2. Тамбов, 1971. С. 107—108, 110.

²⁷ Подтверждается другим источником: Фаллада Г. Крестьяне, бойцы и бомбы. М., 1984. С. 24, 132 и др.

²⁸ Биск И. Я. Указ. соч. С. 123.

ской точки зрения оправданно. Радио — дитя 20-х годов²⁹, когда оно постепенно входило в быт населения: еще в 1924 г. число радиослушателей в Германии едва достигало 10 тыс., а в 1929 г. уже было зарегистрировано более 2,5 млн. радиоприемников³⁰. В конце 20-х годов, как показывает Ремарк в «Трех товарищах», даже не слишком состоятельные лица подчас имеют портативные радиоприемники.

Как и радио, кино начинает входить в моду в Германии лишь после первой мировой войны. Ремарк упоминает о нем нечасто и, в соответствии с исторической правдой, не в ранних романах, а в «Трех товарищах» — применительно к концу 20-х годов. Кино доступно, хотя билеты не так уж дешевы («это не дороже, чем посидеть час-другой в кафе»; 22). Из многих его тематических направлений веймарских лет Ремарк глухо упоминает об эротико-порнографических и авантюрно-приключенческих фильмах, которые действительно процветали, хотя отнюдь не были единственными (276)³¹. Не рисует он и внешнюю обстановку немецкого кинотеатра тех лет, которую мы находим, например, в нашумевшем романе А. Дёблина, где действие происходит также в 1928 г.³² О театре Ремарк почти не говорит, но показывает, что зрителями были люди богатые (Три товарища, 154).

Согласно Ремарку, — и это подтверждается многими источниками — спорт в Веймарской республике очень популярен, в частности, бокс, стрельба, скачки, другие виды. Новое массовое увлечение 20-х годов — автогонки³³, в которых заинтересованы не только спортсмены, но и рекламирующие свою продукцию автомобильные фирмы; гонщиками являются и любители, часто весьма состоятельные люди, и профессионалы (Три товарища, 7, 10—11, 101—103).

Сразу же после войны очень популярными стали танцы — уанстеп, бостон, танго, начал входить в моду фокстрот, по-прежнему любим вальс. Увлекаются ими повсеместно, в за-

²⁹ Dovifat E. Publizistik der weimarer Zeit: Presse, Radio, Film// Die Zeit ohne Eigenschaften: Eine Bilanz der zwanziger Jahre. Stuttgart, 1961. S. 131.

³⁰ Острогорский В. М. Правда против лжи: Московское радио в немецком эфире, 1917—1980 гг. М., 1982. С. 23—25.

³¹ Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. М., 1977.

³² Дёблин А. Берлин Александерплац. М., 1961. С. 43.

³³ Не расходясь с Ремарком, о них обстоятельно повествует в своих воспоминаниях гонщик-рекордсмен М. фон Браухич (Браухич М. фон. Без борьбы нет победы. М., 1973).

висимости от социального положения посещая то демократические танцплощадки, то дорогие дансинги, и в течение всех веймарских лет. Объясняющееся рядом причин танцевальное поветрие подтверждается другими современниками³⁴.

Нравы, духовная атмосфера эпохи по романам Ремарка

Пожалуй, можно сказать, что Ремарк рисует нравственно-психологическую и духовную атмосферу веймарского времени в двух — хотя и переплетающихся — аспектах: один аспект — нравственный облик отдельных слоев населения, второй — временные особенности этой атмосферы. Остановимся сначала на первом из них.

Немногочисленны у Ремарка данные о звериных нравах капиталистического строя в целом, в частности о средних предпринимателях, жителях деревни, о деклассированных городских низах³⁵; почти ничего нет о рабочих. Больше всего сведений о таких разноплановых социальных слоях, как «потерянное поколение» и мелкобуржуазные обыватели.

Автобиографичная тема «потерянного поколения» пронизывает романы Ремарка. Едва ли не самый глубокий след война оставила в душах молодых людей, ушедших на фронт со школьной скамьи. Уже на фронте они поняли лживость общества, навязавшего им прежние идеалы. «...Нас просто предали. Говорилось: отечество, а в виду имелись захватнические планы алчной индустрии; говорилось: честь, а в виду имелась жажда власти и грызня среди горсточки тщеславных дипломатов и князей; говорилось: нация, а в виду имелся зуд деятельности у господ генералов, оставшихся не у дел. Слово «патриотизм» они начинили своим фразерством, жадой славы, властолюбием, лживой романтикой, своей глупостью и торгашеской жадностью, а нам преподнесли его как лучезарный идеал» (На Западном фронте без перемен, 365). Но, по Ремарку, даже эти идеи не приводят «потерянную» молодежь к мысли о необходимости революционной борьбы; она невыносимо устала, и сил бороться у нее больше нет. «Травмированные высокой ложью буржуазной политики, герои Ремарка свою боязнь быть обманутыми, свой насто-

³⁴ В частности, много внимания ему уделено в книге: Ostwald H. Op. cit. S. 147, 150 и. а.

³⁵ Хотя роман современника Ремарка А. Дёблина «Берлин Александерплац» написан в стиле экспрессионизма, он по духу соответствует тому, что писал об этом слое Ремарк.

женный скептицизм переносят вообще на высокие идеалы и цели человечества»³⁶. Ремарк показывает, что и через десятилетие после окончания войны основная часть «потерянной» молодежи не нашла себя, у большинства так и не появилось занятия по душе, некоторые спились — это старики без желаний и стремлений. В «Трех товарищах» пожилая женщина так определяет «потерянное поколение»: «Прошлое вы ненавидите, настоящее презираете, а будущее вам безразлично» (152). Лишь один из героев этого романа приходит к политической борьбе, остальные же считают, что «это слишком глупо» (137).

Видимо, Ремарк слишком расширительно показывает и трактует нравы «потерянной» молодежи, но что они были присущи не только большей части восьмимиллионной армии бывших фронтовиков — не подлежит сомнению; между тем пассивность основной массы тех, кого в начале 20-х годов называли «потерянным поколением», — одна из причин, позволивших фашистам прийти к власти.

Обстоятельны у Ремарка сведения о нравах и психологии тех самых мелкобуржуазных слоев населения, которые составят массовую базу фашизма³⁷. Писатель неутомим в раскрытии традиционных черт городских и сельских обывателей. Это лицемерие и ханжество (из честолюбивых побуждений заказывают памятники нелюбимым людям, для выражения мнимого сочувствия вызывают в нужный момент всхлипывания и слезы) (Черный обелиск, 62, 415, 570). Это отнюдь не безобидная страсть к сплетням³⁸, предусматривающая подсматривание и подслушивание и перерастающая в добровольное доноительство властям, которое пышно расцветет при фашизме (Там же, 683). Это неразборчивость в средствах (преследуя материальные выгоды, не стесняются демонстрировать мускульную силу некоей части своей сожительницы; Там же, 493—494). Это травля беззащитных, подчас перерастающая в садизм и продолжающаяся до гибели жертв, и одновременно трусость при получении отпора (в «Возвращении» односельчане затравили согрешившую солдатку, а са-

³⁶ Фрадкни И. Указ. соч. С. 97.

³⁷ Еще до Ремарка в художественной литературе процесс «перемонтировки» маленького человека в нациста показал Б. Брехт в пьесе «Что тот солдат, что этот».

³⁸ «...Мелкобуржуазное сознание предрасполагает к восприятию и распространению различных слухов» (Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии: организация, идеология, методы. М., 1984. С. 11).

дист злобно издевается над матерью безногого калеки; 374—375). Это нежелание думать и стремление жить эмоциями, страх перед ответственностью и необходимостью принятия решений, которые сочетаются с безграничным чинопочитанием и безусловным выполнением приказов (голодные мешочки, которым солдаты вернули с большим трудом добытые, но отобранные жандармами продукты, перепуганы: «страх перед полицейским мундиром проник им в плоть и кровь»; Там же, 306. «...На приказы мы реагируем тут же — эта способность уже в течение веков засела в нашей крови», поэтому меднолобых обывателей можно «вновь и вновь гнать на войну. Ничто их не в состоянии вразумить, они родились «руки по швам» и гордятся тем, что так и умрут»; Черный обелиск, 518, 540).

От произведения к произведению изображение Ремарком традиционных нравственных устоев немецкого мещанина становится все более жестким, порой достигая в «Черном обелиске» гротескных форм. Если в «Возвращении» Ремарк только мельком показывает готовых выполнять любые приказы «настоящих немцев» (400—401), то в «Черном обелиске» перед нами «взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа³⁹, жаждущий сильной личности, которая избавит его от необходимости думать и принимать решения, а заодно — и от тягот грабительского и унижительного Версальского мира.

Ремарк рисует не только традиционные и вновь возникшие элементы нравственно-психологического облика некоторых слоев германского населения, но также духовную атмосферу в стране — общую для всех лет республики и характерную лишь для какого-то ее временного этапа.

Общая для всех четырнадцати республиканских лет черта духовного быта — висящее в воздухе ощущение неуверенности, временности, ожидания перемен в угнетенной грабительским мирным договором стране. Другая общая черта атмосферы веймарского времени — политизация очень многих сторон общественной жизни («после войны люди стали ходить на политические собрания, а не в церковь», — пишет Ремарк в «Трех товарищах», несколько утрируя атеизм послевоенных немцев и перенося на них некоторые черты, присущие лишь «потерянному поколению»). Характерной особенностью этой политизации является пропитывающая всю вей-

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.

марскую атмосферу борьба республиканской и монархической идей. Монархические взгляды насаждаются школьными учебниками, которые повествуют о царствованиях и войнах «даже самых незначительных князьков» (Возвращение, 341). Их носителями и пропагандистами являются кайзеровские офицеры, ранее воевавшие против Ноябрьской революции, а теперь подстрекающие к избиению тех, кто не желает петь в республике кайзеровский гимн, и к убийству тех, кто осмеливается вывешивать не старый черно-бело-красный, а республиканский черно-красно-золотой флаг. Ненавидят республику и судьи, с кайзеровских времен сохранившие свои должности (Возвращение, 404; Три товарища, 333). Исторически правдив вывод Ремарка: «Если политическое убийство совершается справа, это считается делом почетным, и тогда принимается во внимание множество смягчающих обстоятельств. У нас республика, но судей, чиновников и офицеров мы в полной неприкосновенности получили от прежних времен. Чего же ждать от них?» (Черный обелиск, 508). Герои Ремарка хорошо знают, чего им ждать от этих «милостивых» к реакционерам судей (предельно жестких при вынесении приговоров левым), и для наказания убийцы-нациста они вынуждены прибегнуть к самосуду.

На этом общем для веймарского времени морально-психологическом фоне выделяются особенности атмосферы отдельных ее периодов.

В романах «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение» передана атмосфера, в которой рождалась Веймарская республика: поражение в войне и революционные бои. Ремарк показал, что с лета 1918 г. смертельно усталые немецкие солдаты, потери которых на фронте не восполнялись в условиях непрерывного наращивания вражеских сил, понимали, что война проиграна, и жили одной мыслью — страстным стремлением к миру (На Западном фронте без перемен, 180; Возвращение, 205, 266). Ремарк реалистично передает некоторые детали борьбы на улицах во время Ноябрьской революции (Возвращение, 240), средствами художественного изображения подчеркивает ее действительно имевшие место половинчатость и незавершенность (Там же, 340).

В первые послевоенные годы Ремарк особенно часто отмечает в атмосфере страны лихорадочное веселье и танцевальное поветрие, которые так понятны после гнетущих ограничений военного времени и с помощью которых стремятся

забыть о поражении и его грядущих последствиях, об экономических неурядицах и голоде. В эти послевоенные годы на мироощущение всех слоев населения оказывает кардинальное влияние инфляция, особенно во время своего апогея в 1923 г., когда жизнь приобретала черты иллюзорности и неправдоподобия, когда вчера еще обеспеченный пенсией или сбережениями человек в результате падения курса превращался в нищего. Быт и нравы так называемых «золотых лет» Веймарской республики в творчестве Ремарка отражения не нашли.

Атмосфера второй половины 20-х годов, особенно последних четырех лет республики, в значительной мере определялась хронической и притом растущей безработицей. Она не только ухудшала экономическое положение лишившихся работы и даже получавших пособия людей, но отрицательно сказывалась на их морально-психологическом состоянии. Неужный обществу человек начинает чувствовать себя «недо-человеком». «Их вышвырнули за борт, лишили работы, отняли все, к чему они стремились», им было трудно «не впасть в оцепенение, спастись от отчаяния»⁴⁰; постоянный страх увольнения дамокловым мечом висит и над еще работающими: «Вы только представьте себе — в моей конторе уволили еще двоих. Следующим буду я. Вот увидите!» (Три товарища, 275—276, 22).

На моральный климат времени экономического кризиса влияла не только безработица, но и острая политическая борьба, переросшая в политический террор, и бои на улицах. Как говорит писатель, «ежедневная стрельба заменила концерты». Это было настолько характерно для тех лет, что даже избегавший политики Ремарк не мог хотя бы частично не отразить ее — в меру своего понимания событий — в «Трех товарищах», особенно в картинах предвыборных собраний, убийства фашистом одного из персонажей и ответных акциях его друзей.

Ремарк не называет партийность собраний, но раскрывает ее с помощью реалистических деталей и обобщающих образов. Нацистское собрание: рекламный антураж — лес знамен и значков, оркестр, очень молодые люди в униформах у входа в зал (боевая сила), а в нем — «бухгалтеры, мелкие ремесленники, чиновники, несколько рабочих и множество

---

⁴⁰ Это ощущение выброшенности из жизни, показанное Ремарком, подтверждается, например, и Г. Фалладой в романе «Что же дальше, маленький человек?» (с. 138, 143 и др.).

женщин», хорошо усвоивший технику публичного выступления оратор, всем все обещающий, оплеывающий веймарскую систему и прозрачно призывающий к ее свержению («так дальше продолжаться не может! Это должно измениться!»). Собрание СДПГ: «Другие знамена, другая униформа, другой зал, но в остальном все было одинаково (сути партийных разногласий Ремарк не касается. — И. П.). На лицах то же выражение неопределенной надежды, веры и пустоты. Перед рядами стол президиума, покрытый белой скатертью... Оратор чиновничьего вида был слабее предыдущего. Он говорил суконым немецким языком, приводил цифры, доказательства; все было правильно и все же не так убедительно, как у того, хотя тот вообще ничего не доказывал, а только утверждал». Далее наци срывают собрание КППГ, и возникает драка: «Все были вооружены ножками от стульев и пивными кружками; они дрались, ожесточенно вцепившись друг в друга»; побонще прекращает прибывшая полиция.

Архивные документы, статистика, пресса и даже иногда мемуары могут дать сведения о точном месте и времени определенной схватки, количестве убитых и раненых и т. д., Ремарк же передал соответствующие действительности яркие бытовые детали и общую атмосферу времени, и именно в этом историческое значение его романов.

Как источники по истории быта и нравов Веймарской республики рассматриваемые романы Э. М. Ремарка в большинстве случаев — при сравнении с другими источниками — выдерживают проверку на историческую правдивость; не противоречат они также материалам новейших марксистских исследований. Эта достоверность объясняется: хорошим знанием жизни и наблюдательностью писателя-фронтовика, сменившего в веймарские годы ряд профессий; частой автобиографичностью его романов; созданием трех из них в веймарское время либо на небольшом временном отдалении; твердой склонностью к описанию с позиций реализма и неподверженностью модным тогда и способствовавшим нарушению жизненной правды литературным стилям, особенно экспрессионизму. Из четырех романов наибольших критических усилий при использовании в качестве источников требует «Черный обелиск», созданный через три десятилетия после исчезновения характеризуемого в романе исторического фона, притом с частым применением сарказма и гротеска; вместе с тем чрезвычайность инфляционной атмосферы 1923 г. способствовала хорошему ее запоминанию писателем.

Произведения Ремарка дают представление о быте и нравах мелкой буржуазии и средних слоев, в художественной форме разъясняя путь многих их представителей к фашизму, особенно же глубоко характеризуют психологию «потерянного поколения». Романы позволяют ощутить общую атмосферу веймарской эпохи и особенности атмосферы отдельных периодов истории Веймарской республики — первых послевоенных лет и времени мирового экономического кризиса.

К недостаткам романов Ремарка как источников по истории повседневной жизни веймарской Германии следует отнести: отсутствие систематической картины быта и нравов, сведения о которых излагаются спорадически и подчас неполно; вытекающие из немарксистских представлений писателя неточности при описании политической атмосферы. Нравы «потерянного поколения» подчас трактуются расширительно и распространяются на другие слои населения; мало материалов о повседневной жизни крупных дельцов и крестьян, почти ничего — о рабочих; вообще отсутствует описание быта и нравов второй половины двадцатых годов — так называемых «золотых лет» республики.

Не внося принципиально новых черт в картину повседневной жизни населения Веймарской республики, романы Э. М. Ремарка обогащают ее достоверными деталями и делают более убедительной и впечатляющей.

Л. Б. СОКОЛОВСКАЯ

(Читинский педагогический институт)

РАЗВИТИЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА КОММУНИСТАМИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

История возникновения и развития антиколониальных традиций немецкого рабочего класса пока не написана. Поэтому предпринятое в настоящей статье¹ исследование теории

¹ К ней примыкают другие статьи Л. Б. Соколовской. См., например: Соколовская Л. Б. Некоторые вопросы антиколониальной пропаганды и агитации немецких коммунистов // Бахрушинские чтения, 1974. Новосибирск, 1974; Она же. Об участии немецкой интеллигенции в антиколониальном движении в годы Веймарской республики (1925—1932) // Бахрушинские чтения, 1976. Новосибирск, 1976; Она же. О солидарности немецких коммунистов с китайской революцией 1925—1927 гг. // Народы Азии и Африки. 1976. № 2. (Примеч. ред.)

и практики антиколониальной борьбы КППГ в 1919—1933 гг. актуально и имеет не только академическое значение. При ее написании использованы материалы конгрессов Коммунистического Интернационала и пленумов его Исполнительного комитета, произведения лидеров и функционеров КППГ, протоколы съездов КППГ и СДППГ, периодика КППГ и другие источники.

Коммунистическая партия Германии рассматривала антиколониальную деятельность как важный участок антиимпериалистической борьбы и в национально-освободительном движении видела союзника. Свою антиколониальную работу партия проводила в сложных условиях: лишенный Версалем колоний, германский империализм вел неокониалистскую политику и пропагандировал колониальный реваншизм; особые условия Веймарской республики благоприятствовали распространению националистических идей; правительственные преследования КППГ в течение ряда лет осложнялись внутривластной борьбой; ставшая партией веймарской коалиции, СДППГ подчас солидаризовалась с правительственным курсом в колониальном вопросе.

КППГ вела антиколониальную деятельность в нескольких направлениях: теоретическая работа по национально-колониальному вопросу; антиколониальная пропаганда и агитация; организация массовых кампаний солидарности с борющимися за национальное освобождение народами; работа в массовых международных организациях, поддерживавших национально-освободительные движения; борьба с колониальным реваншизмом и неокониализмом господствующих классов, а также критика реформистско-профсоюзных позиций в этом вопросе.

В своей антиколониальной борьбе КППГ опиралась на накопившийся у революционных немецких рабочих опыт. У истоков антиколониальных традиций стояли первые пролетарские революционеры, эти традиции были развиты на качественно новой основе К. Марксом и Ф. Энгельсом, а их взгляды в основном были восприняты левым крылом СДППГ в конце XIX — начале XX в.

К моменту создания «Союза Спартака» наиболее последовательные германские левые социал-демократы безоговорочно признавали право наций на самоопределение. Они рассматривали колониальную экспансию как органическую составную часть эксплуататорской внутренней и внешней политики германского правительства, связывали критику

колониальной политики кайзеровского правительства с критикой буржуазного строя в целом. Разъясняя массам неразрывную связь колониальной политики с ростом милитаризма и реакции, с наступлением буржуазии на жизненные права рабочих, левые подчеркивали разлагающее действие, которое оказывали колониальная пропаганда и колониальные захваты на рабочий класс, на всю нацию в целом и на молодежь в особенности, и делали вывод о глубоко антинациональной сущности колониальной политики правящих классов Германии, как и других стран. Они настаивали на необходимости широчайшей антиколониальной пропаганды и агитации, требовали от руководства партии поднять массы против колониальных авантюр германского правительства. Наиболее последовательные из них, в частности К. Либкнехт, понимали необходимость объединения усилий колониальных и зависимых народов и пролетариата индустриальных стран в борьбе против империализма².

Вместе с тем КППГ предстояло преодолеть существенные недостатки в антиколониальной теории и практике немецких левых, прочно укрепиться на марксистско-ленинских принципах в национально-колониальном вопросе. II конгресс Коминтерна (1920 г.), принявший ленинские тезисы по национально-колониальному вопросу, помог КППГ увязывать теоретические принципы с освещением положения народов колониальных и зависимых стран и оказанием помощи им. Завершению этого процесса содействовали требования V расширенного пленума Исполкома Коминтерна (1925 г.) ускорить большевизацию партии, порвать с беззаботностью и нигилизмом в национальном вопросе, с прежними уступками «великодержавной точке зрения господствующей национальной группы, которые принесли партии немало вреда»³. С 1925 года немецкие коммунисты твердо руководствовались марксистско-ленинскими принципами в организации антиколониальной работы, сами принимали участие в разработке документов Коминтерна по национально-колониальным проблемам. Так, в выступлениях на VI конгрессе Коминтерна эти проблемы затронули 12 немецких делегатов, в том числе

---

² Либкнехт К. Избранные речи, письма, статьи. М., 1961. С. 173.

³ Расширенный пленум Исполкома Коминтерна, 21 марта — 6 апреля 1925 года. М.; Л., 1925. С. 516.

Э. Тельман, Э. Шнеллер, В. Ульбрихт, В. Флорин, Г. Дункер⁴.

Разработка немецкими коммунистами теории национально-колониального вопроса велась по трем основным направлениям: проблема движения солидарности с народами колониальных и зависимых стран, отдельные проблемы национально-освободительных движений, национальный вопрос в Германии.

Исследуя проблемы движения солидарности немецкого пролетариата с национально-освободительной борьбой народов колониальных и зависимых стран, КППГ обосновывала ее объективную закономерность. Для немецких коммунистов это было тем более важно, что послеверсальская Германия не имела колоний, и поэтому у отдельных членов партии подчас проявлялись изоляционистские настроения. Осуждая их, КППГ указывала, что национально-освободительное движение является составной частью мирового революционного процесса, событием всемирно-исторического значения. Следовательно, немецкий пролетариат и его авангард — коммунисты не могут оставаться в стороне от него⁵. Антиколониальная борьба, подчеркивали коммунисты, является неотъемлемой составной частью борьбы против империалистической буржуазии собственной страны. Германский империализм — один из главных отрядов международного империализма, он основной противник рабочего класса и всех трудящихся Германии и злейший враг народов Востока. Поэтому для эффективного противодействия ему необходимо тесное сотрудничество немецкого пролетариата с народами, борющимися за национальную независимость, так как эта борьба имеет антиимпериалистический характер. Для установления и укрепления такого сотрудничества немецкие рабочие должны иметь программу действительной помощи народам, борющимся против колониальных поработителей, и лично участвовать в акциях практической солидарности с ними⁶. Эти акции одно-

---

⁴ См.: Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. I—V. М., 1929. Всего в состав делегации КППГ на VI конгрессе Коминтерна входили 25 делегатов с правом решающего и 6 — с правом совещательного голоса.

⁵ Bericht über die Verhandlungen des 10. Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion KJ). Berlin, 12.—17. Juli 1925—Berlin, 1926. S. 253.

⁶ Тельман Э. Избранные статьи и речи. Т. 1. М., 1957. С. 350—352.

временно — лучшее средство воспитания немецких трудящихся в духе пролетарского интернационализма, который является самым надежным противоводнем против реваншистских, милитаристских и расистских идей⁷. Таким образом, движение солидарности с колониальными и зависимыми народами необходимо дополняет антивоенную борьбу немецких рабочих⁸.

КПГ подчеркивала, что антиимпериалистический характер движения солидарности дает возможность объединить в его рядах рабочих различных политических и религиозных убеждений, значительное большинство нации. «Лозунг защиты китайской и всех колониальных революций в борьбе против империализма,—говорил Э. Тельман,—поможет коммунистам решить великую центральную задачу завоевания большинства пролетариата... мобилизации его на революционные массовые выступления для свержения собственной буржуазии»⁹. Кроме того, гуманные, справедливые цели акций солидарности с национально-освободительной борьбой народов создали благоприятные условия для формирования в стране единого антиимпериалистического фронта, так необходимого для решения насущных внутривнутриполитических задач¹⁰.

Среди вопросов национально-освободительных движений, в разработку которых внесли вклад немецкие коммунисты, основной была проблема единого антиимпериалистического фронта, складывавшегося в ходе борьбы народов колониальных и зависимых стран. Широкие возможности для ее обсуждения появились в 1925—1927 годах при анализе опыта и уроков китайской революции.

КПГ твердо поддержала курс Коминтерна на создание единого антиимпериалистического фронта в Китае и последовательно отстаивала этот курс от нападок троцкистов¹¹. По ряду вопросов единого антиимпериалистического фронта КПГ высказала суждения, справедливость которых подтвердилась в дальнейшем нашей исторической наукой. Во-первых, КПГ в состав такого фронта в Китае включала, кроме на-

---

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Schneller E. Arbeiterklasse und Wehrpolitik. Berlin, 1960. S. 153.

⁹ XI пленум Исполкома Коминтерна: Стенограф. отчет. Т. II. М., 1932. С. 193.

¹⁰ Die Rote Fahne. 1929. 19. Jan.

¹¹ См. статьи «Документы русской оппозиции» и «Троцкизм и китайская революция» в журнале: Die internationale. 1927. Н. 17, 19—20.

циональной буржуазии, рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции, названных в документах Коминтерна, также часть помещиков¹². Во-вторых, внимательно анализируя распад антиимпериалистического фронта в Китае и его причины, КППГ рассматривала этот распад как сложный диалектический процесс, начавшийся изменой Чан Кайши в апреле 1927 г. и завершившийся контрреволюционным перерождением уханьского правительства в июне того же года. Существование перехода уханьского правительства на контрреволюционные позиции КППГ видела в следующем: некоторые руководители левого гоминьдана встали на сторону средней буржуазии, предав интересы городской и деревенской бедноты¹³. КППГ утверждала: «Положение коммунистов о том, что революционная роль буржуазии в Китае принадлежит прошлому, касается только тонкой прослойки собственно буржуазии, как ее называл В. И. Ленин»¹⁴. Немецкие коммунисты решительно отвергали мысль о контрреволюционном перерождении мелкой буржуазии в Китае. Они указывали на складывавшиеся десятилетиями традиции революционной борьбы радикальных кругов китайской мелкой буржуазии и считали обязательным включение этой мелкой буржуазии в антиимпериалистический фронт, который предстоит возродить в будущем пролетариату Китая¹⁵. КППГ акцентировала внимание на тех сложных задачах по воспитанию и сплочению народных масс в единый фронт, которые стояли перед китайским пролетариатом и его партией. Теоретический орган партии журнал «Ди интернационале» предсказывал, что борьба за массы будет для КПК длительной и трудной и вынудит ее еще не раз пойти на временный союз с мелкобуржуазными партиями, выражавшими революционное брожение городской мелкой буржуазии и крестьянства¹⁶. Очень важно, считал журнал, чтобы китайские коммунисты не забывали в этой борьбе о популярности революционных принципов Сун Ятсена¹⁷.

Печать КППГ отмечала, что китайский пролетариат должен иметь в виду своих союзников — ремесленников, крестьян, студентов, мелких торговцев и при создании органов ре-

¹² Die Rote Fahne. 1927. 21. Apr.

¹³ Die Internationale. 1927. Н. 24. S. 779.

¹⁴ Ibid. Н. 20. S. 617.

¹⁵ Ibid. Н. 24. S. 770—771.

¹⁶ Ibid. Н. 20. S. 618.

¹⁷ Ibid. Н. 24. S. 770—771.

волюционно-демократической власти, с помощью которых он будет осуществлять руководящую роль в ходе будущей буржуазно-демократической революции. При этом КПК должна учитывать, что революционно-демократическая диктатура — это длительная историческая фаза, во время которой пролетариат укрепляет союз с крестьянством и мелкой буржуазией города и вырабатывает элементы своей будущей диктатуры. А во время создания органов революционно-демократической власти партии следует учитывать не только накопленный к этому времени опыт международного пролетариата, но и собственный опыт, полученный в ходе революции 1925—1927 годов¹⁸.

Разработку различных аспектов колониального вопроса КПК сочетала с защитой прав национальных меньшинств внутри Германии и с поисками возможностей освободить немецкий народ от унижительных условий Версальского договора. Пути решения комплекса этих задач КПК предложила в известной «Программе национального и социального освобождения Германии», принятой в августе 1930 года¹⁹.

Компартия Германии значительно обогатила опыт антиколониальной агитации и пропаганды, накопленный рабочим классом страны в течение XIX — начала XX века. Отметим то новое, что внесла КПК в агитационно-пропагандистскую работу. Это прежде всего многообразие форм и методов антиколониальной пропаганды и агитации. Выступления с парламентской трибуны дополнялись внепарламентской агитационно-пропагандистской деятельностью: использовались журналы, газеты, брошюры, листовки, митинги и собрания солидарности с народами, борющимися за национальную независимость, выступления агитпропгрупп, открытые дискуссии по национально-колониальным проблемам, индивидуальная агитационно-пропагандистская работа. Антиколониальная агитация и пропаганда партии была в значительной степени рассчитана на молодежь, на все ее возрастные группы, начиная с юных спартаковцев. Главная цель агитационно-пропагандистской деятельности партии заключалась в том, чтобы привлечь к активному личному участию в практических акциях солидарности с национально-освободительным движением народов Востока как можно больше рабочих разной политической ориентации и разного возраста. Немецкие

¹⁸ Ibid. Н. 16. S. 502—503.

¹⁹ Revolutionäre deutsche Parteiprogramme, Berlin, 1964. S. 119—128.

коммунисты вовлекли в активную агитационно-пропагандистскую антиколониальную работу большую группу представителей прогрессивной интеллигенции: известного актера и режиссера Э. Пискатора, писателей-антифашистов А. Голичера и Ф. Вольфа, выдающуюся художницу К. Кольвиц, мастера политического плаката и фотомонтажа Д. Хартфильда, экономиста А. Гольдшмидта и других.

Более последовательно, чем левая социал-демократия довоенного периода, боролась КПГ против колониальной пропаганды германской империалистической буржуазии. Немцы коммунисты разоблачали стремление последней отвлечь рабочий класс и всех трудящихся страны от глубоких внутренних противоречий, идеологически подготовить немецкий народ к реваншу за поражение в мировой войне. Конечные цели этой пропаганды — изоляция рабочего класса Германии от внутренних и внешних союзников, ослабление позиций национально-освободительных сил колоний и полуколоний²⁰.

КПГ вскрывала несостоятельность аргументации апологетов колониализма²¹. Немцами коммунистам, пожалуй, впервые в истории пришлось столкнуться с так называемой новой колониальной политикой, которую проводила в то время не имевшая колоний германская буржуазия. Последняя прикрывала свои экспансионистские планы утверждения об отсутствии у Германии империалистических целей и даже говорила о сходимости находившейся в неравноправном положении послеверсальской Германии с угнетенными колониями и полуколониями. КПГ разоблачала германский неоколониализм на конкретных проявлениях враждебной афроазиатским народам германской политики: преследовании египетских революционных эмигрантов в Берлине, разрешении вербовать немецких граждан во французский иностранный легион, действовавший в Марокко против восставших рифов, присоединении к Локарнскому пакту и к решению Вашингтонской конференции, участии Германии в мандатной комиссии Лиги Наций, поощрении колониальной пропаганды внутри страны, поддержке реакционных режимов типа режима Чан Кайши и др.

²⁰ Die Rote Fahne. 1926. 11. Dez.; 1927. 15. Apr.; 1929. 1. Mai;
Schneller E. Op. cit. S. 153.

²¹ Die Rote Fahne. 1926. 16. Juni, 4. Sept.; 1927. 13. März; 1928.
5. Febr., 5. Juli, 10. Sept.; 1929. 21. Aug.

Составной частью пропаганды и агитации КПГ была острая критика правого руководства СДПГ и АДГБ в колониальном вопросе. Коммунисты указывали, что вопреки положениям Гейдельбергской программы СДПГ, провозглашавшей право народов на самоопределение²², лидеры германской социал-демократии участвовали в пропаганде колониального реванша и в неоколониалистских мероприятиях своих правительств. Примеры такого участия — членство фракции СДПГ в межфракционном объединении рейхстага, имевшем целью ведение колониальной пропаганды, сотрудничество правых лидеров СДПГ в КОРАГ²³, поддержка идеи «коллективного колониализма»²⁴, единодушие между правительством и партийным руководством в политике по отношению к Китаю и др. Коммунисты критиковали СДПГ за отказ от единых действий с КПГ и близкими к последней организациями по налаживанию солидарности с национально-освободительным движением²⁵, возлагали на руководство СДПГ ответственность за ошибки II Интернационала в национально-колониальном вопросе²⁶. Однако следует иметь в виду, что на отношении КПГ к теории и практике германских социал-демократов сказались ошибки, которые во второй половине 20-х — начале 30-х гг. были у КПГ и Коминтерна в определении роли и места социал-демократии, результатом чего явились значительные перегибы в печатной и устной критике позиции СДПГ по данному вопросу.

Наиболее существенным вкладом КПГ в развитие антиколониальных традиций немецкого рабочего класса явилась организация массовых кампаний солидарности с национально-освободительной борьбой китайского народа. В период Веймарской республики было организовано три таких кампании: в 1925, 1927 и 1931—1932 годах.

---

²² Sozialdemokratische Parteitag in Heidelberg: Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz. Berlin, 1925. S. 10.

²³ Der Reichstag, 1924—1928. Vier Jahre kapitalistische Klassenpolitik: Handbuch der kommunistischen Reichstagsfraktion. Berlin, 1928. S. 73. КОРАГ—Колониальное рабочее общество, возникшее в 1925 г. в результате объединения более 30 существовавших в ту пору в Германии колониальных союзов и возглавлявшееся сначала бывшим губернатором Германской Восточной Африки Т. Зейтцем, а с 1930 г.—прежним губернатором Германской Юго-Западной Африки Г. фон Шнее.

²⁴ Sozialdemokratische Parteitag... S. 281—282.

²⁵ Die Rote Fahne. 1927. 15. Febr.; Für China, 1925, 6. Juni. H. 5. S. 4.

²⁶ Die Internationale. 1928, H. 16. S. 557.

В 1925 году развернулась кампания помощи бастующим китайским рабочим, начатая по призыву Коминтерна, опубликованному 7 июля 1925 года²⁷. К Коминтерну присоединились Исполком КИМа, Исполбюро Профинтерна, МОПР и Международная рабочая помощь²⁸. КПГ живо откликнулась на призыв Коминтерна, опубликовав воззвание от 21 июня 1925 года и приняв соответствующие решения на своем X съезде²⁹. Решения съезда требовали привлечь к движению солидарности широкие трудящиеся массы³⁰. Осуществить это требование партии удалось, действуя главным образом через Межрабпом, Центральный секретариат которого возглавлял известный немецкий коммунист В. Мюнценберг. Через Межрабпом компартия сумела осуществить руководство кампанией и установить тесный контакт с другими общественными организациями: Социалистическим Союзом, Лигой прав человека, Международной женской лигой за мир и свободу, Международным союзом жертв войны и другими. В движение включились профопозиция, Союз красных женщин и девушек (председатель К. Цеткин), Союз красных фронтовиков, Коммунистический союз молодежи Германии. К акциям солидарности КПГ привлекла выдающихся деятелей культуры: Р. Кучинского, К. Кольвиц, О. Нагеля, Д. Хартфильда, Г. Дункера, Р. Рубен, Э. Пискатора. 2 июля 1925 года они выступили со специальным воззванием, в котором писали: «Мы обязуемся оказать борьбе китайских трудящихся материальную помощь»³¹.

ЦК Межрабпома неоднократно обращался к руководству СДПГ и АДГБ с предложением принять участие в кампании. Но съезд СДПГ, проходивший в сентябре 1925 года в Гейдельберге, заявил, что партия «не ставит перед собой в настоящее время вообще задачи организации массовых акций пролетариата»³². Правление АДГБ затягивало ответ, ссылаясь на отсутствие директив из Амстердама, где находилось Центральное бюро международной организации реформист-

²⁷ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934. С. 121.

²⁸ Международное рабочее движение. 1925. № 17. С. 24.

²⁹ Die Rote Fahne. 1925. 21. Juni; Bericht über die Verhandlungen. S. 218, 253.

³⁰ Bericht über die Verhandlungen... S. 211—212.

³¹ Für China. 1925. 2. Juli. H. 4.

³² Sozialdemokratische Parteitag... S. 233.

ских профсоюзов. Однако рядовые социал-демократы, многие местные профорганизации включились в кампанию по собственной инициативе и требовали того же от своего руководства³³.

В результате совместных действий был создан всегерманский комитет «Руки прочь от Китая!», возглавленный В. Мюнценбергом. Комитет развил бурную деятельность: организовывал митинги солидарности, вечера китайской культуры, издавал и распространял брошюры и листовки, а также свой периодический орган «Фюр Хина», проводил сбор материальных средств в фонд помощи. Всего немецкие трудящиеся внесли в этот фонд во время кампании сто тысяч долларов, что составило 35—40% всех средств, собранных в Европе и Америке³⁴. Выдающимся событием кампании стал международный конгресс «Руки прочь от Китая!», созданный Межрабпомом в Берлине 16 августа 1925 года. Конгресс продемонстрировал горячее стремление революционного пролетариата индустриально развитых стран оказать помощь молодому пролетариату колоний и зависимых стран, установить с ним единство действий³⁵. В конце мая 1925 г. в Китай по приглашению китайской общественности отправилась делегация Межрабпома, в которой Германию представлял Ф. Лингардт. Делегация содействовала организации секций Межрабпома в Шанхае и Пекине, ее члены выступили на многих митингах и встречах с китайскими трудящимися. Главная идея их выступлений наиболее ярко была выражена в речи Ф. Лингардта: «Угнетенные пролетарские и интеллектуальные массы Запада чувствуют себя братски солидарными с угнетенными народами Востока, особенно с китайским народом. Нужно создать идейно и организационно единый фронт эксплуатируемых Запада и угнетенных Востока»³⁶.

Приобретенный в 1925 г. опыт был использован компартией в 1927 году при организации новой кампании солидарности с Китаем в момент наивысшего подъема революции. Программой действий немецких коммунистов в этой кампа-

---

³³ M ü n z e n b e r g W. Solidarität, 1921—1931: Zehn Jahre Internationale Arbeiterhilfe. Berlin, 1931. S. 274—280.

³⁴ Мичев Д. Межрабпом. София, 1967. С. 71.

³⁵ Подробнее о конгрессе см.: Соколовская Л. Б. О солидарности немецких коммунистов с китайской революцией 1925—1927 гг. С. 133—134.

³⁶ Für China. 1925. 28. Juli. H. 8.

ни было январское (1927 г.) воззвание ИККИ, которое требовало: добиваться признания революционного Кантонского правительства, мобилизовать все прогрессивные организации на борьбу против возможной империалистической агрессии в Китае, разъяснить матросам и солдатам армий империалистов значение революции в Китае, заставить реформистских лидеров социал-демократии и профсоюзов прекратить саботаж акций в поддержку китайской революции³⁷. Воззвание было поддержано Профинтерном, Антиимпериалистической Лигой, Межрабпом, МОПром и КИМом в документах, вышедших в марте, апреле и мае, и решениями VIII пленума ИККИ³⁸.

КПГ вела кампанию под тремя лозунгами, четко сформулированными в Манифесте ее XI съезда: «Руки прочь от СССР! Руки прочь от Китая! Долой отечественную буржуазию!»³⁹.

Новая кампания солидарности была более массовой, более длительной и более разнообразной по формам движения, чем кампания 1925 года. КПГ, значительно окрепнув к этому времени организационно и идейно, смогла более эффективно осуществить свою руководящую роль. К международным организациям, с которыми КПГ сотрудничала в кампании 1925 года, прибавилась созданная в феврале 1927 года в Брюсселе Лига борьбы против колониализма и империализма. Создание этой организации, чаще называемой Антиимпериалистической Лигой, явилось первой в истории попыткой воплотить в жизнь известный марксистский лозунг «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!». Учредительный конгресс Лиги был подготовлен по поручению Коминтерна немецкими коммунистами, ответственным секретарем исполкома все годы ее существования был В. Мюнценберг. Более тесными стали контакты КПГ и демократических сил Германии с революционным гоминьданом и национально-революционными организациями других стран.

Укреплению связей содействовало и то обстоятельство, что многие делегации следовали на конгресс Антиимпериалистической Лиги через Берлин. Берлин стал также местом проведения всегерманского конгресса Межрабпوما, на кото-

³⁷ Стратегия и тактика Коминтерна... С. 148—149.

³⁸ КИМ за 4 года. М.; Л., 1928. С. 8; Международное рабочее движение. 1927. № 16. С. 1—5; VIII пленум ИККИ: Тезисы, резолюции, воззвания. М.; Л., 1927.

³⁹ Die Rote Fahne. 1927. 10. März.

ром присутствовали многочисленные гости из стран Востока (апрель 1927 года). Здесь же в июне состоялась созданная по инициативе Союза красных фронтовиков международная конференция против войны и фашизма с участием делегаций из Китая и Индии. Активнее, чем в 1925 году, действовала комфракция рейхстага. В конце марта она предложила две резолюции, в которых требовала признания Кантонского правительства и вывода всех империалистических войск из Китая⁴⁰. В рейхстаге и в ландтагах земель коммунисты призывали немецких трудящихся оказать помощь китайскому народу⁴¹. В апреле 1927 года комфракция рейхстага начала борьбу против поставок немецкого оружия китайским белогвардейцам, которая завершилась принятием в 1928 году закона, запрещающего вывоз оружия из Германии⁴². Отличительной чертой кампании 1927 года был повышенный интерес КППГ к обсуждению теоретических проблем национально-освободительного движения: события китайской революции давали для этого богатый материал. Одним из важнейших достижений кампании 1927 года было то, что в ее ходе КППГ впервые сумела, пусть на короткий срок — в феврале — июне, сплотить в массовых акциях солидарности широкие слои рабочих-коммунистов и социал-демократов, а также передовую интеллигенцию страны.

Кампания солидарности 1931—1932 годов была вызвана нападением империалистической Японии на Китай и обострившейся в связи с этим опасностью войны на Дальнем Востоке. Японская агрессия в Китае началась 18 сентября 1931 года, а 1 и 14 ноября того же года КППГ в двух воззваниях, опубликованных в «Роте Фане», призвала немецких трудящихся защитить Китай от японских милитаристов, которые стремятся подобраться вплотную к границам Советского Союза. Условия, в которых проводилась кампания 1931—1932 годов, были чрезвычайно трудными для рабочего класса Германии: это были годы мирового экономического кризиса, поразившего Германию с особенной силой. Несмотря на сложность обстановки, немецкий пролетариат сделал все возможное для оказания помощи китайскому народу, сочетая борьбу за территориальную целостность и националь-

⁴⁰ Der Reichstag..., S. 71.

⁴¹ Aus dem Kampf der deutschen Arbeiterklasse zu Verteidigung der Revolution in China: Eine Auswahl von Dokumenten und Materialien, 1925—1933. Berlin, 1959. S. 59.

⁴² Международная жизнь. 1928. № 4, С. 80.

ную независимость Китая с движением в защиту СССР и с упорным сопротивлением нарастающей опасности фашизма внутри страны. Главное внимание во время новой кампании солидарности КПГ уделила борьбе против поставок военных грузов в Японию, центром которой стал Гамбург. Здесь партийному руководству округа Вассерканте удалось сплотить революционную профопозицию, интернационал моряков и портовых рабочих и гамбургский интернациональный клуб моряков. Газета коммунистов «Гамбургер фольксцейтунг» подняла на борьбу рабочих корреспондентов, которые организовали в гамбургском порту контрольный комитет. Комитету удалось заполучить подлинные документы, подтверждающие вывоз военных грузов из Гамбурга судами немецких пароходных компаний в обход закона 1928 года. Документы публиковались в «Гамбургер фольксцейтунг», их перепечатывала «Роте Фане», и они становились известными всей стране. Правительство вынуждено было принять меры против нарушения закона, и вывоз военных материалов через Гамбург был прекращен. Кроме Гамбурга, движение солидарности в конце 1931 — начале 1932 года широко развернулось в Берлине, в округе Галле и в Средне-Рейнском бассейне⁴³.

КПГ значительно обогатила антиколониальные традиции немецкого рабочего класса своей практикой сотрудничества с различными организациями, возглавлявшими национально-освободительное движение народов Востока. Эти связи развивались по различным направлениям. Историки ГДР отмечают большую помощь, оказанную немецкими коммунистами в формировании социалистической рабоче-крестьянской партии Турции, которую создали в 1919 году в Берлине турецкие рабочие и представители учащейся молодежи. Из числа турецких социалистов, вернувшихся из Германии на родину, выделилась группа создателей Коммунистической партии Турции⁴⁴. Тесные связи существовали между КПГ и КПК, причем немецкие коммунисты, в частности известные деяте-

⁴³ Уже когда настоящая статья была в производстве, появилась публикация Г. Фоске «Документы солидарности КПГ с Компартией Китая, 1925—1931» в журнале: Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1986, № 6. (Примеч. ред.)

⁴⁴ B ö r n e r W. Die revolutionäre deutsche Arbeiterbewegung und die Kommunistische Partei Türkei//Arbeiterklasse und nationaler Befreiungskampf. Leipzig, 1963, S. 139—140.

ли КППГ П. Эверт и О. Браун, нередко выполняли в Китае функции уполномоченных ИККИ. Контакты существовали между КППГ и руководством молодых коммунистических и профсоюзных организаций Индии и некоторых других стран Азии. Кроме того, КППГ сотрудничала с национально-революционными организациями. По данным «Роте Фане» можно установить, например, что, начиная с 1924 года, ЦК КППГ и редакция газеты имели регулярные связи с берлинским комитетом египетского Вафда⁴⁵. Разносторонними были связи КППГ с революционным гоминьданом. В период создания Антиимпериалистической Лиги партия сотрудничала с берлинскими комитетами национально-революционных организаций Индии, Ирана, Кореи, Камеруна, Арабского Востока⁴⁶. На учредительном конгрессе Лиги вместе работали видные деятели КППГ В. Мюнценберг, Ф. Геккер, В. Кёнен, В. Штеккер, Э. Путц и выдающиеся представители национально-освободительного движения Дж. Неру, Х. А. Мелья и многие другие⁴⁷.

Таким образом, теория и практика антиколониальной борьбы КППГ в годы Веймарской республики явились существенным вкладом в развитие антиколониальных традиций немецкого рабочего класса. КППГ обогатила антиколониальный опыт пролетариата Германии в области теоретической разработки национально-колониального вопроса, в практике агитационно-пропагандистской работы, в деле организации массовых кампаний солидарности и разнообразных деловых контактов с коммунистическими, профсоюзными и национально-революционными организациями колоний и зависимых стран. Яркой страницей в истории антиколониальной деятельности КППГ была ее работа в Коминтерне, Профинтерне, Межрабпоне, МОПРе и Антиимпериалистической Лиге при обсуждении этими организациями вопросов национально-освободительного движения и солидарности с ним.

Первое в истории германское социалистическое государство — Германская Демократическая Республика — положило антиколониальные традиции, обогащенные КППГ в годы Веймарской республики, в основу своих отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки — отношений равноправного всестороннего сотрудничества и братской помощи.

⁴⁵ Die Rote Fahne. 1924. 30. Juli, 12. Aug., 9. Oct.

⁴⁶ Ibid. 1926. 16. Febr.

⁴⁷ Соркин Г. З. Антиимпериалистическая Лига: Исторический очерк. М., 1965. С. 307.

**«СРЕДИННАЯ ЕВРОПА»
В ПЛАНАХ ПАНГЕРМАНЦЕВ
(конец XIX в. — 1933 г.)**

Объединение Европы — проблема, занимающая умы философов, историков, экономистов, политических деятелей с конца XIX в. до наших дней.

Неоднократно предпринимались попытки насильственного объединения Европы наполеоновской Францией, кайзеровской Германией, гитлеровским фашизмом. Выдвигались идеи создания «Союза европейских народов», «нового порядка в Европе», «общей европейской системы» и др. В 1923 году немецким буржуазным социологом консервативного направления Рудольфом Смедом введено понятие «интеграция Европы», заменившее собой прежние обозначения для объединения и приобретшее после второй мировой войны специфически империалистическое звучание.

Среди реакционных идей европейского объединения значительное место занимают срединноевропейские концепции, разработанные членами Пангерманского союза (1891—1939 гг.) — шовинистической организации самых агрессивных и реакционных сил Германии, финансировавшейся крупнейшими промышленниками и юнкерами.

В данной статье сделана попытка раскрыть империалистическую сущность пангерманских идей «Срединной Европы» и выяснить, почему эти идеи, оформившись в конце XIX века, вновь возродились в период Веймарской республики.

Научное освещение этих вопросов имеет большое значение для борьбы с современной буржуазной идеологией, в которой используются некоторые пангерманские концепции «Срединной Европы» для обоснования необходимости интеграции капиталистических стран Западной Европы.

Поставленные задачи решаются в статье на основе анализа теоретических положений классиков марксизма-ленинизма об особенностях социально-экономического и политического развития Германии в конце XIX — начале XX в., официальных изданий Пангерманского союза, работ представителей пангерманской историографии — Д. Шефера, Г. фон Белова, Э. Хассе, Э. Маркса, М. Шпана и др.

Ученые СССР, ГДР и других социалистических стран специально эту проблему не освещали. Отдельные вопросы, связанные с развитием реакционных пангерманских концепций «Срединной Европы», рассматривались советскими историками А. М. Дебориным, Т. Ю. Григорьянц, С. Левиной, К. Д. Петряевым, исследователями из ГДР А. Абушем, Г. Гейденом, А. Норденом¹.

Идея объединения государств в «Срединную Европу» не принадлежит пангерманцам. Еще в первой половине XIX в. известные экономисты Фридрих Лист и Константин Франц, а затем востоковед и публицист Беттихер, писавший под псевдонимом Поль де Лагард, высказали ряд идей в пользу срединноевропейского объединения. Программу последнего можно суммировать так: Срединная Европа, «которая будет называться Германией», включит колонизованную Австрийскую империю и вообще проживающих вне Германии немцев (эта «часть германской нации должна быть вовлечена в органическое единство с тремя другими частями») и станет державой, контролирующей Европу².

Начало разработки собственно пангерманцами планов «Срединной Европы» — ядра их экспансионистских замыслов — ознаменовалось выходом в свет в 1893 г. анонимной брошюры «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 г.», в которой пункт за пунктом излагалась программа экономического, политического и военного устройства срединноевропейского объединения. Анонимный автор включал в его состав всю континентальную Европу за исключением Италии, Испании, Скандинавских стран.

Особое место отводилось России. «Заботой» «о национальном единстве русского государства» пангерманцы объясняли

---

¹ Деборин А. М. «Срединная Европа» — оружие германской империи // Вопросы истории. 1954. № 8; Григорьянц Т. Ю. К вопросу о преемственности империалистической германской политики и планов колонизации западных польских земель в период первой мировой войны // Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974; Левина С. К истории Пангерманского союза // Красный архив. 1939. № 1; Петряев К. Д. Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Киев, 1969; Абуш А. Ложный путь одной нации: К пониманию истории. М., 1962; Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960; Норден А. Уроки германской истории. М., 1948. См. также: Асадулина И. Г. Буржуазная историография Пангерманского союза // Внешняя политика и общественные движения в странах Западной Европы в конце XIX—XX в. М., 1977.

² Lagarde P. de. Deutsche Schriften. Göttingen, 1882. S. 34—36

стремление отторгнуть от Российской империи польские и прибалтийские провинции. Пангерманец утверждал, что если Россия освободится от прибалтийских протестантских провинций и от римско-католических поляков, то она будет успешно развиваться по пути святого национального государства, государства греко-православного, вместо того, чтобы тратить свои силы на напрасные попытки ассимилировать западную страну с чужой расой, культурой и религией. «Россия,—писал автор брошюры,—как все государства Центральной и Западной Европы, должна стать национальным государством, между тем как до сих пор она была только территориальным государством. Она хочет иметь только одну веру, только одного царя, только один язык»³.

В работе «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 году» планировалось создание в центре Европы Великогерманской конфедерации в составе Малогерманской империи, Голландии, Бельгии, Швейцарии и Австрийской империи, а также Великогерманского таможенного союза. Предложенная автором работы политическая структура конфедерации предопределяла господствующее положение в ней Германии.

Представители законодательных органов не избирались, а назначались. Председательство в государственной палате и управление федеральными делами передавались в руки канцлера, который назначался императором. Конфедерации предоставлялось право покупать железные дороги на всей ее территории и управлять ими. Расходы конфедерации предполагалось покрывать за счет ее собственных ресурсов, сборов таможенного союза и ссуд государств — членов конфедерации.

В пангерманском духе решался в работе вопрос о правах граждан. Все подданные конфедерации являлись бы одновременно подданными государств, в нее входящих. Для права приобретения немецкого гражданства необходимо было, во-первых, доказать «перед администрацией», что тот или иной гражданин является немцем; во-вторых, владеть немецким языком в устной и письменной форме; в-третьих, к 21 году приобрести право немецкого местожительства, не утрачиваемое «вследствие пребывания за пределами федеральной территории», «от которого можно отказаться только с согласия Государственной палаты, но которого можно лишиться

³ Grossdeutschland und Mitteleuropa in dem Jahr 1950 von einem Alldeutschen. 2. Auflage. Berlin, 1897. S. 7--9.

по приговору трибунала «вследствие оскорбления нации». Только немецкие граждане будут в будущем иметь право избирать и быть избранными в представительства всех рангов — земель, государств, империи, а также право служить в армии и во флоте, право выполнять юридические функции, право приобретать собственность другими средствами, кроме наследования (покупка, обмен)⁴.

В результате на политической карте Европы должно было возникнуть новое объединение, в котором государства — члены конфедерации хотя формально и пользовались бы равноправием, на деле сковывались прусскими традициями и находились в полной политической зависимости от Германии. Экономическая же зависимость определялась наличием Великогерманского таможенного союза: снижение или уничтожение внутренних таможенных пошлин было чревато ликвидацией важной статьи дохода его более слабых членов, проникновением германских товаров и капиталов на их внутренние рынки, гибелью их национальной промышленности в неравной борьбе с германскими фирмами и превращением их в сырьевые придатки Германии. Таким образом, пропагандируя европейский союз как панацею от всех бед капиталистической конкуренции, постоянно призывая к согласию между его членами якобы для упрочения общих интересов без ущерба для частных, пангерманцы фактически обрекали союзников на полную экономическую и политическую зависимость.

Вышеизложенные идеи автора «Великой Германии и Средней Европы в 1950 г.» развивали и конкретизировали члены Пангерманского союза Ф. Блей, П. Ден, Ф. Ланге, Э. Хассе и др. В их работах уже не скрывались истинные мотивы образования «Срединной Европы», на первый план выдвигались проблемы тесной взаимосвязи экономического развития и внешнеполитической экспансии Германии.

Теоретик и председатель Пангерманского союза Э. Хассе в вышедшей в 1897 г. работе «Германская мировая политика», основываясь на безусловно верных фактах бурного экономического развития германской промышленности, работавшей как на внутренних, так и на внешний рынки, делал следующий вывод: «Вполне закономерная ошибка нашего времени думать, что благодаря высокому уровню развития экономики без всего прочего могут быть обеспечены государственная безопасность и политическая мощь». Далее Э. Хассе

⁴ Ibid. S. 44—46.

переходит к заключению о необходимости установления равновесия «между экономическими интересами и мировой мощью», ибо экономическая зависимость от не зависящих от Германии внешних рынков грозит немецкой индустрии большой бедой и равносильна, по его мнению, уничтожению «немецкого духа... мышления, культуры и всего прочего»⁵. После столь внушительного вступления он обращает внимание соотечественников не на далекую Африку, а на соседние европейские страны, которые часть пангерманцев рассматривала как объект первоочередной колонизации. Останавливаясь на разработке внутреннего устройства «Срединной Европы», Хассе пишет: «Совершенно очевидно, что при объединении и присоединении к союзу старое положение вещей не сохранится, наоборот, союз должен влиять и на другие стороны экономической жизни, а именно: на средства транспорта и связи, создание единых учреждений в области железнодорожного транспорта и телеграфа...» Лидер пангерманцев завершает свои рассуждения совершенно бездоказательным выводом о том, что малые союзные государства, войдя в состав «Срединной Европы», получают неизмеримое преимущество перед прочими европейскими странами, так как будут находиться в «правомерном и правомочном» союзе с великой, могучей, сытой Германской империей⁶.

Хотя Германия потерпела поражение в первой мировой войне, по Версальскому договору потеряла 13,5% территории, 10% населения и все колонии, она, как писал В. И. Ленин, обладала «гигантскими экономическими возможностями»⁷. В результате Ноябрьской революции в стране рухнул кайзеровский режим, но не было ликвидировано господство монополистов и юнкерства — носителей реакционной идеологии.

Ослабление позиций германского империализма в результате военного поражения и Ноябрьской революции ввергло пангерманскую идеологию в глубокий кризис. В Веймарской республике пангерманцы не были готовы извлечь уроки из истории, прочно держались за реакционно-монархические представления и открыто объявляли себя противниками веймарского строя. Характерно заявление видного историка-пангерманца Д. Шефера в 1919 г.: «43 года с 1871 по 1914 являлись самыми блестящими и счастливейшими, которые ког-

⁵ Hasse E. Deutsche Weltpolitik. München, 1897. S. 4.

⁶ Ibid. S. 9.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 68.

да-либо переживала Германия»⁸. Его коллега Г. фон Белов утверждал: «Нет ни малейшего основания пересматривать что-либо в прошлых концепциях»⁹, а Э. Маркс отмечал, что преодолеть современные трудности германский народ сможет, изучая опыт «великого прошлого Германии»¹⁰. Это означало, что в планах германского империализма многое должно остаться на своих местах.

Пангерманцы не считали необходимым скрывать свои захватнические планы и после Ноябрьской революции. В марте 1919 г. Вильгельм Кубе заявил: «Мы, немцы, не можем долго довольствоваться пассивной ролью. Самой счастливой эрой в мировой истории была та, когда победоносная германская нация, ведомая великими железными личностями, шагала по просторам земного шара... Мы открыто провозглашаем, что являемся партией реванша, мы требуем немедленного аншлюса Австрии и прибалтийских городов и возвращения всех наших колоний. А для начала мы должны свести счеты с чехами и поляками»¹¹.

Перед идеологами пангерманизма стояла сложная задача обоснования концепций достижения мирового господства. Интеллектуальная элита союза — политэкономы, географы, юристы, писатели и т. п., как и перед первой мировой войной, продолжали формировать общественное мнение в пользу объединения Европы под эгидой Германии. Значительная роль в решении поставленной задачи принадлежала ведущим историкам страны — пангерманцам Г. фон Белову, Э. Марксу, Д. Шеферу, М. Шпану и др. Были написаны буквально сотни книг и лженаучных трактатов, направленных на идеологическую подготовку масс в этом духе.

Можно проследить прямую зависимость и преемственность пангерманских планов объединения Европы перед первой мировой войной и в период Веймарской республики, за исключением некоторых деталей. Это касается вопросов географии «Срединной Европы», политической и экономической организации европейского объединения и прав его граждан.

---

⁸ Schäfer D. Wie wurden wir ein Volk? Wie können wir es bleiben? München, 1919. S. 46.

⁹ Belov G., von. Die parteiamtliche neue Geschichtsauffassung // F. Manns pädagogisches Magazin. H. 801. Langensalza, 1920. S. 50.

¹⁰ Marcks E. Das Deutsche Reich // Wissen und Wehr. 1921. H. 1. S. 24.

¹¹ Цит. по: Кан А. Заговор против мира. М., 1961. С. 101—102.

Вместе с тем пангерманцы ощущали необходимость известной модификации своих взглядов и их хотя бы частичного приспособления к изменившейся ситуации.

В период Веймарской республики пангерманцы вынуждены были пересмотреть (несколько изменить) свои программные установки. На первый план они выдвинули реакционные внутривосточные цели Пангерманского союза, которые диктовались стремлением преградить дорогу германскому рабочему движению к социалистической революции, ненавистью к парламентаризму и всякому демократическому развитию. Пангерманцы понимали, что революционные преобразования уничтожат и их проекты достижения европейской и мировой гегемонии.

Новые программные установки были зафиксированы правлением Пангерманского союза в Бамбергском заявлении от 31 августа 1919 г., на основе которого были внесены изменения и в устав. В начале заявления выдвигались требования восстановления монархии, «нравственного пробуждения германского народа», «борьбы со всеми силами, которые тормозят развитие германского народа», «возрождения германских вооруженных сил». Далее в заявлении почти без изменений излагались внешнеполитические планы, требование возвращения территорий, «силой отторгнутых от Германской империи», подчинение австрийских земель Германии, «защита и помощь немцам, проживающим и притесняемым за границей», и т. д.¹²

С 1924 года в Германии начинает выходить «Геополитический журнал» («Цейтшрифт фюр геополитик»), основателем которого был пангерманец Карл Гаустгофер. На страницах журнала значительное место отводилось пропаганде идеи срединноевропейского единства. В нем обсуждались многочисленные проекты колонизации немецкими поселенцами различных областей Украины, Прибалтики, Польши, Австрии, причем границы планируемой колонизации все более расширялись.

Особое место в планах пангерманцев по-прежнему занимала Россия. Брестский мир породил в правящем лагере и в пангерманских кругах убеждение в возможности подчинить себе Россию, от которого не хотели отказаться и после окончательного поражения в первой мировой войне. Так, в жур-

¹² K r u c k A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes, 1890—1939. Wiesbaden, 1954. S. 130.

нале «Цейтшриффт фюр геополитик» говорилось: «Романские народы и германцы рассматривают Россию в качестве будущей колонии... Если кусок слишком велик для одного, то его делят на сферы влияния. Во всяком случае, Россия вступает в новую полосу своей истории: она становится колониальной страной»¹³.

С Руссией пангерманцы теперь хотели поступить иначе, чем перед первой мировой войной. Они стремились полностью подчинить ее Германии, превратить в колонию, управляемую немецкой администрацией. Составляя с поработенной Руссией центр «Срединной Европы», Германия превратилась бы в неуязвимую в экономическом и военном отношениях твердыню.

В 20—30-е годы пангерманцы активно поддерживали экономическую политику промышленно-финансовых кругов Германии в странах Европы, подлежащих германизации. Эти круги препятствовали экономическому развитию западных польских земель, стремились превратить их в источники сырья и рынки сбыта для германской промышленности. Однако Верхней Силезии, которая еще в конце XIX — начале XX в. достигла высокого индустриального развития, отводилась иная роль: шахты, рудники, заводы принадлежали здесь германскому монополистическому капиталу, и пангерманские круги призывали немцев закрепить свои экономические позиции в западных польских землях, отошедших к Польше по Версальскому договору.

Пангерманский союз был также инициатором политики экономического нажима и давления на Польшу, апогеем которой явилась «таможенная война» 1925 года. Она имела целью довести Польшу до полного экономического краха, облегчить ревизию ее западных границ, а впоследствии завладеть «остатком, неспособным к самостоятельной жизни». Даже буржуазно-демократическая газета «Франкфуртер цейтунг» 14 июня 1925 г. писала: «Так или иначе Польша выйдет из этой таможенной войны смертельно раненной. Она лишится сил, а в конечном итоге и независимости... А тогда, через несколько лет... мы добьем умирающую...»¹⁴ Не отождествляя пангерманцев с правительством или с буржуазно-

¹³ Zeitschrift für Geopolitik, 1926. N. 1. S. 10—11.

¹⁴ Цит. по: Григорьянц Т. Ю. К вопросу о преемственности империалистической германской политики в период первой мировой войны // Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974. С. 160.

демократической прессой, нельзя все же недооценивать влияние их пропаганды на общественное мнение страны, особенно если учесть, что один из основателей Пангерманского союза, ярый антипольник и будущий министр в первом правительстве Гитлера, А. Гугенберг возглавлял в Веймарской республике самый крупный газетно-журнальный концерн, контролировавший значительную часть германской периодики¹⁵. Осуществляя антипольский курс, пангерманские пропагандисты одновременно усиленно распространяли легенды о неисчислимых хозяйственных и культурных благодеяниях, которые якобы принесло польскому народу вековое германское господство.

На закате существования Веймарской республики, в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., пангерманская пропаганда в отношении перспектив европейских стран, включаемых в состав германизированной Европы, становилась все более откровенной. Так, пангерманец и впоследствии нацистский министр Вальтер Дарре предлагал создать федерацию европейских государств, в центре которой должна находиться Германия, а Чехия, Моравия, Австрия составят ее нераздельные части. Вокруг этого блока предполагалось создание системы маленьких и средних вассальных государств. Прибалтийские государства и Польша, превращенные в чисто этнографические понятия, Венгрия, поделенные Сербия и Хорватия, уменьшавшаяся Румыния, целый ряд южно-русских областей и государств, а также государств кавказских должны войти в федерацию, и из них Германия сможет черпать свое могущество. Все это должно быть сцементировано общей армией, экономической, денежной системой, общей внешней политикой¹⁶.

Незадолго до прихода фашистов к власти видный геополитик и пангерманец Трамплер опубликовал статью, в которой утверждал, что «государственное членение междуевропейского пространства невыносимо». Под междуевропейским пространством он понимал государства, находившиеся к востоку от Германии. Выход, утверждал автор, состоит в том, чтобы подчинить эти государства в экономическом и политическом отношении. Они должны, вешал Трамплер, превратиться в аграрно-сырьевые придатки. Правда, тогда будет

¹⁵ См.: Биск И. Я. Концерн прессы Гугенберга в Веймарской республике // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970.

¹⁶ См.: Откровения фашистских людоедов. М., 1942. С. 30.

уничтожена собственная промышленность этих стран. Но, по его мысли, это будет только к лучшему, ибо промышленность восточноевропейских стран излишня, а вложенные в нее капиталы затрачены бесцельно. В перспективе, писал Трамплер, создается геополитически ясно очерченная картина: «Северо-восточная и юго-восточная Европа, скрепляемая тисками германского пространства»¹⁷.

Таким образом, пангерманские проекты «Срединной Европы» как в конце XIX — начале XX в., так и в период Веймарской республики представляли собой программу и идеологическое обоснование агрессивного внешнеполитического курса германского империализма, стремившегося к расширению аграрно-сырьевой базы и рынков сбыта, захвату новых земель. Пропаганда различных идей создания объединенной Европы призвана была также отвлечь внимание немецких трудящихся от классовой борьбы. Пангерманизм с его проповедью «Срединной Европы» явился идейным предшественником германского фашизма, который попытался реализовать эти захватнические планы.

---

¹⁷ *Jenseits der Grossmächte* /Hrsg. K. Haushofer. München, 1932. S. 51.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Гинцберг Л. И. Историки ФРГ о приходе фашистов к власти в Германии (конец 70-х — начало 80-х годов)	6
Баев В. Г. Документы рейхстага как источник по истории Веймарской республики	16
Ерин М. Е. Протоколы парламентской фракции партии Центра как источник по истории Веймарской республики	34
Цветков В. А. Публикация «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945» как источник по истории взаимоотношений Веймарской республики со странами Восточной и Юго-Восточной Европы в 1925—1932 годах	50
Биск И. Я., Андреев А. Н. Радикально-демократическая периодика Веймарской республики	66
Исаева Н. В. Источниковедение истории Коммунистического союза молодежи Германии (1919—1933)	86
Нарыкова Н. М. О некоторых источниках по истории крестьянского движения в Веймарской республике	106
Федотова В. Ю. Писатель Ганс Гримм на службе фашизма	116
Палий И. Н. Быт и нравы Веймарской Германии в произведениях Э. М. Ремарка	128
Соколовская Л. Б. Развитие антиколониальных традиций немецкого рабочего класса коммунистами Веймарской республики	146
Асадулина И. Г. «Срединная Европа» в планах пангерманцев (конец XIX в. — 1933 г.)	161

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА:
история, источниковедение, историография
Межвузовский сборник научных трудов
Редактор **Т. Ларина**
Художник **В. Поюров**
Корректоры **Т. Земскова, М. Балябина**
Технический редактор **Л. Артамонова**
Свод. тем. пл. № 367

Сдано в набор 01.07.87. Подписано в печать 12.08.87. КЕ 03172. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага писчая № 1. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отг. 10,12. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ 2860. Цена 1 р. 50 к.

Редакционно-издательский отдел Ивановского
государственного университета, 153377, г. Иваново, ул. Ермака, 39.
Типография Управления учебных заведений Минэнерго СССР,
г. Иваново, 153025, ул. Ермака, 41.

1 р. 50 к.

9143/
B-264

Иваново 1987